05(57)
С34

Сибирская летопись.

1916, №№ 6-8

905(57)
С34

Годъ изданія 5-й.

Сибирская Лѣтопись

(Сибирскій Архивъ)

№№ 6—8.

Іюнь—Іюль—Августъ 1916 года.

ИРКУТСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА «М. П. ОКУНЕВЪ И К-О».
1916.

Оглавленіе №№ 6—8.

Стран.

1) **Проф. П. Лященко.** Къ исторіи насажденія частной земельной собственности въ Сибири 241
2) **И. Т. Савенковъ.** О памятникахъ, оставленныхъ на р. Енисеѣ человѣкомъ—современникомъ мамонта . 247
3) **К. Дубровскій.** Изъ китайскихъ мотивовъ. Стих. 257
4) **М. П. Овчинниковъ.** Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній 258
5) **Варвара Статьева.** По Ленѣ 287
6) **А. Пруссакъ.** Замѣтка о Тункинскомъ острогѣ . . 303
7) **В. Н. Соколовъ.** Экономическія перспективы Забайкалья 305
8) **Н. Чужакъ.** Литературныя замѣтки 325
9) Изъ консисторскихъ нравовъ недавняго прошлаго. 337
10) Открытое письмо гг. Крутовскому и Колосову . . 341
11) **В. А. Ватинъ.** Изъ исторіи евреевъ въ Сибири . . 342
12) **А. Линьковъ.** Тагарское озеро, какъ лечебный курортъ 348
13) **Леонидъ Орловъ.** По сибирскимъ архивамъ . . . 365
14) Сибирская библіографія 368

Отъ редакціи.

„Сибирскій Архивъ“ переименованъ въ „Сибирскую Лѣтопись“ въ виду расширенія программы журнала отдѣлами **культуры и общественности.**

Сибирская Лѣтопись.

Журналъ исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, культуры и общественности Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

№ 69679

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 5.

№ 6—8.

Іюнь—Іюль—Августъ 1916 г.

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова-
Сибиряков

ИРКУТСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА «М. П. ОКУНЕВЪ И К-О».
1916.

Проф. П. Лященко.

Къ исторіи насажденія частной земельной собственности въ Сибири.

Попытки насажденія частнаго землевладѣнія въ Сибири встрѣчаются уже съ самаго начала XIX вѣка. Такъ, еще въ 1804 г. бывшій тогда министромъ финансовъ гр. Васильевъ находилъ полезнымъ установить продажу казенныхъ земель въ Тобольской губ., но осуществить этого не удалось, въ виду полной невыясненности размѣровъ и границъ казеннаго землевладѣнія въ Сибири. То же самое предположеніе возникало и въ 1810 году, въ цѣляхъ составленія капитала погашенія государственныхъ долговъ, но въ послѣдовавшемъ затѣмъ манифестѣ о продажѣ казенныхъ имуществъ 10 сентября 1810 г. земли Сибирскихъ губерній, въ виду ничтожной ихъ цѣнности, не были назначены на продажу.

Впервые въ законодательномъ актѣ основаніе образованію частной земельной собственности въ Сибири было положено закономъ 22 іюля 1822 г., по которому, въ цѣляхъ привлеченія въ Сибирь на службу чиновниковъ, имъ было предоставлено право на надѣленіе землею въ собственность. Но и этотъ законъ не способствовалъ приливу въ Сибирь чиновниковъ, желавшихъ заняться земледѣліемъ, и не послужилъ толчкомъ для развитія частной земельной собственности въ Сибири. Да и не было ничего удивительнаго, что Сибирскіе участки не привлекали чиновничество, такъ какъ въ то время и въ Европ. Россіи земля, въ особенности безъ крѣпостныхъ, почти ничего не стоила, а въ Сибири она не имѣла совершенно никакой цѣны.

Тѣмъ не менѣе правительство не оставляло мысли объ этомъ способѣ насажденія частной земельной собственности въ Сибири и неоднократно къ нему возвращалось. Такъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 3 марта 1832 г. вновь было подтверждено право чиновниковъ на надѣленіе землею. Далѣе, Высочайшими повелѣніями 14 февраля и 4 декабря 1844 г. было предписано приступить къ осуществленію этого надѣ-

ленія путемъ отмежеванія отъ казенныхъ земель участковъ. Первоначально для этой цѣли въ Курганскомъ у. Тобольской г. было отмежевано и нарѣзано 500 земельныхъ участковъ для безвозмезднаго надѣленія дворянамъ и чиновникамъ. Но и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ ни одинъ участокъ не былъ взятъ.

Съ 1860 г., въ виду этихъ неудачъ, правительство рѣшаетъ принять другую систему, именно продажу казенныхъ земель съ торговъ лицамъ, вообще обладающимъ достаточными капиталами и знаніями для веденія сельскаго хозяйства, безъ различія сословій. По Высочайшему повелѣнію 31 марта 1860 г. изъ нарѣзанныхъ для дворянъ въ 1844 г. участковъ въ Курганскомъ уѣздѣ направлено на продажу съ торговъ 484 участка площадью въ 38,7 тыс. дес. земли, оцѣненныхъ въ 60,7 тыс. руб. Результаты этого мѣропріятія были гораздо болѣе успѣшны, чѣмъ предыдущіе: всѣ участки были проданы за 161,5 тыс. руб. 89 лицамъ. При этомъ, 250 участковъ площадью въ 20 тыс. дес. осталось за 12 купцами, 156 участковъ въ 12,5 тыс. дес. за 75 крестьянами и 46 участковъ въ 3,6 тыс. дес. за 6 чиновниками. Такимъ образомъ, хотя и эта попытка не привела къ насажденію дворянскаго землевладѣнія въ Сибири, но все же она показала на возможность развитія тамъ вообще частнаго землевладѣнія. Поэтому, для продажи съ торговъ было отведено вскорѣ еще 45 тыс. дес., отводъ же земель по Высочайшему пожалованію, въ цѣляхъ поднятія культуры, былъ указомъ 26 іюля 1868 г. совсѣмъ прекращенъ.*)

Однако, этимъ не закончились попытки насажденія въ Сибири дворянскаго землевладѣнія. Въ слѣдующемъ же 1869 году на Зап. Сибирь былъ распространенъ общій законъ 14 іюля 1868 г. объ отводѣ земель на льготныхъ условіяхъ, съ правомъ выкупа, отставнымъ военнымъ и чиновникамъ. Но и этотъ законъ не имѣлъ успѣха и, какъ оказалось, по новому закону представилась возможность отвести лишь 5 участковъ, изъ которыхъ только два были впослѣдствіи выкуплены въ собственность.

Между тѣмъ, несмотря на выяснившуюся полную неудачу этихъ мѣропріятій, правила о раздачѣ земель въ собственность были 26 марта 1861 г. распространены и на Восточную Сибирь, при чемъ, однако, здѣсь предполагалось раздавать земли безъ различія сословій, всѣмъ лицамъ желающимъ переселиться сюда за собственный счетъ, въ томъ числѣ и иностраннымъ колонистамъ. Эти правила 26 марта

*) П. С. З. 46143.

первоначально были изданы въ видѣ опыта на 20 лѣтъ, но впослѣдствіи они были продлены еще на 10 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось, что и для Вост. Сибири эти правила имѣютъ не большій успѣхъ, чѣмъ и для Западной. За всѣ 30 лѣтъ въ Амурской и Приморской обл. было образовано всего лишь 317 участковъ. Дѣйствіе правилъ продлено было еще на 10 лѣтъ, но и за это время было образовано и роздано всего лишь 154 новыхъ участка.

Послѣ этого попытки насажденія частной земельной собственности въ Сибири на долгое время прекращаются. Только съ постройкой Сибирской жел. дор. вопросъ о частномъ землевладѣніи снова выдвигается на очередь. Именно, прежде всего Комитетомъ Сибирской ж. д. было постановлено, въ видѣ временной мѣры, совершенно воспретить пріобрѣтеніе частными лицами казенныхъ земель въ раіонѣ желѣзной дороги въ Приморской и Амурской обл., впредь до разрѣшенія общаго вопроса о способахъ колонизаціи края. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ былъ выработанъ и внесенъ въ Комитетъ проектъ новыхъ правилъ о насажденіи частнаго землевладѣнія въ Сибири. Преслѣдуя, по его словамъ, только экономическія цѣли поднятія культуры, а не какія либо сословныя, проектъ этотъ предполагалъ организовать продажу и сдачу въ аренду казенныхъ земель съ торговъ, при чемъ право покупки предоставить всѣмъ желающимъ (кромѣ инородцевъ и иностранцевъ), достаточно въ хозяйственномъ отношеніи обезпеченнымъ лицамъ, право же на полученіе земли въ аренду предоставить преимущественно дворянамъ и чиновникамъ.*)

Хотя это заключеніе проекта было принято подготовительной комиссіей при Комитетѣ Сибирской ж. д., тѣмъ не менѣе оно было передано по Высочайшему повелѣнію въ особое совѣщаніе по дѣламъ дворянскаго землевладѣнія подъ предсѣдательствомъ Дурново для разсмотрѣнія съ точки зрѣнія интересовъ дворянскаго сословія. Вопросъ былъ такимъ образомъ снова переведенъ на почву сословныхъ интересовъ. И дѣйствительно, совѣщаніе Дурново, въ противоположность Комитету Сибирской ж. д., высказалось за предоставленіе отвода земель исключительно потомственнымъ дворянамъ, «которые по хозяйственной своей благонадежности и инымъ соображеніямъ» будутъ признаны желательными Сибирскими землевладѣльцами.**) Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе увеличило

*) Архивъ Госуд. Сов., деп. экон. 1901, № 68, л. 106.
**) Журналъ совѣщанія № 10, л. 2.

размѣръ участка, пріобрѣтаемаго въ собственность однимъ лицомъ дворянскаго происхожденія до 3000 дес., облегчивъ условія выкупа ихъ.

Проектъ этотъ, уже пріобрѣтя такимъ образомъ окраску мѣропріятія для поддержанія дворянскаго землевладѣнія, а не мѣры колонизаціи Сибири, по Высочайшему повелѣнію и былъ переданъ на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта.

Между тѣмъ, необходимо указать, что проектъ о насажденіи частнаго землевладѣнія въ Сибири былъ предварительно переданъ на заключеніе высшей администраціи Сибири и большинство ея дало отрицательный о немъ отзывъ. Такъ, губернаторы Степной, Тобольскій и Пріамурскій указывали на совершенную неприспособленность насаждаемаго частнаго землевладѣнія къ нуждамъ Сибири и на отсутствіе сколько нибудь замѣтныхъ и полезныхъ результатовъ его. Только Томскій губернаторъ указывалъ на необходимость и желательность насажденія частновладѣльческихъ хозяйствъ для поднятія сельской культуры среди переселенцевъ путемъ примѣра раціональнаго веденія сельскаго хозяйства въ этихъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. По собраннымъ въ то же время свѣдѣніямъ оказалось, что за 40 лѣтъ попытокъ насажденія частнаго землевладѣнія въ Сибири оно достигло очень скромныхъ результатовъ. Именно, по различнымъ губерніямъ частныя владѣнія распредѣлялись:

Губерніи.	Число владѣній	Общая площадь земли.	Средняя величина владѣній.
Томская	52	26.387	507,3
Тобольская	631	284.246	450,4
Иркутская	14	58.183	4.155,9
Енисейская	9	60.579	6.731,0
Степная	513	587.231	1.144,7
Амурская	475	78.728	165,7
Приморская	133	16.314	122,6
Всего	1827	1.111.668	608,4

Внесенный въ Госуд. Совѣтъ проектъ вызвалъ, однако, и здѣсь большія разногласія по многимъ основнымъ вопросамъ. *) Прежде всего, нѣкоторые члены Совѣта указывали на опасность и нежелательность вообще распродажи казенныхъ земель въ Сибири и считали нужнымъ исключить изъ проекта всѣ предположенія, касающіяся продажи казенныхъ земель съ торговъ. Однако, большинство поддерживало проектируемую продажу казенныхъ земель съ торговъ, считая

*) Архивъ Госуд. Совѣта, журналъ Соед. департ. законовъ и экон. 28 апрѣля—4 мая 1901 г. № 68.

ее наиболѣе выгоднымъ способомъ ликвидаціи казеннаго землевладѣнія. Такое же разногласіе возникло и по вопросу о размѣрахъ отводимыхъ участковъ, при чемъ большинство 13 членовъ полагали назначать, какъ максимумъ для отвода, 1000 дес., 11 же членовъ предлагали увеличить эту норму до 3000 дес. Большія разногласія возникли и по вопросу о преимущественныхъ правахъ дворянства на получаемые участки, при чемъ все же за исключительныя права дворянства на полученіе участковъ, въ духѣ заключеній комиссіи Дурново, высказалось лишь меньшинство въ 7 членовъ; наоборотъ, подавляющее большинство 20 членовъ стояло лишь за нѣкоторыя преимущества дворянства въ надѣленіи казенными участками. Такое же разногласіе оказалось и въ общемъ собраніи Госуд. Совѣта, причемъ по центральному вопросу законопроекта, объ исключительныхъ правахъ дворянства на отводимыя земли, высказалось лишь меньшинство въ 16 членовъ, за преимущественныя лишь права—большинство въ 39 членовъ; по вопросу же о размѣрахъ участковъ—за максимальную норму въ 3000 дес.—меньшинство въ 23 члена, за норму же въ 1000 дес.—большинство въ 32 члена. *)

Высочайшее утвержденіе по обоимъ этимъ вопросамъ получило мнѣніе меньшинства. 8 іюля 1901 года эти проэкты насажденія частной собственности въ Сибири стали закономъ. Вопросъ былъ разрѣшенъ даже въ болѣе покровительственномъ дворянскому землевладѣнію духѣ, чѣмъ это предполагало большинство Госуд. Совѣта и согласно мнѣнію дворянскаго совѣщанія Дурново.

Тѣмъ не менѣе, и изъ этого закона на практикѣ ничего не вышло. Отчасти причиной неудачи и этой попытки явились тѣ формальности, которыми законъ обставилъ отводъ и полученіе участковъ. По закону Министръ Земледѣлія долженъ былъ не рѣже какъ черезъ каждые 3 года публиковать во всеобщее свѣдѣніе о подлежащихъ продажѣ и отводу участкахъ. Въ первые же годы было предположено къ отводу до 110 тыс. дес. Но для полученія этихъ участковъ установлена была сложная процедура переписки и сношеній отдѣльныхъ вѣдомствъ, прохожденія черезъ второй департаментъ Госуд. Совѣта и утвержденія Высочайшей властью. Поэтому попытки нѣкоторыхъ лицъ получить участки затягивались въ осуществленіи на много лѣтъ и на практикѣ законъ 8 іюля осуществленія не получилъ. Послѣ же событій 1905—1906 гг. и небывало усилившагося пересе-

*) Архивъ Гос. Сов. Журналъ общаго собр. 28 мая 1901 г.

ленческаго движенія въ Сибирь, отведенные было для частныхъ землевладѣльцевъ участки были использованы для переселенія. Вопросъ о частномъ и дворянскомъ землевладѣніи въ Сибири снова не получилъ осуществленія и заглохъ.

Такимъ образомъ, неоднократныя на протяженіи цѣлаго столѣтія попытки государства придти на помощь Сибири и ея сельскому хозяйству - насажденіемъ дворянскаго землевладѣнія или вѣрнѣе -оскудѣвающему дворянству придти на помощь открытіемъ для него сибирскихъ земель не увѣнчались успѣхомъ. Ни Сибирь, повидимому, не искала помѣщиковъ, ни помѣщики не стремились въ Сибирь. Сибирь остается попрежнему «крестьянскимъ моремъ», безбрежнымъ и почти безъ всякихъ островковъ частновладѣльческой собственности.

Небрежное храненіе коллекцій въ Иркутскомъ музеѣ географическаго общества.

Въ 1909 году Иркутскій музей географическаго общества посѣтила докторъ зоологіи Марія Васильевна Павлова, членъ геологическаго комитета при Московскомъ университетѣ: въ послѣднее время она читаетъ лекціи по зоологіи въ университетѣ Шанявскаго.

М. В. Павлова заинтересовалась въ музеѣ черепами ископаемыхъ барановъ ovis argalis, которые находились въ палеонтологическомъ отдѣлѣ. За недостаткомъ времени, г. Павлова не занялась подробнымъ ихъ изученіемъ, а только записала ихъ въ памятную книжку, каждый экземпляръ съ присвоеннымъ №-ромъ, вѣроятно, каталога.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года М. В. Павлова снова посѣтила музей и, конечно, обратила вниманіе на черепа ovis argalis. Провѣривъ по памятной книжкѣ списокъ этихъ череповъ, она обнаружила исчезновеніе изъ коллекціи двухъ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ особенно интересовалъ г. Павлову.

Консерваторъ музея г. Богородскій по поводу исчезновенія череповъ не далъ никакихъ «разъясненій». Тогда сопровождавшій г. Павлову извѣстный старый дѣятель географическаго общества М. П. Овчинниковъ отправился въ «экспедицію» по музею на розыски «пропавшихъ» череповъ. Одинъ изъ нихъ онъ обнаружилъ гдѣ то на окнѣ, среди современныхъ птицъ и звѣрей....

А другой такъ и пропалъ....

И. Т. Савенковъ.

О памятникахъ, оставленныхъ на р. Енисеѣ человѣкомъ—современникомъ мамонта.

Отъ Редакціи.

Настоящая статья покойнаго († 1914 г.) археолога И. Т. Савенкова передана въ распоряженіе редакціи «Сибирской Лѣтописи» сыномъ его Т. И. Савенковымъ, невольнымъ обитателемъ г. Минусинска.

Какъ увидитъ читатель, работа эта сложная, потребовавшая отъ автора большой эрудиціи по затронутому вопросу и значительныхъ личныхъ изслѣдованій и наблюденій. Иванъ Тимофеевичъ началъ писать ее, въ формѣ доклада, еще въ 1895 году, т. е. 21 годъ тому назадъ. Писалъ постепенно; много исправлялъ, дополнялъ, нѣсколько разъ переписывалъ. Болѣе или менѣе обработанными являются первыя шесть главъ, остальныя же, съ седьмой по десятую включительно, не «отшлифованы». Разныя обстоятельства — и личныя и служебныя, а также другіе научные труды — отрывали Ивана Тимофеевича отъ начатой работы, которая такъ и не увидѣла свѣта при жизни автора.

Конечно, сибирская археологія съ 1895 года шагнула впередъ и печатаемая статья И. Т. Савенкова является какъ бы нѣсколько устарѣвшей, но въ дѣйствительности она до сихъ поръ не утратила своего научнаго значенія. Нужно помнить, что Иванъ Тимофеевичъ принадлежитъ къ числу крупныхъ ученыхъ величинъ по археологіи, особенно бассейна рѣки Енисея. Къ нему нерѣдко обращались за разъясненіями по археологическимъ вопросамъ даже люди науки, профессора. Такъ, въ бумагахъ Ивана Тимофеевича, послѣ его смерти, найденъ слѣдующій интересный документъ, который приводится здѣсь цѣликомъ.

О слѣдахъ каменнаго вѣка на р. Сухонѣ.

«Г. профессоръ *В. П. Амалицкій* передалъ мнѣ 6 осколковъ кремнистаго сланца, найденныхъ имъ подъ

мореною, на р. Сухонѣ, предложивъ высказаться по вопросу: могутъ ли эти осколки свидѣтельствовать о присутствіи человѣка?

Представляемъ результаты ближайшаго разсмотрѣнія этихъ осколковъ.

1) Самый большій (54—65 мм.) изъ осколковъ, свѣтло-сѣровато-желтаго кремнистаго сланца, по общему опредѣленію, оказался наиболѣе интереснымъ. Осколокъ краевой (eclat esterieur), на одной сторонѣ видна корка валуна, отъ котораго отбитъ сперва овальный осколокъ, разбитый потомъ поперекъ на 2 полуовальныхъ осколка. Говорю «отбитъ»—въ виду дальнѣйшихъ признаковъ. У одного изъ угловъ, съ обѣихъ сторонъ, замѣтны слѣды 2-хъ довольно крупныхъ осколочковъ, для снятія которыхъ потребны отдѣльные удары. Мало этого, это подобіе широкаго скребка (racloir), такъ удачно получившагося съ 2-хъ ударовъ; на рѣжущемъ краѣ имѣетъ непрерывный рядъ слѣдовъ мельчайшихъ осколочковъ, снятіе которыхъ, по моему убѣжденію, можно приписать только употребленію. При скобленіи, особенно при движеніи въ вогнутую сторону этого плоскаго осколка, а также при рѣзаніи чего либо твердаго, должны отскакивать маленькіе осколочки; въ виду неправильности расположенія слѣдовъ снятыхъ осколочковъ, нельзя приписать ихъ такъ называемой подправкѣ, при которой осколочки снимаются съ большею правильностью. Съ вогнутой стороны осколка, у его рѣжущаго края, такихъ осколочковъ отдѣлено очень мало, что объясняется вышеотмѣченнымъ движеніемъ скребка въ эту именно сторону, — такъ его удобнѣе держать.

Блестящая, какъ бы лаковая, патина покрываетъ весь осколокъ и всѣ древнѣйшіе слѣды оббивки и употребленія, слѣды недавнихъ отбивокъ (одна сдѣлана мною на утолщенной части осколка) легко узнать, особенно въ лупу, по матовости и нѣсколько иному цвѣту породы, не покрывшейся патиною. Надо замѣтить, что поверхность этого, какъ и всѣхъ прочихъ осколковъ, не носитъ слѣдовъ моренной штриховатости или матовости, подобной наблюдающейся на галькѣ и валуничкахъ этой морены. О своихъ сомнѣніяхъ и противупоказаніяхъ со стороны механическаго дѣйствія морены В. П. Амалицкій, конечно, не упуститъ высказаться; мы же, съ своей стороны, совокупность вышеописанныхъ особенностей этого осколка не можемъ объяснить ни растрескиваніемъ

валуна, ни его раздавливаніемъ, и ни треніемъ о ледниковый гравій и песокъ и приписываемъ ихъ дѣятельности человѣка. Прочіе осколки нисколько не противорѣчатъ этому заключенію, но, хотя и слабо, подтверждаютъ его.

2) Также наружный осколочекъ 22 мм. длины, цвѣта бѣловатаго, имѣетъ типичный ударный бугорокъ (bulbe de percussion), острый край притупленъ.

3) Многогранный осколокъ, около 40 мм., желтоватаго кремнистаго сланца, осколокъ внутренній (eclat interieur), для своего образованія онъ потребовалъ не менѣе 5—6 ударовъ, въ разныхъ направленіяхъ; на острому ребрѣ слѣды употребленія, покрытые ясною патиною, рѣзко отличающеюся отъ сдѣланной мною пробной отбивки.

4) Трехгранный осколокъ (33 мм.) также желтоватого кремнистаго сланца, острыя ребра также какъ будто притуплены.

5-й и 6-й осколочки мало характерны; 5-й, 28 мм., болѣе интересенъ.

Все вышеизложенное не могло не привести меня къ заключенію о томъ, что В. П. Амалицкій напалъ на слѣды человѣка, замѣчательные по своей древности и по широтѣ, подъ которою они находятся.

Для полнаго устраненія скептицизма, всегда желательнаго въ научныхъ изысканіяхъ, и вообще для вящаго подкрѣпленія этого важнаго для первобытной археологіи факта, слѣдуетъ эту мѣстность обстоятельнѣйшимъ образомъ обслѣдовать, чтобы найти ясно выраженное орудіе, ядрище (nucleus), или, по меньшей мѣрѣ, возможно большее число осколковъ, всѣхъ величинъ и всѣхъ формъ, при чемъ особенно важны пластинчатые осколки (lames), каковые по размѣру могутъ быть и не велики. На слѣды подправки или употребленія, конечно, слѣдуетъ обратить вниманіе, но лучше окончательную сортировку собраннаго матеріала произвести здѣсь, по ближайшемъ разсмотрѣніи каждаго осколка».

Варшава.
Январь 1898 года.

1. Вступленіе.

Послѣ того, какъ совмѣстное существованіе человѣка съ представителями послѣтретичной фауны было выяснено не только во всей Европѣ и С. Америкѣ, но даже въ Австраліи и на югѣ Азіи, вопросъ о постъ-пліоценовомъ человѣкѣ и о палеолитической стадіи культуры самъ собою перешелъ на сѣверъ Азіи,—туда, гдѣ болѣе 125 лѣтъ тому назадъ возникъ такъ называемый мамонтовый вопросъ. Этотъ вопросъ, издавна привлекающій постоянное вниманіе натуралистовъ всѣхъ спеціальностей и донынѣ далекій отъ окончительнаго рѣшенія, какъ извѣстно, поставленъ П. С. Палласомъ въ его трактатѣ: «De reliquis animalium exoticorum per Asiam borealem repertis complementum», (p. 579). появившемся въ 1772 году. [1])

Первыя объясненія находокъ невиданныхъ и неслыханныхъ дотолѣ мумій тропическихъ животныхъ на крайнемъ сѣверѣ были неудачны, но тогдашнее состояніе естественныхъ наукъ, особенно геологіи и палеонтологіи, совершенно оправдываетъ эти неудачи. Впрочемъ, исторія зоологическаго вопроса совершенно не входитъ въ программу этого антропо-археологическаго очерка.

Начало разностороннихъ вполнѣ научныхъ изслѣдованій Сибири надлежитъ отнести ко времени императрицы Екатерины II, возложившей на Палласа «естественно—историческое изслѣдованіе Россійской Имперіи на пользу народа и государства». До Екатерины II экспедиціи руководились предначертаніями императора Петра I, т. е. преслѣдовали общегеографическія цѣли, стремились къ изысканію новыхъ путей сообщенія, разслѣдовали старые забытые пути (черезъ Карское море, Беринговъ проливъ), искали рудныхъ мѣстонахожденій; вообще, преслѣдовали преимущественно пользу государства; Екатериною II впервые ясно указано на то, что естественно-историческія изслѣдованія Россіи должны служить на пользу всего народа.

---

[1]). Находка Вилюйскаго носорога сдѣлана въ 1771 г подъ 64° с. ш. А. Миддендорфъ. Путешествіе Ч. 1. стр. 2556.—И. Д. Черскій. Описаніе послѣтретичныхъ животныхъ, стр. 626.

О существованіи мамонтовой кости русскіе узнали едва-ли не послѣ завоеванія Сибири, о мамонтовыхъ клыкахъ въ Англіи узнали въ 1611 г.

О костяхъ мамонта упоминаетъ Витзенъ въ 1686 г. Езертъ Исбрантъ Идесъ, голландецъ, русскій посолъ, проѣзжая чрезъ Сибирь, записалъ вь 1682 г. о разсказанномъ ему открытіи тѣла мамонта на р. Енисеѣ.

П. С. Палласъ. Описаніе растеній. Ч. 1. 1796 г. Стр. 2-я предисловія.

Какъ Палласъ исполнилъ возложенное на него порученіе. объ этомъ излишне говорить, — это слишкомъ хорошо извѣстно всему ученому міру.

Питомецъ нѣмецкой науки, Палласъ, явился въ Россію, движимый только страстью къ естественно-историческимъ изысканіямъ. онъ былъ «съ душею чисто геттингенской»*), «корысть и спѣсь учености наемной» были ему чужды.

Воззрѣнія свои на обязанности наблюдателя, значеніе наблюденій и качества описаній Палласъ выразилъ просто и глубокомысленно.

«Естествоиспытатель долженъ ревностно въ своей наукѣ справедливость наблюдать и въ описаніяхъ не выступать изъ нея нималѣйше, онъ ничего болѣе не долженъ дѣлать, какъ, благоразумно и тщательно разсуждая, передать намъ свое точнѣйшее наблюденіе, но и къ оному еще случая искать нужно. Большая часть наблюденій не такъ скоро свою изящную пользу покажетъ; напротивъ, многія вещи, кои нынѣ не за великія ставятся, нашимъ потомкамъ важными быть могутъ, чему никакая наука столько примѣровъ показать не можетъ, какъ натуральная исторія.»**)

Слова у Палласа не расходились съ дѣломъ, - онъ былъ образцомъ ученаго изслѣдователя. Какъ путешественникъ, Палласъ былъ неутомимъ; какъ естествоиспытатель, онъ поражалъ своею дивною наблюдательностью, изумительною объективностью, чуждою всякихъ предвзятыхъ мыслей; въ описаніяхъ онъ отличался необычайною точностью, обстоятельностью, ясностью и простотою изложенія. Предъ геніальными дарованіями Палласа особенно преклоняются всѣ тѣ, кому случалось, съ его книгою въ рукахъ, проходить или пересѣкать его маршруты.

Палласъ относился къ природѣ съ великимъ благоговѣніемъ: его *я* не сквозитъ межлу строкъ его описаній, — при изслѣдованіяхъ онъ всецѣло отрѣшался отъ самого себя; какъ зеркало, воспринималъ онъ картины и явленія природы и отражалъ ихъ въ своихъ описаніяхъ такими, каковы онѣ были. не мудрствуя лукаво; онъ записывалъ только то. что диктовала ему природа.

Таковъ былъ П. С. Палласъ, съ именемъ котораго такъ тѣсно связана зоологическая часть реферируемаго антропологическаго вопроса.

*) Онъ былъ въ Геттингенскомъ университетѣ.

**) П. С. Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. С.ПБ. 1788. Ч. III., пол. 1., предисловіе.

Несмотря на продолжительность и грандіозность академическихъ экспедицій прошлаго столѣтія, несмотря на обширныя пространства, пройденныя А. Миддендорфомъ и Шмидтомъ, несмотря на недавнія интереснѣйшія открытія, сдѣланныя послѣдними академическими экспедиціями, Бунге, П. Д. Черскаго и бар. Э. В. Толя, несмотря на путешествія, предпринятыя на средства И. Р. Географическаго Общества и его отдѣловъ, физическая географія сѣвера Азіи и особенно жизнь большихъ сибирскихъ рѣкъ остаются за весь послѣтретичный періодъ, въ ледниковую и послѣледниковую эпохи. далеко не выясненными съ тою обстоятельностію, каковая требуется важностью разнородныхъ научныхъ вопросовъ.

Нѣкоторые отдѣльные вопросы, правда, нѣсколько выяснились; за послѣднее время добыто не мало новыхъ данныхъ, но въ тоже время возникло такое множество разнообразнѣйшихъ новыхъ вопросовъ, что научные успѣхи далеко не такъ велики, какъ это можетъ показаться при общемъ взглядѣ.

Всѣ особенности въ образованіи долинъ въ различныхъ широтахъ, на различныхъ гипсометрическихъ уровняхъ, въ различные періоды жизни рѣки, отмѣченныя террасами размытія, особенности въ составѣ и расположеніи (по отношенію къ склонамъ долинъ) наносовъ различныхъ эпохъ постъ-пліоцена, растительныя формаціи времени степей, луговъ, арктическія и ледниковыя, культивировавшія соотвѣтственную фауну, повидимому, не измѣнявшуюся во весь потретичный періодъ, не взирая на климатическія измѣненія, какъ кажется, только отодвигавшія, но не смѣнявшія основные виды животныхъ,—всѣ эти и многіе другіе вопросы, можно сказать, только намѣчены, но не разрѣшены. Начало безспорно хорошо, но, смѣемъ думать, сдѣлана только половина дѣла. Обиліе гипотезъ, обиліе предположеній и сопоставленій съ *Европою, какое замѣчается въ необширной естественно-исторической литературѣ* о Сибири, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о недостаточности фактическаго матеріала.

Академія наукъ, въ трудахъ и изданіяхъ которой Палласъ положилъ начало работамъ о вымершей фаунѣ, далеко не сказала послѣдняго слова по этому вопросу, значительно осложнившемуся вопросомъ о человѣкѣ, вѣроятномъ свидѣтелѣ расцвѣта и несомнѣнномъ свидѣтелѣ вымиранія типичныхъ характерныхъ представителей постъ—пліоценовой фауны.

Антропологическая сторона вопроса о мамонтѣ такъ важна и такъ общеинтересна, что мы осмѣлились перенести вниманіе естествоиспытателей западной окраины Россіи на востокъ, въ мѣста столь отдаленныя, какова Восточная Сибирь, съ ея суровымъ климатомъ. Нѣкоторыя спеціальныя стороны предлагаемаго реферата едва ли могутъ ослабить ту любознательность, съ какою обыкновенно относятся къ древнѣйшимъ слѣдамъ человѣка, особенно въ той части свѣта, которая издавна считается колыбелью человѣчества.

Въ Азіатской Россіи пока извѣстны только 3 находки, претендующія на постъ-пліоценовую давность: 1) на р. Ангарѣ, въ Иркутскѣ, въ 1871 году; 2) на р. Енисеѣ, въ окрестностяхъ г. Красноярска, въ 1884 г.; третья находка сдѣлана въ прошломъ, 1895, году, около г. Томска.

Программа нашего сообщенія ограничивается бассейномъ р. Енисея, но мы обязаны отмѣтить находки въ бассейнѣ Оби и особенно Ангары.

Иркутская находка сдѣлана совершенно случайно, при проведеніи канавы для фундамента; описана она И. Д. Черскимъ.

Каменныя орудія, довольно искусныя, своеобразныя поддѣлки изъ бивня мамонта и какіе то неопредѣленной формы куски глины или обломки грубыхъ издѣлій изъ глины найдены въ лессѣ или лессовидномъ суглинкѣ, на глубинѣ около 2,1 метра. Присутствіе подѣлокъ изъ глины тогда же возбудило сомнѣніе въ палеолитической давности этой находки, потому что гончарное искусство, какъ и полировка или точеніе каменныхъ орудій, обыкновенно относится не къ палеолитической, а къ переходной эпохѣ первобытной культуры. Судя по изображеніямъ, наконечники стрѣлъ можно сближать съ типами Солютре, конца древне-каменной эпохи и начала переходной эпохи. Издѣлія изъ глины могли быть въ верхнихъ горизонтахъ наноса, при отвѣсномъ отвалѣ предметы могли лечь рядомъ и ввести рабочихъ въ заблужденіе. Повидимому, большинство предметовъ взято до осмотра — не in situ.

Къ величайшему сожалѣнію, эта интереснѣйшая мѣстность оставлена безъ обстоятельнаго обслѣдованія.

Находка около Иркутска, во всякомъ случаѣ, указала болѣе древнюю эпоху каменнаго періода, чѣмъ извѣстная до того времени неолитическая.

Съ послѣднею находкою 1895 года, въ окрестностяхъ г. Томска, мы могли познакомиться только по фотографіямъ

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова
Сибиряков

на археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1896 году, въ Ригѣ. На нѣкоторыхъ осколкахъ оббивка и подправка ясно замѣтны, типично выраженныхъ орудій и ядрищъ мы не видали. Изслѣдованія ведутся профессоромъ Томскаго университета Н. О. Кащенко; вѣроятно, онъ доведетъ до конца изысканія, такъ удачно начатыя. *)

На р. Енисеѣ каменныя и костяныя орудія, залегавшія совмѣстно съ костями животныхъ пост-пліоценовой фауны, впервые найдены тамъ, гдѣ эта рѣка пересѣкается, подъ 56° с. ш., отъ рѣки въ разстояніи 250—900 метрахъ, частью на склонахъ холмистой возвышенности, называемой Аѳонтовой горою, частью при подошвѣ ея, на верхней наносной террасѣ.

Всѣ предметы залегали въ лессовидномъ суглинкѣ, по составу и строенію близкомъ къ лессу, особенно въ верхнихъ горизонтахъ. Глубина залеганія предметовъ различна, непрерывнаго ясно выраженнаго культурнаго слоя въ лессовидномъ суглинкѣ нѣтъ, онъ весьма рѣдко замѣтенъ на глазъ, быстро прерывается, ограничиваясь небольшимъ пространствомъ, на которомъ, вблизи протекавшей протоки или озеръ, совершалась трапеза дикарей. Кости животныхъ, кухонные остатки были находимы въ различныхъ положеніяхъ, указывающихъ на ихъ постепенное занесеніе мелкою пылью Грамячей горы и окрестныхъ высотъ. Глубина залеганія отъ 1,5 до 2,5 метра, не считая дернового покрова, обыкновенно снимающагося до выработки глины (слой этотъ, впрочемъ, не болѣе 15—20 см.). Горизонтъ залеганія надъ меженью, т. е. самымъ низкимъ стояніемъ воды, колеблется между 15—18 метрами, рѣдко болѣе. Надъ верхнею наносною террассою или диллювіальными берегами рѣки горизонтъ находокъ немного (отъ 2-хъ до 6-ти метровъ) выше, но значительно ниже, отъ 20 до 25 метровъ, первой (считая отъ живого русла рѣки) террасы размытія. Кости большихъ вымершихъ животныхъ, на какой бы онѣ глубинѣ не были найдены, носятъ на своей поверхности слѣды дѣйствія корней растеній, чего на костяхъ, попадающихъ въ воду, не наблюдается; кромѣ этого, кости, пробывшія въ водѣ, пріобрѣтаютъ темную окраску. Раковины Pipa, Helix succinea въ лессовидномъ суглинкѣ найдены впервые покойнымъ И. Д. Черскимъ, которому мы въ 1885 г. демонстрировали не только всѣ наши находки, но и настоятельно просили его осмо-

*) Результаты изслѣдованія доложены проф. Кащенко 31 января 1901 года въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Академіи Наукъ и въ томъ же году напечатаны въ ея «Запискахъ» подъ названіемъ: „Скелетъ мамонта со слѣдами употребленія нѣкоторыхъ частей тѣла этого животнаго въ пищу современнымъ ему человѣкомъ". Ред.

трѣть вмѣстѣ съ нами и мѣста находокъ; впослѣдствіи мы нашли раковины и въ другихъ мѣстахъ, но онѣ встрѣчаются не вездѣ и притомъ онѣ мелки, почему и могутъ иногда ускользать отъ вниманія изслѣдователей.

Имѣть предшественниковъ въ какомъ либо научномъ вопросѣ представляетъ нѣкоторыя выгоды для изслѣдователя,— въ реферируемомъ антропологическомъ вопросѣ мы долго были лишены этихъ выгодъ не только въ основномъ вопросѣ, но и въ тѣсно съ нимъ связанномъ геологическомъ вопросѣ о строеніи долины въ окрестностяхъ г. Красноярска.

Приходилось собирать матеріалы по обоимъ вопросамъ, основному и вспомогательнымъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, доводилось встрѣчаться съ прискорбными затрудненіями, изъ которыхъ наиболѣе ощутительна была бѣдность литературныхъ пособій; пришлось въ концѣ концовъ прекратить начатыя изслѣдованія, не доведя ихъ до желаемой степени законченности.

Первое сообщеніе о палеолитическихъ орудіяхъ на р. Енисеѣ сдѣлано въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества, въ ноябрѣ 1884 года и въ отчетѣ объ изслѣдованіяхъ въ 1885 году. Въ 1892 г. намъ удалось быть на Международномъ Конгрессѣ по доисторической археологіи, бывшемъ въ Москвѣ; памятники древней эпохи и докладъ о нихъ удостоились большаго вниманія, чѣмъ можно было ожидать.

Всѣ собранные въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ матеріалы, всѣ коллекціи по доисторической археологіи, полностью, принесены въ даръ Академіи Наукъ, въ полной увѣренности, что они тамъ не только бережно сохранятся, можетъ быть, хотя изрѣдка, часть ихъ будетъ выставляема, а главное, рано или поздно, могутъ удостоиться спеціальной обработки и сдѣлаются достояніемъ науки. Конечно, спеціальная обработка матеріаловъ начнется не скоро; но, намъ кажется, собиратель, не дожидаясь окончанія обработки доставленныхъ имъ матеріаловъ не только можетъ, но и долженъ, въ предѣлахъ своихъ силъ, высказать свои наблюденія, свои предварительныя соображенія и даже выводы, конечно безъ малѣйшей претензіи на предрѣшеніе вопросовъ, ни на одну минуту не забывая о томъ, что р ѣ ш а ю щ і й голосъ въ научныхъ вопросахъ принадлежитъ отнюдь не любителямъ, не случайнымъ собирателямъ научныхъ матеріаловъ, а у ч е н ы м ъ с п е ц і а л и с т а м ъ.

Сужденія объ относительной древности памятниковъ древнѣйшей культуры невозможны безъ геологическихъ дан-

ныхъ, мы обязаны представить хотя общій сводъ очеркъ важнѣйшихъ геологическихъ свѣдѣній о строеніи долины р. Енисея и объ особенностяхъ дѣятельности атмосферы и воды.

Основную часть реферата, памятники, оставленные человѣкомъ-современникомъ мамонта, мы изложимъ также кратко, отчасти потому, что общее описаніе орудій сдѣлано нами ранѣе, а главнымъ образомъ въ виду предстоящей спеціальной обработки; въ концѣ сообщенія мы сдѣлаемъ попытку набросать въ общихъ чертахъ бытовыя условія жизни прото-аборигеновъ р. Енисея въ послѣледниковое время, въ концѣ палеолитической эпохи, точнѣе—въ средніе вѣка каменнаго періода.

(Продолженіе будетъ.)

В. В. Федоровъ.

26 іюля т. г. умеръ въ Минусинскѣ *первопечатникъ* Василій Васильевичъ Федоровъ. Его типографія существуетъ въ городѣ около 30 лѣтъ.

Съ именемъ покойнаго связано и появленіе въ Минусинскѣ первой газеты, издававшейся въ минувшую освободительную эпоху. Впослѣдствіи Василій Васильевичъ нерѣдко говаривалъ, что по «нынѣшнимъ временамъ» за такую бы газету его отправили «немного подальше Нарыма».

Какъ старожилъ, интересовавшійся людьми и жизнью, Василій Васильевичъ много любопытнаго могъ порасказать о временахъ минувшихъ Для нашего журнала онъ обѣщалъ написать воспоминанія объ отцѣ извѣстнаго Комиссарова, сосланнаго въ Сибирь по уголовному дѣлу. Но за тяжкой болѣзнью, онъ не успѣлъ исполнить своего обѣщанія.

Изъ китайскихъ мотивовъ.*)

Знамя гордое свободы развернулось надъ страною.
Подымайтесь всѣ, кто можетъ,—неба славные сыны!
Съ угнетателями края приготовьтесь дружно къ бою,
Встанемъ храбро на защиту обездоленной страны!

* *
*

Подымайтесь всѣ, кто въ силахъ! Разогните ваши спины
И ремесленникъ, и пахарь, кули,**) стиснутый нуждой...
Старцы, юноши и жены,—всѣ сплотимся воедино
Для изгнанія манчжуровъ изъ отчизны дорогой!..

* *
*

Долго-долго сномъ глубокимъ, безмятежнымъ сномъ кладбища
Непробудно-крѣпко спала наша мирная земля.
Оскудѣли наши нивы, и разрушились жилища...
Потомъ кровью и слезами орошаемъ мы поля...

* *
*

Бремя тяжкое налоговъ наваливъ на наши спины,
Отбирая хлѣбъ послѣдній, разжоряя скудный кровъ,
Безсердечные шакалы—чужеземцы-властелины
Въ безсловесныхъ и безправныхъ обратили насъ рабовъ.

* *
*

Въ край нужды непроходимой, въ чахлый край опустошенья
Превратили мандарины плодоносную страну.
Обрекаютъ даотаи***) насъ на голодъ и лишенья,—
Самп дань платя обжорству, сладострастью и вину...

* *
*

Гдѣ-жъ былая гордость наша съ нашей древней громкой славой?
Ненавистные манчжуры насъ гнетутъ изъ рода въ родъ...
Нашъ народъ миролюбивый не искалъ вражды кровавой
И вѣками терпѣливо выносилъ суровый гнетъ.

*
* *

Но довольно мы терпѣли. Переполнилася чаша!
Подымайтесь всѣ, кто можетъ,—неба славные сыны!
Всѣ сберемся воедино подъ святое знамя наше
И ударимъ на жестокихъ угнетателей страны!...

К. Дубровскій.

*) Приводимое стихотвореніе представляетъ собою посильный переводъ воззванія неизвѣстнаго китайскаго поэта, широко распространеннаго въ 1910—11 г.г. въ рядахъ китайцевъ-инсургентовъ и среди населенія городовъ и селъ Поднебесной имперіи.

**) Кули—рабочій.

***) Начальники провинцій.

М. П. Овчинниковъ.

Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній.

I.

Хожденіе въ народъ.

Въ масляницу 1873 года я попалъ на блины къ студентамъ медикамъ. Они занимали квартиру, которая выходила окнами напротивъ строившагося тогда знаменитаго дома «предварительнаго заключенія», въ которомъ мнѣ впослѣдствіи пришлось такъ долго безплатно проживать. Изъ хозяевъ этой квартиры я зналъ только одного студента вологжанина, благополучно кончившаго медицинскую академію, нынѣ директора психіатрической лечебницы, а потому фамиліи его не называю.

На блины я попалъ нечаянно. Дѣло въ томъ, что въ январѣ мѣсяцѣ 1873 г. кружокъ, къ которому я примыкалъ, подъ вліяніемъ горячей проповѣди Н. И. Чайковскаго, выдѣлилъ нѣсколько человѣкъ для пропаганды среди петербургскихъ рабочихъ на механическихъ заводахъ.

Но прежде, чѣмъ поступить на заводы, между нами происходили горячіе споры.

Одни говорили, что необходимо всѣмъ сдѣлаться рабочими; жить такой же жизнью, какой живетъ нашъ народъ. А такъ какъ мы образованнѣе всякаго простолюдина, то естественно, на заводахъ и въ народѣ мы сдѣлаемся учителями и руководителями массъ. Другіе возражали, что всѣмъ поступать на заводы не надо, потому что пропагандистамъ потребуется матеріальная помощь, а иногда и отдыхъ отъ тяжелой работы, и если мы всѣ уйдемъ въ народъ, то о помощи и отдыхѣ нечего и думать. Наконецъ, немногіе изъ насъ прямо заявили такъ:

—Мы физически не подготовлены для тяжелой черной работы, такъ какъ воспитались при другихъ условіяхъ; но зато мы можемъ быть полезными перомъ и вести пропаганду среди интеллигенціи. Работа эта также, по нашему мнѣнію, важна.

—Вотъ и видно буржуевъ,—слышались на это насмѣшки.

—Пойміте вы, что мы не буржуи и готовы свои животы принести за народъ. Но вѣдь противъ природы ничего не подѣлаешь.

Видимъ, видимъ! Нѣтъ, г.г. буржуи, вамъ хочется булку ѣсть и двухрублевый чай пить, а не черный хлѣбъ съ тухлымъ чаемъ.

—Ребята, ребята! Вниманіе! У васъ споры принимаютъ острый характеръ,—кричалъ въ это время Семенъ Ивановичъ Козельскій.*—Споры ваши я рѣшу.

—Ну, ну, Семенъ Ивановичъ, рѣшай, рѣшай, —раздавалось со всѣхъ сторонъ!

Семенъ Ивановичъ по своему умственному и нравственному складу былъ поэтъ, но не медикъ и въ медики попалъ по ошибкѣ, какъ и многіе другіе изъ нашего кружка.

—Слушайте же!

— Слушаемъ; ну, говорите!

Козельскій бралъ скрипку и смычекъ и начиналъ бѣгать по струнамъ, а затѣмъ пѣлъ: «Государи псковичи». Всѣ незамѣтно увлекались пѣніемъ и игрой, присоединялись къ Семену Ивановичу, и составлялся уже настоящей хоръ. —«Ай, негдѣ, негдѣ намъ сложить буйны головы за Псковъ...»

—Господа! Намъ слѣдуетъ сложить буйны головы не за Псковъ, а за нашъ народъ,—комментировалъ Козельскій,—но я также на сторонѣ тѣхъ, которые говорятъ, что всѣмъ не слѣдуетъ идти въ народъ, а нѣкоторымъ надо остаться въ средѣ интеллигенціи. «Но туда уносятъ волны только сильнаго душой»—пѣлъ Козельскій.

—Вы не правы, господа, когда хотите послать весь кружокъ на заводы и фабрики,— говорили оправившіеся буржуи, вы непослѣдовательны и ваши настроенія не логичны и не выдерживаютъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, вы посылаете на заводы физически слабыхъ людей, хотите совершить насиліе надъ ними, хотите оказать нравственное давленіе, а гдѣ же вашъ великій принципъ свободы совѣсти. Да вы его не понимаете до сихъ поръ! Ну, скажите, чѣмъ вы отличаетесь отъ самодура помѣщика и стараго кнута? И тамъ и здѣсь—уничтоженіе человѣческой личности и свободы самоопредѣленія. Какіе же вы народные учителя, когда вы несете въ народъ всѣ прелести деспотизма! Вы прочитали массу книгъ, провозгласили лозунгъ: «Народъ и Воля», а дѣйствуете наоборотъ.

—Да,—вставлялъ Козельскій,—вѣрно вы говорите. «Могій вмѣстити, да вмѣститъ.» Кто можетъ идти въ народъ, пускай идетъ; а кто не желаетъ, пускай сидитъ на Петербургской, или на Выборской сторонѣ, а то на Астраханской улицѣ въ д. № 17. Но идти въ народъ все же нужно, потому что мы должники его, учимся на его счетъ и впослѣдствіи будемъ жить также.

Споры наши продолжались долго и почти ежедневно.

*) Давно умершій земскій врачъ, Пермской губерніи.

Наконецъ, рѣшили такъ: нашъ кружокъ долженъ выдѣлить пропагандистовъ: физически крѣпкихъ, выносливыхъ и способныхъ вести свое дѣло умѣючи. Выборъ палъ почти единогласно на четверыхъ, въ число которыхъ попалъ и я.

Два пропагандиста и я, въ качествѣ агитатора, отправились съ письмомъ А. П. Покровскаго, бывшаго у насъ въ Архангельскѣ*) въ ссылкѣ по дѣлу М. Михайлова, къ управляющему заводомъ Феодосьева, за Московской заставой. Въ коротенькомъ письмѣ Покровскій рекомендовалъ насъ въ качествѣ развитыхъ и дѣльныхъ работниковъ, но неумѣющихъ еще работать на заводахъ. Мы были приняты. Товарищи мои поступили въ токарный цехъ, а я молотобойцемъ къ кузнецу, артисту, какъ его отрекомендовалъ мнѣ управляющій. Такъ начались наши работы и пропаганда на заводѣ.

По субботамъ мы уходили въ городъ и возвращались въ воскресенье вечеромъ. Квартиръ для ночлега въ Петербургѣ у меня было много. На Петербургской сторонѣ я ночевалъ у В. Осинскаго, на Выборгской—у Козельскаго. Разъ на прощанье Козельскій спросилъ меня о времени окончанія работъ на заводѣ на масляницѣ.

— Въ четвергъ въ 6 часовъ,—отвѣтилъ я.

—Отлично. Когда кончишь работы, то, не переодѣваясь, сейчасъ же иди въ городъ. На углу Литейной и Захарьевской увидишь большой бѣлый домъ съ колоннами, ты по парадному ходу поднимись во 2-й этажъ, гдѣ увидишь квартиру № 3, звони и тебѣ сейчасъ же отворятъ дверь. Не говори ни слова, раздѣвайся и проходи въ комнату, гдѣ будетъ много народу; тамъ буду и я. А такъ какъ время масляничное, то не обойдется и безъ блиновъ.

—Зачѣмъ это такъ нужно?—спрашиваю.

—Послѣ узнаешь.

— Ну, тогда я не приду.

—Нѣтъ, пожалуйста, приходи!

—Пойми, что я буду и въ сажѣ и въ запачканной блузѣ, а ты говоришь, что тамъ будетъ много народу. Нѣтъ, ужъ лучше я не приду.

—Приходи, на блузу свою не обращай вниманія; тамъ будутъ все такіе люди, которымъ до твоего костюма нѣтъ никакого дѣла; имъ нуженъ будешь ты, а не блуза.

Я согласился и въ 8 часовъ вечера былъ уже на Захарьевской, а дальше въ квартирѣ медиковъ на блинахъ.

*) Авторъ статьи—уроженецъ Архангельской губерніи, обучался въ Архангельской духовной семинаріи. *Ред.*

Народу было, дѣйствительно, много, яблоку негдѣ было упасть. Шумъ стоялъ невообразимый. Спорили и кричали.. ..

—Тише! Тише!—кричалъ Козельскій.

Молчаніе и вниманіе.

Козельскій взялъ меня чуть не зашивороть, протолкалъ къ столу, поставленному посреди комнаты.

—Господа,—сказалъ онъ.—Мы здѣсь споримъ, строимъ разные планы на счетъ пропаганды среди народа, хочемъ идти въ деревню. Одного такого дѣятеля мы только что выслушали. Не желаете ли послушать другого, который сейчасъ стоитъ передъ вами.

Тотчасъ же по моему адресу посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ.

Въ своихъ отвѣтахъ на предлагаемые вопросы я говорилъ, насколько помню, что народъ нашъ очень и очень туго понимаетъ, или даже совсѣмъ не понимаетъ своего тяжелаго экономическаго положенія. Народъ часто говоритъ, что такъ и слѣдуетъ жить рабочему, или же свою нужду объясняетъ угнетеніями со стороны баръ и господъ, которые обманываютъ нашего царя.

—Какъ же это такъ? Не понимаю,—сказалъ мнѣ плечистый господинъ, который внимательно слушалъ все время меня.—Здѣсь же недавно другой пропагандистъ намъ говорилъ совсѣмъ иначе. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что народъ нашъ готовъ хоть сейчасъ устроить соціальную революцію, а по вашему выходитъ, что это невозможно. Впрочемъ, я также согласенъ болѣе съ вами,—добавилъ этотъ господинъ,—чѣмъ съ вашимъ товарищемъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что со мной говорилъ г. Старостинъ, авторъ «Хроники села Смурина», считавшійся тогда заправскимъ сотрудникомъ «Отечественныхъ записокъ».

Послѣ этого начались споры.

Одни говорили, что, дѣйствительно, въ Россіи пропаганда невозможна, потому что народъ нашъ находится въ дикомъ состояніи, доведенный татарщиной и крѣпостнымъ правомъ до скотскаго состоянія. Другіе это оспаривали. Къ числу первыхъ принадлежалъ Юрій Богдановичъ, особенно горячо возражавшій своимъ противникамъ.

—Мы своего народа не знаемъ и вотъ, вслѣдствіе незнанія, мы и говоримъ за народъ, что онъ готовъ произвести соціальную революцію. Это глубокая ошибка. Мы видимъ въ народѣ традиціонный застой. Онъ спитъ непробуднымъ сномъ. Какими идеалами онъ питается? Есть ли у него здоровая литература? Онъ довольствуется Бовой Королевичемъ,

Еруслановъ Лазаревичемъ, Францилемъ Венціановъ, Жаръптицей и другой дребеденью. Это его настольныя книги. А вѣдь вамъ извѣстно, что такая литература служитъ зеркаломъ умственнаго и нравственнаго застоя. Мы развѣ заботились просвѣщать нашъ народъ? Нѣтъ. Мы только умѣли его забивать и драть, какъ собакъ Мы только и знаемъ утверждать, что народъ нашъ варваръ. Нѣтъ. Не народъ нашъ варваръ, а мы варвары.

Кайся, кайся, Богдановичъ, — говорилъ ему докторъ Ильинскій,—вѣдь ты помѣщикъ изъ Пскова. Если не ты, то твой отецъ и дѣдъ прилагали старанія, чтобы сдѣлать республиканца—псковича варваромъ и скотомъ.

Богдановича упрекали, что онъ слишкомъ мрачно смотритъ на народъ и не видитъ въ немъ ничего хорошаго. Но онъ на это возражалъ, что хорошаго въ народѣ очень много, только это хорошее подавлено, а наша задача пробудить къ лучшему, вывести его на путь самодѣятельности, для чего мы обязаны отречься отъ своихъ привиллегій, идти въ народъ, жить такъ же, какъ онъ живетъ, чѣмъ и искупимъ грѣхи нашихъ предковъ, заплатимъ народу свой долгъ, числящійся на интеллигенціи, особенно, если сложимъ свои головы въ казематахъ Петропавловской крѣпости, по тюрьмамъ и острогамъ. Мы обязаны будить нашего богатыря, спящаго въ грязи, толкать его, очищать отъ сора, при чемъ центръ тяжести, по мнѣнію Богдановича, во время пропаганды долженъ быть обращенъ на экономическое положеніе; религіи же и царской власти не трогать. Съ этимъ соглашались всѣ.

И только одинъ экзальтированный Михаилъ Грачевскій, работавшій, въ это время на заводѣ Струбинскаго, въ вагонной мастерской, утверждалъ, что волей—неволей придется касаться религіи, особенно, когда зайдетъ разговоръ о земельныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами.

Всѣ согласились, что надо идти въ народъ и просвѣщать его, проповѣдуя, что онъ, какъ производитель всѣхъ богатствъ, долженъ ими и обладать. Заводы фабрики, и всѣ производительныя учрежденія должны принадлежать не частнымъ лицамъ, а всей національности. Но переходъ въ руки народа всѣхъ производительныхъ учрежденій долженъ совершиться мирнымъ путемъ, безъ всякаго насилія, исходя изъ того великаго принципа, какой написанъ на знамени пропаганциста— «свобода», которая понималась такъ: всѣ свободныя дѣйствія каждаго не должны приносить вредъ дѣйствіямъ другого лица, иначе получится насиліе, дѣйствіе уже противное свободѣ и здравому смыслу. Всѣ мы въ это время

были идеалистами и искренно вѣрили въ свои идеалы, а студенты изъ семинаристовъ, въ данномъ случаѣ, были искренними послѣдователями І. Христа, съ евангеліемъ Котораго многіе изъ насъ шли въ народъ, чтобы легче было говорить и проводить въ среду крестьянъ христіанско-соціалистическія идеи.

Какъ видно, мы не были такими опасными революціонерами, какъ впослѣдствіи посмотрѣло III отдѣленіе. И будь прокуроры и жандармы болѣе дальновидными, большинство насъ можно было бы утилизировать для разныхъ культурныхъ цѣлей, а не гноить въ острогахъ. Въ этомъ отношеніи особенно можно было бы воспользоваться услугами *Лавровистовъ*, или какъ ихъ въ то время называли *постепеновцевъ*, которые говорили, что намъ надо какъ можно больше пріобрѣтать знаній и подготовлять народъ постепенно къ соціальной революціи и, по возможности, безкровной. Достаточно указать на 1876 и 1877 годы, когда многіе изъ постепеновцевъ и Бакунистовъ участвовали въ руско-турецкой войнѣ, въ качествѣ добровольцевъ, съ турками за свободу сербовъ и болгаръ. Одинъ изъ такихъ добровольцевъ—М. М. Черновецкій впослѣдствіи, по возвращеніи съ войны въ Россію, былъ осужденъ на 15 лѣтъ въ каторгу; студентъ горнаго института Егоръ Молчановъ сложилъ свою голову подъ Плевной на Зеленыхъ горахъ. Не мало было добровольцевъ и изъ нашего кружка.

Споры и разговоры на блинахъ продолжались далеко за полночь.

Особенно много спорили между собой Старостинъ и сотрудникъ «Дѣла» Б. Л. Старостинъ доказывалъ, что пропагандисты въ деревнѣ часто могутъ принести вмѣсто пользы вредъ.

—Не понимаю, какъ это можно принести вредъ, горячился Л.

—Да очень просто,—отвѣчалъ Старостинъ.—Интеллигентный пропагандистъ, развивая умственно и культурно въ деревнѣ отдѣльныхъ единицъ, тѣмъ самымъ ставитъ ихъ выше толпы, невольно прививаетъ къ нимъ, этимъ единицамъ, нѣкоторыя культурныя потребности, для удовлетворенія которыхъ начинается кулачество и вообще эксплоатація малоразвитыхъ мужиковъ.

—Не могу согласиться съ вами,—возражалъ Л.,—вы говорите голословно, а не на основаніи фактовъ.

—Извините! Вотъ именно: я утверждаю на основаніи опыта. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я сынъ сельскаго попа Вологодской губерніи и, значитъ, вращаюсь въ деревенской

средѣ. Къ моему великому сожалѣнію, я произвелъ уже на свѣтъ Божій кулака-христопродавца, въ короткое время забравшаго всю деревню въ руки только потому, что я его научилъ считать, писать и объяснилъ ему, что земля держится не на 3 китахъ, какъ онъ прежде думалъ; нечаянно привилъ ему нѣкоторыя культурныя привычки, и вотъ результатъ получился весьма и весьма неутѣшительный. Что вы на это скажете?

— А то скажу, что вы выбрали себѣ плохого ученика, въ которомъ было больше отрицательнаго, нежели положительнаго; нельзя же по одному факту судить огуломъ о всемъ и всѣхъ.

—Я, дѣйствительно, не имѣю права говорить отрицательно обо всѣхъ, но чувствую и думаю, что я правъ Мнѣ, кажется, что пропагандисты, рисуя будущій строй предъ недоучкой гимназистомъ, непремѣнно внушатъ ему легкое отношеніе къ чужой собственности и тѣмъ произведутъ несчастныхъ тунеядцевъ, неряхъ, непригодныхъ ни къ какой работѣ, кромѣ переписыванія совершенно ненужныхъ канцелярскихъ или конторскихъ бумагъ; слѣдовательно, мы своей, въ нынѣшнемъ духѣ, пропагандой создадимъ кадры не производителей національнаго богатства, а ненужныхъ потребителей и тѣмъ народъ нашъ сдѣлаемъ еще бѣднѣе, но не богаче.

—Слушая васъ, г. Старостинъ, я прихожу къ выводу, что вы отрицаете всякую культурную работу въ деревнѣ нашей интеллигенціи,—сказалъ подошедшій Богдановичъ.

—Нѣтъ, я не отрицаю хожденія въ народъ, но утверждаю, что интеллигенція, какъ выражался мой землякъ докторъ Ильинскій, прежде, чѣмъ идти въ народъ, должна покаяться въ своихъ грѣхахъ, грѣхахъ предковъ, нравственно очиститься и это нравственное очищеніе должна передать народу, который, будучи развращенъ нами же, долженъ также обновиться и пріобщиться къ здоровой цивилизаціи. При этихъ условіяхъ, сама власть должна измѣниться или уступить мѣсто другой,—соотвѣтствующей новому порядку.

—Вы, я вижу,—сказала К. С. Пругавина,—оба пессимисты и спорите совсѣмъ зря, вѣдь если вникнуть въ вашъ споръ, то вы оба окажетесь союзниками. Вы слишкомъ строго относитесь къ интеллигенціи и нашему народу, развѣ можно найти совершенство? Совершенства одинаково нѣтъ какъ у крестьянина, такъ и у интеллигенціи; и въ то же время у тѣхъ и другихъ имѣются свои положительныя и отрицательныя свойства.

Къ Пругавиной въ этотъ моментъ подошло нѣсколько курсистокъ, изъ которыхъ одна сказала:

—Клавдія Степановна, давайте споемъ что нибудь.

—Я плохо пою,—отвѣчала Пругавина,—но все таки помогу, пришлите пѣвцовъ.

Подошли басы и тенора изъ вологодскихъ бурсаковъ. Между ними были: два Дьяковыхъ, Панцыревъ, Харьюзовъ и Пылаевъ. Пѣли: «Поздняя осень. Грачи улетѣли». Хоръ началъ съ увлеченіемъ. Дьяковъ, обладавшій довольно недурнымъ басомъ, дирижировалъ. Затѣмъ, пропѣли «Волга, Волга весной многоводной». Пѣніе получилось стройное, музыкальное и хоръ, вѣрнѣе сказать, не пѣлъ, а плакалъ; особенно хороши были курсистки. Они вкладывали здѣсь свою душу, такъ что споры и разговоры невольно прекратились.

—Споемъ еще!—крикнулъ Дьяковъ и началъ: «Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи мы братски шлемъ тебѣ привѣтъ».

—Господа,—сказалъ громко Богдановичъ,—несмотря на веселую обстановку, пѣніе у васъ похоже на погребальное.

—Всякому овощу свое время,—отвѣтилъ на это дирижеръ Дьяковъ,—настанетъ время и веселѣе будемъ пѣть. Ну, а теперь споемъ вотъ еще что:

* *
*

Онъ родился въ бѣдной долѣ,
Онъ учился въ бѣдной школѣ,
Но въ живомъ трудѣ науки
Юныхъ лѣтъ онъ вынесъ муки.
Въ жизни стала годъ отъ году
Крѣпче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.

* *
*

И гонимый местью
И боязнью барской,
Онъ пустился на скитанье,
На народное возстанье,
Кликнуть кличъ по всѣмъ крестьянамъ
Отъ востока до заката:
«Собирайтесь дружнымъ станомъ,
Станьте смѣло братъ за брата,
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»

* *
*

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ
Въ снѣжныхъ каторгахъ Сибири,
Но дотла нелицемѣренъ—
Онъ борьбѣ остался вѣренъ;
До послѣдняго дыханья,
Говорилъ среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Пѣсня была спѣта съ большимъ воодушевленіемъ. Грустный мотивъ и содержаніе ея отразились на молодыхъ воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ нервахъ. Каждый изъ насъ едва ли не примѣнялъ содержаніе этой пѣсни къ себѣ, потому что у каждаго на лицѣ была написана грусть. Воцарилась довольно тягостная тишина, которую прервалъ веселый Богдановичъ.

—Господа,— сказалъ онъ,—вы вѣдь не родились въ бѣдной долѣ и не учились въ бѣдной школѣ? Почему же такъ глубоко отразилось на васъ пѣніе?

— Ну, да; тебѣ, Богдановичъ, не приходилось учиться въ бѣдной школѣ, потому что ты дворянинъ Псковской губерніи, а я, напримѣръ, сынъ дьячка Пермской губерніи,— возразилъ на это Козельскій,—да и большинство изъ собравшихся здѣсь бурсацкая голытьба и я тебѣ сейчасъ это докажу. Возьмемъ Костылева, онъ—Архангельскій бурсакъ, Воронцовъ—Саратовскій, Старостинъ—Вологодскій, Морозовъ—Вятскій, К—въ—Вологодскій, Ильинскій—тоже.

—Позвольте, позвольте, господа,—кричалъ Богдановичъ,—кромѣ колокольныхъ дворянъ, которые учились въ бѣдной школѣ, забываете, что между нами есть Рамбаумъ*)—іерусалимская дворянка, а Кадо—гражданка французской республики.

Но въ это время Н. Поповъ, блѣдный, молчаливый юноша, непринимавшій участія въ разговорахъ, всталъ, подошелъ къ Богдановичу и продекламировалъ:

Задавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ;
Безталанная, долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ.

Едва произнесъ Н. Поповъ это четверостишіе, какъ истерически захохоталъ и заплакалъ... Съ нимъ случился нервный припадокъ.

— Василій,—обратился докторъ Ильинскій къ хозяину-медику,—воды и брому.

*) Медичка, умершая въ 1878 г.

— Сейчасъ.

Ильинскій далъ Попову брому и увелъ его въ отдѣльную комнату. Въ это время Дьяковъ обратился къ Богдановичу:

— Я сынъ попа Вологодской губерніи, и отца у меня давно нѣтъ, мать просфорня; учился въ бурсѣ, въ проклятой бурсѣ, искалѣчившей меня на всю жизнь; зубрилъ здѣсь богословскую дребедень, но оказалось, что я атеистъ. Поступилъ я, по окончаніи семинаріи, въ медицинскую академію въ Петербургѣ, куда заявился пѣшкомъ, но призванія быть другомъ рода человѣческаго не было никакого, поступилъ дальше въ технологическій институтъ, но и здѣсь мнѣ нѣтъ мѣста, потому что я чувствую отвращеніе къ математикѣ, а безъ нея тамъ учиться нельзя.

— Вы, Дьяковъ, къ чему мнѣ это все говорите?

— Къ тому, что и я учился въ бѣдной школѣ.

— Мнѣ уже отвѣтилъ на это Поповъ, и отвѣтилъ очень краснорѣчиво,—отвѣчалъ Богдановичъ,—но вы всѣ, за немногимъ исключеніемъ, все-таки не народъ, а только выросшіе среди его, а нѣкоторые, напр. Кадо, Якубовичъ, Рамбаумъ, Пругавина, и др. дамы, нашего народа совсѣмъ не знаютъ; они даже не знаютъ того, что мужикъ нашъ ходитъ въ лаптяхъ, въ армякѣ, живетъ впроголодь, пьетъ въ праздники до одуренія, на обухѣ рожь молотитъ.

Дамы оскорбились.

— Мы не дамы—институтки,—возразили горячо Якубовичъ и Рамбаумъ.—Если мы—*дамы*, то вы—*господинъ* Богдановичъ. Извините, мы знаемъ, на чемъ рожь молотятъ; но кромѣ того, мы знаемъ, что народъ нашъ терпѣливъ, умѣетъ трудиться, живетъ впроголодь, ощущая недостатокъ умственнаго развитія: это-же касается нравственности, то народъ выше насъ въ этомъ отношеніи, и не онъ, а мы должны у него учиться. Народъ—страдалецъ, до сихъ поръ носитъ цѣпи рабства, наложенныя на него предками; эти цѣпи мы должны помочь ему снять. Для этого мы должны отрѣшиться отъ своего привиллегированнаго положенія, должны слиться съ нимъ, кто можетъ; жить той-же жизнью, какой живетъ нашъ народъ.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ Богдановичъ,—я задамъ вамъ одинъ вопросъ, на который вы должны мнѣ отвѣчать прямо: вы надѣетесь, что выдержите ту жизнь, какой живетъ народъ и не убѣжите черезъ недѣлю отъ этого народа; развѣ вы умѣете такъ работать, какъ работаетъ съ утра до вечера нашъ народъ; развѣ вы развиты физически, какъ любая деревенская баба или дѣвка? Конечно нѣтъ. Поэтому

не лучше ли вамъ учиться, кончать медицинскіе курсы и тогда уже идти въ деревню и помогать нашему народу своими знаніями въ области медицины, вѣдь вы же знаете чѣмъ и какъ лечится нашъ народъ.

При этомъ Богдановичъ привелъ массу потрясающихъ примѣровъ деревенскаго лѣченія разныхъ болѣзней, по большей части, съ роковымъ исходомъ. Дамы слушали съ большимъ вниманіемъ, и, видимо, склонялись къ мнѣнію Богдановича.

Блины закончились общимъ веселіемъ. Пѣли, плясали, шутили, острили.....

Вечеръ этотъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, я его до сихъ поръ отчетливо помню; помнили его и другіе. Спустя 36 лѣтъ послѣ него, я случайно встрѣтился уже въ Иркутскѣ съ однимъ участникомъ этого вечера—докторомъ, старымъ знакомымъ, имѣвшимъ далеко за 60 лѣтъ; онъ тоже вспоминалъ этотъ вечеръ со всѣми подробностями; онъ помнилъ даже мою сѣрую блузу, запачканную въ заводской копоти, длинные сапоги и русую апостольскую бороду.

— А помните,—говорилъ докторъ,—какъ мы васъ одѣвали въ красную рубаху, опоясывали кушакомъ и заставляли плясать «русскую» и какъ вы переборщили, запнулись и уронили медичку француженку, и какъ мы вызывали васъ на bis?

— Помню—говорю я.

— А гдѣ же теперь Богдановичъ?—спросилъ докторъ.

— Давно отошелъ къ праотцамъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

— Жаль. Давно-ли, кажется, было, когда мы, оба еще молодые, такъ горячо спорили... Интересно бы еще узнать, гдѣ сейчасъ Петрушка Бѣломоръ.

— Онъ,—отвѣчалъ я,—какъ ушелъ въ народъ въ 1873 году, такъ никогда больше и не появлялся въ образѣ человѣка интеллигентнаго; всю жизнь провелъ въ качествѣ бродяги. Въ 1874 году онъ уѣхалъ изъ Петербурга на Пермскіе заводы, въ 1880 г. его забрали и судили, какъ бродягу. Затѣмъ, нѣсколько разъ появлялся онъ опять въ Россіи и снова въ Сибири. Ничего больше не слыхалъ про него.

— Удивительный это человѣкъ,—сказалъ докторъ,—вѣдь онъ былъ почти мой однокурсникъ; если бы онъ выучился, навѣрно, не затерялся бы въ неизвѣстности... Теперь вы, Михаилъ Павловичъ, разскажите свою біографію, я васъ потерялъ съ 1874 года. Что съ вами было?

— Въ іюнѣ мѣсяцѣ того года я путешествовалъ съ котомкой за плечами по Московской, Калужской, Орловской, Тульской и Тверской губерніямъ; смотрѣлъ, какъ живетъ нашъ народъ; осенью вернулся въ Петербургъ и опять за работу. Работали мы съ Грачевскимъ на заводѣ Струбинскаго и въ такъ называемомъ кругломъ зданіи Николаевской желѣзной дороги. Вотъ и все.

Такимъ образомъ, нашъ кружокъ разсыпался по Россіи и въ тоже время раздѣлился на двѣ половины. Одни примкнули къ Лавровистамъ, другіе къ Бакунистамъ, или бунтарямъ, какъ тогда ихъ называли. Я, какъ, вѣроятно, вы угадываете, очутился въ рядахъ Бакунистовъ, къ которымъ примкнулъ и Ю. Богдановичъ.

Другихъ свѣдѣній изъ своей жизни мнѣ не удалось разсказать доктору, который на поѣздѣ желѣзной дороги долженъ былъ выѣхать изъ Иркутска.

Съ Козельскимъ мы вернулись съ блиновъ часовъ въ 5 утра и проснулись довольно поздно. Послѣ чаю Козельскій говоритъ мнѣ:

— Ты посиди немного, почитай чего нибудь, а я приведу къ тебѣ рабочихъ, ты съ ними поговори, какъ ты вообще умѣешь говорить, потому что эти рабочіе что-то плохо понимаютъ то, что нужно. Они вообще неособенно усваиваютъ будущій строй, потому что сравнительно съ другими хорошо зарабатываютъ.

Я на это отвѣчалъ:

— Если ты, Семенъ Ивановичъ, не можешь съ ними ничего сдѣлать, а я тѣмъ болѣе.

— Нѣтъ ты не отказывайся, а поговори и увидишь, что будетъ ладно.

Черезъ полчаса входятъ Козельскій и 5—6 человѣкъ рабочихъ, въ чистенькихъ крахмаленыхъ рубашкахъ, сюртукахъ и пиджакахъ. Изъ нихъ меня особенно поразилъ своей щеголеватостью и холеной физіономіей Крухмаловъ, брюнетъ, высокаго роста, въ черномъ сюртукѣ, и брюки на выпускъ, съ правильными чертами блѣднаго лица, черными умными глазами, пытливо смотрѣвшими на окружающее и весело улыбавшимися. Другой былъ Адольфъ Альторфъ, финнъ, брюнетъ, съ козлиной бородкой, очень моложавый. Фамиліи другихъ рабочихъ, бывшихъ тогда у Козельскаго, я забылъ. Знаю только, что всѣ они впослѣдствіи были замѣтными дѣятелями въ Сѣверномъ союзѣ Петербургскихъ рабочихъ, организованныхъ Пресняковымъ. Что же касается Крухмалова

и Альторфа, то они въ 1880 году были высланы въ Туруханскъ.

При видѣ этихъ рабочихъ у меня невольно мелькнуло въ головѣ:

— Да это настоящіе зажиточные люди, но никакъ не рабочіе: съ такими трудно будетъ разговаривать.

Но ихъ умныя, толковыя лица производили на меня хорошее впечатлѣніе.

Козельскій меня отрекомендовалъ такъ:

— Это—Михаилъ, работаетъ за Московской заставой.

Нѣсколько секундъ мы молчали. Я не выдержалъ и задалъ вопросъ Крухмалову:

— Вы гдѣ работаете?

— На инструментальномъ заводѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Мастеромъ?

— Нѣтъ, простымъ слесаремъ; мы всѣ тамъ работаемъ, это—все мои товарищи.

— Много получаете?

— Я по 1 р. 50 к. въ день, вотъ Альторфъ 2 руб., Иванкинъ 1 р. 75 к., а этотъ*) получаетъ только 1 р. 20 к.

— Когда же выходите вы на работу?

— Въ 7 часовъ утра и работаемъ до 7 час. вечера.

— А вы гдѣ работаете?—спросили меня рабочіе.

Я отвѣчалъ.

— Тоже слесаремъ?

— Нѣтъ, молотобойцемъ.

— Много получаете?

— 65 копѣекъ въ день.

— Не много-же, замѣтилъ Крухмаловъ,—у насъ молотобойцы получаютъ восемь гривенъ.

— Вы, господа, разговаривайте; ты, Михаилъ, въ качествѣ хозяина, занимай моихъ гостей, а я сбѣгаю въ булочную. Будемъ чай пить,—обратился къ намъ Козельскій.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся съ кулькомъ булокъ и батрушекъ, въ другомъ кулькѣ было нѣсколько бутылокъ пива.

— Видите, господа,—вмѣшался въ нашъ разговоръ Козельскій,—вы получаете въ 2—3 раза больше, чѣмъ я. Я получаю только 25 р. въ мѣсяцъ; нужно на эти деньги одѣться и книжки купить, а у васъ ничего этого не требуется, только ты, Михаилъ, меньше меня получаешь. Вы, господа, живете лучше всякаго чиновника, работаете въ теплѣ, нужды никакой не знаете, заботы у васъ никакой. Малина, а не житье!—добавилъ Козельскій, смѣясь.

*) Бѣлокурый мальчикъ. М. О.

Рабочіе молчали, но меня отъ этого начинало передергивать.

— Я бы желалъ этотъ черный сюртукъ сбросить съ себя и форменную фуражку утопить въ Малой Невкѣ, чтобы сдѣлаться слесаремъ на инструментальномъ заводѣ,—вновь началъ Козельскій.

— Есть чему завидовать,—проворчалъ я.

— Да, господа, вамъ лучше живется чѣмъ нашему брату мыслящему пролетарію,—не унимался Козельскій.

— И докторамъ тоже,—добавилъ я громко.

— Да и докторамъ тоже плохо живется,— возразилъ Козельскій.

Кому же тогда хорошо то живется?

Рабочимъ,— отвѣчалъ Козельскій,— они живутъ безъ нужды и безъ заботы.

Я не понялъ шутки своего друга, вскочилъ на средину комнаты, взбѣшенный, поднялъ кулакъ и пошелъ ругать его:

— Всѣ вы, когда учитесь, начинены бываете самыми лучшими пожеланіями, всѣ вы друзьями рода человѣческаго считаетесь, а какъ только получите дипломъ—благихъ пожеланій какъ будто и не было, и тогда умѣете только рубли считать; забываете, что рабочіе производятъ всѣ богатства, имъ и должны они принадлежать, а не вамъ тунеядцамъ; фабрики, заводы, 6-этажные дома и земля должны принадлежать рабочимъ.

Однимъ словомъ, я нарисовалъ картину будущаго строя по Бакунину.

Вдругъ дверь растворяется и входитъ мѣщанка Рамбаумъ.

Михаилъ! Михаилъ! Что вы! Что вы кричите на всю квартиру, вѣдь у насъ много всякихъ жильцовъ; я сидѣла въ самой дальней комнатѣ и все слышала, что вы говорите. Помилуйте, вѣдь у насъ еще не водворился тотъ строй, о которомъ вы благовѣстите, а между тѣмъ вы уже фабрики и заводы подѣлили, изъ домовъ повыгнали хозяевъ... Что вы дѣлаете! Неровенъ часъ—зайдетъ какой либо полицейскій: долго ли до грѣха: знаете, что здѣсь студенческая квартира и полицейскіе частенько заходятъ къ хозяйкѣ подъ разными предлогами.

— Козельскій въ этотъ моментъ разразился самымъ задорнымъ смѣхомъ.

— Ну и раздѣлалъ же ты, Михаилъ, своего друга и пріятеля! Удружилъ! Нечего сказать: и свиньей то меня выругалъ, и по спинѣ то грозился отходить меня палкой,

вмѣсто кулака. Ну, Михаилъ, такъ то ты со своимъ другомъ расправляешься...

Въ это время и рабочіе оживились.

Козельскій въ данномъ случаѣ употребилъ хитрость: зная меня, онъ зло подшутилъ. Дѣло въ томъ, что рабочіе съ инструментальнаго завода, гдѣ онъ велъ самъ пропаганду, постоянно жаловались, что ихъ мало, что рабочіе не понимаютъ ничего, а на другихъ заводахъ сознательныхъ и совсѣмъ нѣтъ, такъ что, въ случаѣ надобности, нѣтъ возможности устроить напр., стачку, или вести пропаганду. Чтобы опровергнуть инструментальскихъ рабочихъ, онъ, Козельскій, и выдвинулъ меня; онъ хотѣлъ имъ воочію показать, что, кромѣ ихъ, есть и другіе рабочіе и даже вотъ какіе горячіе.

— Говори, чего тебѣ надо; чаю или холодной воды?— спросилъ Козельскій, когда самоваръ стоялъ уже на столѣ.

— Семенъ Ивановичъ, лучше дайте ему холодненькой водицы, сейчасъ онъ и такъ представляетъ изъ себя кипятокъ,—сказала Рамбаумъ и ушла въ другія комнаты.

Послѣ этого и рабочіе всѣ захохотали. Когда мы пили чай, Семенъ Ивановичъ завладѣлъ разговоромъ и сталъ развивать послѣдовательно мои мысли. Онъ отлично понялъ, что я, въ качествѣ спокойнаго пропагандиста, плохъ, а какъ агитаторъ, особенно въ толпѣ рабочихъ, незамѣнимъ, поэтому то и пустилъ меня, такъ сказать, впередъ....

Въ это время смѣшанный кружокъ изъ студентовъ велъ пропаганду на фабрикѣ Тортона.

Работая за Московской заставой, я намѣчалъ рабочихъ, у которыхъ были проблески протеста противъ тяжелаго положенія ихъ, и, понятно, подливалъ масла въ огонь, расшатывалъ ихъ, а затѣмъ, для детальной обработки, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ приводилъ ихъ къ Козельскому, къ которому они потомъ ходили уже сами, безъ меня.

Я же въ такихъ случаяхъ уходилъ въ сапожную мастерскую, въ д. Китнера на Полтавской улицѣ, и тамъ финляндцамъ сапожникамъ читалъ монографіи Костомарова или же знакомилъ ихъ съ географіей; соціалистической пропагандой здѣсь занимался технологъ, Іоновъ и путеецъ Оглоблинъ, впослѣдствіи устранившійся отъ всякихъ революціонныхъ дѣлъ и занимавшій постъ начальника одной желѣзной дороги.

Проживая за заставой, я не подвергался никакимъ непріятностямъ со стороны полиціи. Но одинъ разъ, по выходѣ съ завода, понятно, въ грязномъ видѣ, въ сажѣ, вдругъ

столкнулся я лицомъ къ лицу съ околоточнымъ надзирателемъ Стефановичемъ, котораго я зналъ до поступленія его въ полицію. Съ нимъ я часто разговаривалъ и, нисколько не стѣсняясь, высказывалъ свой образъ мыслей, за что и получилъ отъ него названіе либерала. Я хотѣлъ было пройти мимо, дѣлая видъ, что не замѣчаю его. Но Стефановичъ остановилъ меня:

— А, либералъ, либералъ! Какими судьбами? Что вы тутъ дѣлаете? Какъ это можно опуститься до того, чтобы поступить простымъ рабочимъ на заводъ? Да это, чортъ знаетъ, что такое!

— Ничего особеннаго,—говорю я,—простымъ рабочимъ уже давно работаю здѣсь.

— Не понимаю, не понимаю: развитый человѣкъ и вдругъ рабочимъ! Стыдитесь, милостивый государь, господинъ либералъ! Поди, и живете то гдѣ либо въ углу, вмѣстѣ съ рабочими валяетесь.

— Нѣтъ,—отвѣчаю,—занимаю отдѣльную комнату, но, дѣйствительно, на чердакѣ.

— Надо посмотрѣть ваше жилище, да кстати попить тамъ у васъ чайку. Ведите, ведите на свою квартиру.

Дѣлать нечего, пришлось Стефановича приглашать на чай. Впрочемъ, это послужило мнѣ на пользу.

Вошли въ мою собачью конуру.

— Это что у васъ? Какая то рукопись?—съ ехидной улыбкой и какой то необыкновенной радостью спросилъ меня Стефановичъ, увидавъ на столѣ нѣсколько тетрадокъ.

— Это,—отвѣчаю я,— литографированныя лекціи по технологіи.

Стефановичъ взялъ ихъ и началъ медленно читать о томъ, какъ отпускается сталь, какъ производится закалка, сварка желѣза и проч. Улыбка на его лицѣ постепенно исчезла, ехидныя складки сглаживались; наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше физіономія его вытягивалась въ недоумѣвающую фигуру.

— Зачѣмъ же вамъ все это?—наконецъ, не выдержалъ Стефановичъ.

— Мнѣ это нужно вотъ почему, я хочу держать при технологическомъ институтѣ экзаменъ, чтобы получить дипломъ ученаго мастера. И на заводъ то я поступилъ только для того, чтобы на практикѣ познакомиться съ производствомъ металловъ.

Повидимому Стефановичъ удовлетворился моимъ объясненіемъ. Прощаясь со мной, онъ пожелалъ мнѣ поскорѣе сдать экзаменъ и получить дипломъ ученаго мастера, имѣть болѣе лучшую обстановку и жить не такъ бѣдно, какъ я живу сейчасъ. Понятно, что послѣ этого я былъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Да и время было спокойное. Какъ то разъ, послѣ заводскихъ работъ, меня рабочіе пригласили пить пиво въ портерную. Я согласился, но сказалъ имъ:

— Вы идите, а я забѣгу на квартиру, умоюсь и сейчасъ же приду.

На квартирѣ я захватилъ нелегальную литературу и, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ нѣсенника, составленнаго Д. А. Клеменцомъ и Кравчинскимъ, жившимъ въ то время на Петербургской сторонѣ, близъ медицинской академіи, въ двухэтажномъ деревянномъ домѣ, въ маленькой комнаткѣ. Тутъ же проживала и Вѣра Личкусъ, хранительница нелегальщины. Въ портерной я роздалъ нѣсколько экземпляровъ нѣсенника рабочимъ, которые тутъ же хотѣли было кое-что спѣть, но разсудили, что лучше это сдѣлать на улицѣ.

Дѣйствительно вышли толпой изъ портерной и затянули: «Долго насъ помѣщики душили, становые дули», и проч. Поблизости оказался постъ городового. Онъ услышалъ пѣніе, сейчасъ же подбѣжалъ и закричалъ на пѣвцовъ:

— Э, что вы, галманы, орете по срединѣ то улицы; убирайтесь на свои фатеры и дурите, сколько влѣзетъ. Хоша, вы и хорошую пѣсню поете про станового, а все-жъ непорядокъ; неровенъ часъ, нагрянетъ околодочный, услышитъ, и завтра же доложитъ приставу; изъ за васъ еще выговоръ можно получить, потому приставъ у насъ строгій, онъ не любитъ безчинства. Идите, господа, идите по домамъ, а здѣсь нельзя пѣть!

— Хорошо, хорошо, служивый, уйдемъ.

И городовой, не ожидавшій такого оборота дѣла, остался очень доволенъ, потому что въ тѣ времена, въ подобныхъ случаяхъ, городовые очень часто подвергались оскорбленіямъ и насмѣшкамъ со стороны рабочихъ. Рабочіе всей толпой зашли въ ворота стараго двухэтажнаго деревяннаго дома, стоявшаго между заводами Струкова и Ѳедосьева, прямо въ садикъ, въ которомъ и пѣли, пока не устали; городовой въ это время ходилъ по улицѣ, подходилъ къ садику и просилъ прекратить пѣніе:

— Хоша, вы и въ саду поете, а все же господамъ спокой надо дать. Вотъ тутъ недалече живетъ контролеръ табачной фабрики Крафта, инжиперъ съ мыловаренного завода, чертежники и, вообще, много тутъ живетъ благороднаго народу.

Кромѣ насъ, за моско́вской заставой пропагандой занимались и другія лица. Объ этомъ я узналъ случайно. Въ то время я жилъ въ одной квартирѣ съ мастеромъ табачной фабрики Крафта, Мефодіемъ Николаевичемъ Никоновымъ, крестьяниномъ Тверской губерніи. Разъ я ему далъ читать сказку «О четырехъ братьяхъ». Никоновъ взялъ ее, посмотрѣлъ и возвратилъ обратно:

— Нѣтъ ли чего поновѣе, а это я уже читалъ.

— Кто же вамъ даетъ читать такія книжки?

— Да вашъ же знакомый, который къ вамъ ходитъ, а нашъ контролеръ М. Н. Шрейдеръ*).

Онъ, оказалось, велъ пропаганду на табачной фабрикѣ и мыловаренномъ заводѣ, но рабочихъ кружковъ не организовывалъ, а дѣйствовалъ безъ всякой системы.

II.

Юр. Богдановичъ.

Событіе 1 марта 1881 года довольно серьезно отразилось на дальнѣйшей судьбѣ партіи народной воли. Много членовъ было арестовано; исполнительный комитетъ значительно порѣдѣлъ и какъ то распылился по всей Россіи.

Ю. Богдановичъ 1 марта 1881 г. скрылся со своей квартиры на Малой Садовой и пробрался въ Екатеринбургъ. Здѣсь онъ устроился помощникомъ начальника товарной станціи и преспокойно жилъ до іюня мѣсяца, хотя поиски его были самые тщательные.

М. Грачевскій, М. Н. Оловенникова (Баранникова) и А. В. Халтуринъ жили въ Москвѣ; Фигнеръ, кажется, въ Харьковѣ, Златопольскій—на югѣ Россіи.

Съ теченіемъ времени эти члены исполнительнаго комитета, конечно, опять вступили въ дѣятельныя сношенія между собой. Въ сущности, для работы комитета не требовалось наличности какой-нибудь опредѣленной штабъ—квартиры. И въ прежное время—это летучая организація, дѣйствовавшая тамъ, гдѣ была необходимость и гдѣ оказывалось достаточное количество членовъ. То, что комитетъ больше собирался въ Москвѣ—явленіе чисто случайное. Съ такимъ

*) Эмигрировалъ въ 1874 г. заграницу.

же правомъ онъ могъ оказатся и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ и т. д.

Послѣ первомартовскаго событія невольно сталъ чувствоваться въ партіи недостатокъ въ опытныхъ и энергичныхъ руководителяхъ. Вслѣдствіе этого, первой задачей исполнительнаго комитета было пополненіе своихъ рядовъ. Для этой цѣли рѣшено было организовать самое широкое освобожденіе старыхъ работниковъ партіи изъ мѣстъ ихъ заключенія. Обстоятельства къ тому же благопріятствовали.

Лѣтомъ 1881 года изъ Печенѣжской тюрьмы отправлялась на Кару большая партія каторжанъ. Въ числѣ пересылавшихся оказались: И. Н. Мышкинъ, П. И. Вейнеральскій, С. Ф. Коваликъ, Н. Алексѣевъ, Г. Ф. Здановичъ, Н. С. Джабадари, С. Карташевъ, Іоновъ, Юрковскій, Циціановъ. Малавскій, Долгушинъ, Сажинъ, Дмоховскій, Сиряковъ, Виташевскій, Рогачевъ и др.

Исполнительный комитетъ и рѣшилъ освободить ихъ гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ Сибири. Дѣло освобожденія поручено было Богдановичу, который немедленно и выѣхалъ, впереди пересылаемой партіи каторжанъ, за Уралъ. Въ помощь Богдановичу былъ приданъ Иванъ Вас. Колюжный, бѣжавшій изъ ссылки изъ г. Никольска, Вологодской губерніи.

Западная Сибирь не представляла географическихъ удобствъ для побѣга; въ этомъ отношеніи лучше была Восточная Сибирь съ ея лѣсами и горами; кромѣ того, въ тѣ времена въ Восточной Сибири уже было не малое количество ссыльныхъ, которые могли оказать свои мѣстныя услуги по организаціи и осуществленію побѣга.

На совѣщаніяхъ въ Томскѣ было рѣшено организовать побѣгъ въ Красноярскѣ. Именно, здѣсь надо было окончательно установить опредѣленное мѣсто побѣга, снабдить каторжанъ необходимыми принадлежностями для распиловки кандаловъ; выработать способъ для постоянныхъ сношеній съ освобождаемыми и, наконецъ, выбрать изъ мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ лицъ, которыя бы взяли на себя осуществленіе плана подъ общимъ руководствомъ Колюжнаго и Богдановича.

Въ это время я проживалъ, конечно, не по своей волѣ въ г. Канскѣ. Въ моментъ Томскихъ совѣщаній я совершенно случайно надумалъ съѣздить въ Красноярскъ повидаться съ товарищами по ссылкѣ. Дѣло было вполнѣ оформлено. Канскій докторъ Піотровскій, изъ польскихъ повстанцевъ, далъ мнѣ удостовѣреніе, что я очень нуждаюсь въ медицинскомъ совѣтѣ Красноярскихъ докторовъ, хотя на

самомъ дѣлѣ былъ совсѣмъ здоровъ. Полиція согласилась съ этимъ удостовѣреніемъ и дала мнѣ отпускъ. Но отъѣздъ свой я все откладывалъ день-ото-дня.

Въ Красноярскъ прежде всего явился Колюжный съ письмами къ мѣстнымъ ссыльнымъ. Красноярцы указали на меня, какъ человѣка, могущаго быть полезнымъ въ этомъ дѣлѣ. Ко мнѣ тотчасъ же отправили письмо и деньги на дорогу. Я, разумѣется, немедленно выѣхалъ въ Красноярскъ, куда уже прибыла партія каторжанъ.

Начальникомъ Красноярской тюрьмы былъ Людвигъ Іосифовичъ Островскій, относившійся ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Въ душѣ онъ симпатизировалъ намъ, но боялся проявлять это; и если кому изъ насъ онъ дѣлалъ послабленія, то лишь послѣ того, какъ убѣждался «въ надежности человѣка».

Красноярцы пытались повидатся съ пересылаемыми товарищами, но Островскій всякій разъ отказывалъ. Особенно настойчиво добивалась свиданія сестра В. Г. Короленко; Островскій былъ неумолимъ. Наконецъ, явился я, и дѣло пошло, какъ по маслу. Островскій разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ ссыльными... въ своей квартирѣ, и не простое свиданіе на нѣсколько минутъ, а на весь день. «Казенное платье» было снято, каждый одѣлся въ «статское». Добыли закусокъ и даже мало-мало выпивки...

Во время этого свиданія былъ выработанъ шифръ для переписки; условились, что я на 8-ой верстѣ, не доходя Канска, зарою въ землю принадлежности для распиловки кандаловъ: подпилки, соляную и азотную кислоты и т. д. Самое освобожденіе партіи должно было состояться гдѣ-нибудь за Канскомъ, въ болѣе или менѣе глухомъ мѣстѣ.

Дальше начались совѣщанія Красноярцевъ по выбору мѣста побѣга. Это былъ самый трудный вопросъ. Кто-то предложилъ прибѣгнуть къ помощи уголовныхъ каторжанъ, которые уже знакомы съ побѣгами. Предложеніе было принято и начались переговоры. Дѣйствительно, одинъ изъ уголовныхъ за вознагражденіе, кажется, въ 80 рублей согласился открыть секретъ самаго легкаго побѣга. Именно, онъ сообщилъ, что въ Бирюсинскомъ этапѣ есть подъ поломъ подкопъ съ выходомъ за селеніе; что ночью отсюда очень удобно бѣжать даже всей партіи. Сообщенію этому Красноярцы повѣрили и меня отправили для устройства дѣла.

Изъ Красноярска я уѣхалъ, не дождавшись Богдановича, который долгое время пробылъ въ Томскѣ.

Я навелъ самыя тщательныя справки насчетъ Бирюсы, сначала черезъ постороннихъ лицъ, а потомъ лично

провѣрилъ. Оказалось, что на Бирюсинскомъ этапѣ никакого подкопа нѣтъ и, значитъ, уголовная шпана просто надула самымъ грубымъ образомъ. Но зато я убѣдился, что село Бирюсинское очень удобно для устройства побѣга путемъ нападенія на конвой. Оно расположено въ глухой тайгѣ, которая непосредственно примыкаетъ къ нему; этапъ расположенъ въ концѣ села, такъ что нѣсколько сотъ шаговъ—и лѣсъ. У меня въ головѣ сейчасъ же закипѣла работа по выполненію этого плана. Но ему не суждено было осуществиться по недостатку людей для нападенія; на грабежъ богатыхъ купцовъ и золотопромышленниковъ сколько угодно найдешь «подходящихъ» работниковъ, а для вдѣлки тѣла — въ тѣ времена было туго.

Однако, на всякій случай, на 8-ой верстѣ отъ Канска, въ условленномъ мѣстѣ, я зарылъ для товарищей предметы, необходимые для распиловки кандаловъ. Впослѣдствіи эти предметы нѣкоторымъ пригодились; именно, въ Иркутскѣ 8 человѣкъ изъ пересыльной партіи бѣжало, напр. Стеблинъ, Каменскій, Попко, Волошенко и др. Впрочемъ, ихъ вскорѣ всѣхъ поймали; причина этой неудачи кроется въ томъ, что о побѣгѣ не были своевременно предупреждены Иркутскіе ссыльные. Бѣжавшіе не могли ориентироваться въ окрестностяхъ города и всѣ попались въ руки полиціи.

Я былъ страшно удрученъ Бирюсинской неудачей. Она разбивала всѣ наши партійные разсчеты. Дѣйствительно исполнительный комитетъ послѣ 1 марта постепенно глохъ и никогда не могъ подняться на ту высоту, на которой онъ былъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, а потомъ и совсѣмъ сошелъ съ исторической сцены.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Канскъ самъ Богдановичъ. Въ подорожной онъ значился подъ именемъ статскаго совѣтника Михалевича, командированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Сибирь по особо важнымъ дѣламъ. То же значилось и въ открытомъ предписаніи, мастерски сфабрикованномъ въ Москвѣ.

Почтовая контора помѣщалась на базарной площади въ домѣ О. И. Іорданскаго, сынъ котораго П. О. Іорданскій былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ 1875 г. изъ Казани. Окна станціи выходили на площадь и были открыты. Я давно уже караулилъ, не покажется ли въ нихъ Богдановичъ. Вдругъ вижу въ окнѣ его невысокую фигуру съ маленькой бородкой эспаньелкой; онъ смотрѣлъ на площадь. Я старался показать ему знаками, что я его узналъ. Богдановичъ понялъ и слегка мнѣ поклонился.

Долго не думая, вхожу на станцію, къ почтовому писарю Казанскому, уголовному ссыльному, и говорю:

— У васъ остановился ревизоръ изъ Петербурга; доложите ему, что поднадзорный желаетъ ему принести жалобу на полицію,—такъ не соблаговолитъ ли г. ревизоръ принять мою жалобу.

Чрезъ нѣкоторое время Казанскій вернулся и говоритъ, что его превосходительство приказалъ вамъ передать, что жалобъ отъ поднадзорныхъ онъ не принимаетъ и совѣтуетъ обратиться къ Енисейскому губернатору Лохвицкому, человѣку гуманному; но, если поднадзорный имѣетъ что либо заявить по злоупотребленіямъ, касающимся золотыхъ промысловъ, или по какому либо уголовному дѣлу, то онъ можетъ выслушать.

Я вошелъ съ Казанскимъ къ его «превосходительству». Увидѣвъ меня, Богдановичъ всталъ и, улыбаясь, подошелъ ко мнѣ.

— Что вы скажете?—спросилъ онъ меня сухо.

— Тяжело мнѣ, ваше превосходительство, здѣсь живется: все равно, что въ тюрьмѣ нахожусь; никуда нельзя отлучиться, даже для заработка, потому что полицейскій служитель каждый день бываетъ у меня и заставляетъ расписываться въ его книгѣ, такъ что нѣтъ возможности отлучиться изъ города, хотя бы на сутки, а кромѣ того, исправникъ запрещаетъ заниматься такимъ трудомъ, какимъ я могу.

— Это меня не касается,—замѣтилъ его «превосходительство»,—у васъ есть выходъ изъ тяжелаго положенія—жалоба губернатору, въ распоряженіи котораго находитесь и вы, и полиція. Ну, еще что вы скажете?

— Позвольте доложить вамъ, на Бирюсинскихъ золотыхъ промыслахъ совершаются весьма крупныя злоупотребленія и при томъ совсѣмъ безнаказанно, а Канскій исправникъ безчинствуетъ по округу.

— У васъ доказательства есть?

— Есть,—говорю,—ваше превосходительство.

— Говорите!

— Не могу сказать при постороннемъ лицѣ.

Богдановичъ, дѣлая видъ, что онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ ошибку, дозволивъ при разговорѣ присутствовать писарю Казанскому, сказалъ:

— Господинъ писарь, выйдите!

Когда Казанскій удалился, Богдановичъ, подойдя ко мнѣ близко, сказалъ:

— Ну, теперь здравствуйте, старый пріятель! Хорошо же мы съ вами разыграли комедію при этомъ писарѣ... А вы не боитесь мести со стороны полиціи за то, что жаловались мнѣ на ея дѣйствія? Конечно, вѣдь сегодня же весь Канскъ будетъ знать объ этой жалобѣ.

— Не велика бѣда. Я въ глазахъ здѣшняго начальства считаюсь человѣкомъ отпѣтымъ. Исправникъ, я знаю, меня даже побаивается, особенно теперь, когда по всей Россіи распространяется терроръ.

Затѣмъ разговоръ нашъ перешелъ на Бирюсинское дѣло. Я разсказалъ Богдановичу всѣ подробности и невольно высказалъ предположеніе, что всѣ наши планы рухнули. Я видѣлъ, какъ при этихъ словахъ смутился Богдановичъ... Какъ онъ страдалъ! Но это было страданіе не разочарованія, а лишь констатированіе печальной дѣйствительности.

— Пора намъ,—какъ то грустно заговорилъ Богдановичъ,—трезво смотрѣть на жизнь и людей; пора отрѣшиться отъ того взгляда, которымъ мы проникнуты съ юношескаго возраста, что у разбойника и душегуба можно найти въ душѣ человѣческую искру, извѣстную у насъ подъ именемъ альтруизма. Теперь ясно, что дѣло наше потерпитъ фіаско. Нельзя считать уголовную шпану въ качествѣ недовольныхъ существующимъ строемъ. Это грубая ошибка, внесенная частью нашихъ пропагандистовъ 70-хъ годовъ. Головорѣзъ всегда останется имъ. Вы помните, что герой Виктора Гюго, обласканный епископомъ, все таки укралъ у него подсвѣчники:

— По вашему,—говорю я,—въ тайникѣ души уголовной шпаны никакой человѣческой искры нѣтъ?

— По моему, если она и была, то лишь до тюрьмы и каторги, гдѣ у человѣка все человѣческое убивается.

Не могу согласиться съ вами,—возражаю я,—и вотъ почему. Я работалъ одно время въ качествѣ простого рабочаго на красильной фабрикѣ Либиша въ Москвѣ, гдѣ было 500 человѣкъ рабочихъ. Послѣ работы, я, обыкновенно съ евангеліемъ въ рукахъ, во всеуслышаніе занимался народовольческой пропагандой. Часто я говорилъ о томъ, какъ лучше жить побожески, поевангельски, направляя свою рѣчь противъ хозяина Либиша, высасывающаго изъ насъ за 8—10 рублей въ мѣсяцъ всѣ соки. Несмотря на мою явную революціонную пропаганду, изъ 500 человѣкъ никто и не подумалъ доносить на меня; мало того, когда съ моимъ фальшивымъ паспортомъ былъ арестованъ Иванъ Тимофеевичъ Смирновъ, судившійся по дѣлу Дьякова и Сирякова, и когда этотъ паспортъ предъявляли жандармы рабочимъ фабрики

Либина съ разспросами о томъ, что говорилъ Смирновъ на фабрикѣ, то всѣ рабочіе утверждали, что такого они совсѣмъ не знаютъ и что работалъ у нихъ на фабрикѣ другой, а не онъ: не выдали рабочіе и меня, указывая, что работалъ у нихъ «чернявый», съ маленькой бородкой, а у этого борода большая и самъ бѣлый. Согласитесь, что изъ 500 человѣкъ, работавшихъ на фабрикѣ, были же люди и изъ уголовной шпаны,—закончилъ я.

— Вы говорите о счастливой случайности, и вѣроятно, о рабочихъ распропагандированныхъ вами,—возражалъ мнѣ Богдановичъ.

— Вы ошибаетесь: я, работая на фабрикѣ, занимался агитаціей, но не соціалистической пропагандой, для которой я не пригоденъ въ силу своего характера и склада ума; слѣдовательно, между этими рабочими не могло быть ни одного распропагандированнаго рабочаго, но между ними, несомнѣнно, были такіе, которыхъ я заставилъ задуматься надъ нѣкоторыми явленіями нашей обыденной ненормальной жизни.

— Но вы забыли, что, спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ вы ушли съ фабрики, васъ все же выдала уголовная шпана, которой вы передали на храненіе тюкъ революціонныхъ книгъ. Я принципіальный противникъ уголовщины. Вотъ и въ данномъ случаѣ, наше дѣло пропало единственно, можетъ быть, потому, что Красноярцы довѣрились уголовной шпанѣ. .

Богдановичъ задумался.

— Ну, что же дѣлать,—снова заговорилъ Богдановичъ,—и не такіе дѣла у партіи народной воли рушились.

Затѣмъ Богдановичъ ушелъ въ другую комнату, гдѣ вынулъ изъ своего дорожнаго чемодана свертокъ, обернутый въ газетную бумагу. Этотъ свертокъ онъ передалъ мнѣ:

—Вотъ вамъ гостинецъ отъ меня. Приходите ко мнѣ такъ дня черезъ три, такъ какъ часто сюда заглядывать нѣсколько опасно. Городокъ маленькій, пожалуй, полицейскія кумушки заподозрятъ что-либо.

Въ свертокѣ оказалось около трехъ десятковъ программъ исполнительнаго комитета партіи народной воли, нѣсколько экземпляровъ письма къ императору Александру III и послѣдніе номера органа партіи.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я былъ въ домѣ купца Орлика; здѣсь я встрѣтилъ секретаря управы И. П. Лебедева, секретаря полиціи Добровольскаго, полицейскаго надзирателя

Козловскаго, нѣсколько человѣкъ поляковъ и купцовъ, игравшихъ въ «генеральскую», за двумя столиками, по двухсотой

Дамы, по обыкновенію, забившись въ уголокъ, занимались отъ скуки сибирскими разговорами (щелкали кедровые орѣхи). Они, очевидно, уже подѣлились Канскими новостями, сидѣли и молчали. Мой приходъ былъ для нихъ кстати

— Разскажите-ка намъ,—обратились онѣ ко мнѣ,—какъ у васъ въ Россіи живутъ. Правда ли,—спрашивала одна дама,—что у васъ тамъ въ моряхъ есть такая звѣрь-рыба, которая большого человѣка проглатываетъ.

Я удовлетворилъ желаніе дамъ, разсказывая имъ о моржахъ, тюленяхъ, акулахъ; затѣмъ говорилъ о Петербургѣ, Москвѣ, о фабрикахъ, заводахъ о 6-этажныхъ каменныхъ домахъ и проч. Одна изъ дамъ, у которой были очень слабыя познанія по географіи, задала даже мнѣ такіе вопросы.

— А что наша рѣка Канъ больше или меньше Волги? И правда ли что Петербургъ въ 2 или 3 раза больше Красноярска?

Когда я сказалъ, что Петербургъ въ окружности съ предмѣстьями имѣетъ 30 верстъ, а жителей въ немъ около милліона и что, если взять всѣхъ жителей Енисейской губерніи, такъ они помѣстятся въ этомъ городѣ, то дама мнѣ не повѣрила и даже обиженно заявила, что я издѣваюсь надъ ней, какъ надъ дурой.

Я объяснилъ дамѣ, что я говорю правду и не думаю ее обманывать, и въ подтвержденіе сослался на городъ Лондонъ, въ которомъ могутъ помѣститься даже три Петербурга. На это моя собесѣдница прямо заявила, что такіе города можно видѣть только во снѣ, а на яву ихъ не бываетъ Если такъ много народу живетъ въ одномъ городѣ при страшной тѣснотѣ, то почему же никто изъ нихъ не ѣдетъ жить въ Канскъ..

— Что же они у насъ будутъ дѣлать?

— Что мы дѣлаемъ, то и они будутъ дѣлать: торговлей заниматься, землю пахать, золото копать.

— А намъ то что останется?—вступилъ въ разговоръ одинъ изъ секретарей.—Нельзя же позволять иностранцамъ наше золото расхищать.

— Вотъ вы, Иванъ Петровичъ, съ золотомъ то своего трефоваго короля подъ обухъ подвели,—набросился на него партнеръ,—и мы останемся безъ взятки, штрафъ заплатимъ. Одно изъ двухъ—или играть, или о золотѣ говорить. Не забывайте, что мы играемъ въ пятыхъ, штрафъ поставимъ по 30 копѣекъ.

— Хорошо, хорошо, я заплачу за васъ эти 30 копѣекъ.

— А я не возьму, потому что у насъ свои тысячи въ наличности.

— Ну, такъ чего же вы кипятитесь?

— Для порядка, значитъ,—возражаетъ купецъ,—потому, по нашему, по купечески, 30 коп. считаются деньгами, а не щепками.

— Господа! Выпить пожалуйте! Партію кончили, пора и по рюмочкѣ пропустить. А, то пожалуй, забудете, какая такая существуетъ у насъ отечественная водочка, наша родная Канская, производства Степана Андреевича Бурмакина. Добрая водка, при 20° морозѣ съ удовольствіемъ мерзнетъ...

— Хорошей очистки эта водка,—сказалъ Иванъ Петровичъ, когда выпилъ рюмку,—по больше 29-30° она не имѣетъ. Это спеціалка... По очисткѣ, доложу вамъ, господа, одна прелесть!

Въ это время я незамѣтно вышелъ въ прихожую: вынулъ изъ кармана программу исполнительнаго комитета партіи народной воли и письмо къ императору Александру III, вложилъ ихъ по одному экземпляру за обшлагъ шинели полицейскаго надзирателя, а другой экз. опустилъ въ карманъ пальто секретаря Ивана Петровича; надѣлъ шапку и ушелъ домой, на постоялый дворъ В. Рахманова. Здѣсь встрѣтилъ нѣсколько почетныхъ старшинъ и писарей, пріѣхавшихъ проводить стараго исправника Ипполита Кипріяновича Гомулецкаго, отданнаго подъ судъ за злоупотребленія, и для того, чтобы представиться новому исправнику А. С. Соколову, а кстати и узнать, будутъ ли они обложены данью, и если будутъ, то въ какомъ размѣрѣ. Между пріѣзжими нашлись знакомые, которыхъ я и снабдилъ литературой, переданной мнѣ Богдановичемъ. Мало того, на слѣдующій день я разослалъ эту литературу почтой своимъ знакомымъ по деревнямъ. Разумѣется, нѣсколько человѣкъ, понявъ въ чемъ суть литературы, возвратили ее почтой же прямо въ полицію. Не обошелъ я своимъ вниманіемъ и Канскихъ знакомцевъ. Передавая имъ, я предупредилъ, чтобы съ этой литературой они обращались осторожно.

Прошло не болѣе двухъ дней послѣ этого. Иду по улицѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ полицейскій чиновникъ.

— Постойте,—говоритъ онъ.

Остановился.

— Къ намъ поступило нѣсколько программъ исполнительнаго комитета партіи народной воли. Мы увѣрены, что распространителемъ этой литературы являетесь вы, и не за-

пирайтесь; кромѣ васъ, некому здѣсь заниматься такими дѣлами; поэтому мы принуждены будемъ арестовать васъ, если хоть одна еще программа будетъ доставлена намъ.

— Ничего не понимаю,—отвѣтилъ я на это,—да и гдѣ у васъ доказательство, что это именно я распространитель такой литературы; для меня очень бы интересно почитать ее.

Чиновникъ пристально посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Теперь вы, надѣюсь, поняли, что я сказалъ вамъ.

— Какъ не понять,—отвѣчалъ я.

Въ тотъ же день я встрѣтилъ и полицейскаго надзирателя.

— Вотъ кстати я васъ встрѣтилъ,—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.— Со мной сегодня случился казусъ По утру сижу, пью чай, вдругъ моя маленькая дочка подаетъ мнѣ два листочка и говоритъ: «папа, это твои бумаги». Взглянулъ и глазамъ своимъ не вѣрю. Гдѣ ты, дурочка, взяла эти бумаги?—«Да у тебя въ шинели.» Мы съ кухаркой чистили твою шинель, я и ущупала ихъ за обшлагомъ, вотъ и принесла тебѣ. Происхожденіе этихъ бумагъ вамъ извѣстно,—продолжалъ полицейскій,—это революціонныя прокламаціи. Ну, какъ вамъ не совѣстно такъ жестоко шутить надо мной! Постыдились бы! Я долженъ возбудить дѣло по этому поводу и начать слѣдствіе.

— Какое дѣло и какое слѣдствіе?—спрашиваю я.

— Да о подброшенныхъ мнѣ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ революціонныхъ прокламаціяхъ.

Я не могъ удержаться и засмѣялся.

— И вы еще смѣетесь?

— Да, смѣюсь. Ну, развѣ не смѣшно: вдругъ полицейскому надзирателю, въ нѣкоторомъ отношеніи столпу и охранителю закона и существующаго порядка, самому подбросили неизвѣстные злоумышленники прокламаціи! Какой же вы послѣ этого полицейскій? Вѣдь ваше начальство надъ вами же будетъ потѣшаться...

— Чортъ васъ возьми,—горячился полицейскій,—дѣйствительно вы поставили меня въ нелѣпое положеніе.

— Позвольте, позвольте! Откуда у васъ такая самоувѣренность и прозорливость, что это непремѣнно я сдѣлалъ, а не кто либо другой? Мало ли въ Канскѣ народу, кромѣ меня.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините, у насъ въ Канскѣ единственный человѣкъ—это вы, который способенъ на такія дѣла. Вѣдь когда васъ не было, у насъ было все тихо.

Явились вы: съ виду какъ будто все по старому, а на дѣлѣ что то новое: я это чувствую, но выразить только не могу. Вотъ я вамъ приведу такой примѣръ. Прежде мѣщанишка пикнуть не смѣлъ, когда я его за проступки по мордѣ билъ въ полиціи, или въ кабакѣ, гдѣ онъ буянилъ и дрался, а теперь онъ огрызается и даже обѣщаетъ при случаѣ отплатить... Однимъ словомъ, народъ нынѣ подлецомъ сталъ; никакого почтенія и уваженія отъ него нѣтъ; напротивъ, норовитъ всякія грубости учинить тебѣ. Не то было прежде. Или вотъ взять вашего медвѣдя В. Рахманова, у котораго вы живете на квартирѣ. Прежде мужикъ то какой хорошій былъ, а теперь и близко нельзя подойти, по человѣчески и говорить не изволитъ. Спросишь его что либо о вашемъ образѣ жизни и получишь одинъ отвѣтъ:

— А я почемъ знаю; это не мое дѣло, а ваше, я не полицейскій.

— Это вѣдь вы, Михаилъ Павловичъ, превратили Рахманова въ соціалиста. Прежде называлъ онъ меня «ваше высокоблагородіе», а теперь только сквозь зубы промычитъ: «г. надзиратель». Есть и другіе мѣщане, подобные Рахманову, на которыхъ тоже сказалось ваше вліяніе.

На это я отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ сказывается знаменіе времени, а моего вліянія тутъ нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ въ томъ, что говорю. Убѣжденъ, что вы человѣкъ зловредный; на томъ мы и кончимъ разговоръ, а въ острогѣ вамъ придется посидѣть. Впрочемъ, вамъ не привыкать къ этому.

Въ тотъ же день вечеромъ я видѣлся съ Богдановичемъ и разсказалъ ему все, что случилось со мной. Выслушавъ меня, онъ сказалъ:

— Ну, что же, значитъ, надо бѣжать. Вотъ вамъ паспортъ, самый настоящій, съ которымъ я жилъ въ Казани, Екатеринбургѣ, Нижнемъ и Перми; вотъ подорожная отъ Красноярска до Томска и 150 рублей. Какъ можно скорѣе выѣзжайте отсюда. Встрѣтимся въ Екатеринбургѣ.

Кромѣ того, Богдановичъ снабдилъ меня нѣсколькими адресами въ разныхъ городахъ.

Богдановичъ выѣхалъ изъ Канска раньше моего за сутки. Я проводилъ нашу партію каторжанъ и ночью пустился въ Россію.

Въ Екатеринбургѣ я, дѣйствительно, встрѣтился съ Богдановичемъ. Здѣсь мы жили недолго и осенью 1881 года были въ Москвѣ. Въ Екатеринбургѣ въ числѣ знакомыхъ Богдановича была одна особа, по фамиліи Сергѣева. Она

была задушевной подругой княгини Долгоруковой, жены тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора; кажется, онѣ вмѣстѣ учились. Отъ Сергѣевой Богдановичъ заполучилъ рекомендательное письмо къ кн. Долгоруковой.

Нужно сказать, что Богдановичъ отличался изяществомъ манеръ, красивой наружностью, безукоризненной костюмировкой и замѣчательнымъ остроуміемъ. Эти качества сразу расположили кн Долгорукову къ Богдановичу, когда онъ явился съ рекомендательнымъ письмомъ Сергѣевой. Успѣхъ былъ настолько великъ, что Богдановичъ тутъ же получилъ, разъ навсегда, приглашеніе къ ежедневному обѣду Московскаго генералъ-губернатора. Конечно, Богдановичъ не преминулъ воспользоватся этимъ приглашеніемъ, и въ домѣ Долгорукихъ онъ вскорѣ сдѣлался своимъ человѣкомъ.

Я изъ Москвы уѣхалъ на сѣверо-западную границу Россіи для пропаганды, но въ Москву наѣзжалъ часто и всегда видѣлся съ Богдановичемъ, отъ котораго узнавалъ разныя партійныя новости.

Въ 1882 году была предположена коронація императора Александра III. Кремль и дворецъ рѣшено было залить электрическимъ свѣтомъ.

Пользуясь связями съ Долгорукими, Богдановичъ въ концѣ 1881 года получилъ подрядъ по устройству электрической иллюминаціи, во время коронаціонныхъ торжествъ... Да, это фактъ! Мнѣ потомъ Богдановичъ говорилъ съ торжествующей улыбкой:

— Да, я устрою иллюминацію, какой не видывалъ никто!

Но планамъ Богдановича не суждено было осуществиться. Одинъ изъ жандармовъ установилъ за нимъ наблюденіе и открылъ, что это не то лицо, за которое онъ выдаетъ себя. Ве результатѣ – арестъ, судъ и Шлиссельбургская крѣпость, въ которой и умеръ Богдановичъ.

Коронація состоялась въ 1883 году.

Варвара Статьева.

По Ленѣ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Ранняя весна. Солнце ласковое, съ мягкимъ тепломъ. По склонамъ высокихъ, покрытыхъ тайгой, береговъ къ рѣкѣ спускаются сухіе кусты багульника; они безъ листьевъ, но одѣты ярко-розовыми, смѣющимися цвѣтами.

Я сижу на огромномъ бревнѣ почти у самой рѣки. Пріятно смотрѣть на кипучую работу. Здѣсь, въ Жигаловѣ склады товаровъ, идущихъ изъ Иркутска по Ленѣ. Рабочіе таскаютъ мѣшки, ящики, бочки на паузки и карбаза, которые здѣсь называются просто посудой или *пошудой*, по мѣстному выговору. Посуда сколочена на-скоро: когда она дойдетъ до мѣста назначенія, ее все равно испилятъ на дрова.

По всему берегу дымятъ костры; между трехъ соединенныхъ вверху палокъ въ подвѣшенныхъ ведрахъ варятъ кирпичный чай. Картина веселая, здоровая, все въ блесткахъ солнца: кажется, будто праздникъ. Пахнетъ свѣжимъ лѣсомъ и весенней рѣкой.

— Ко мнѣ подсаживается грузчикъ покурить. Лицо у него красивое, худое.

— Вы куда же отправляетесь?—спрашиваетъ онъ меня.

— Да жить думаемъ въ Киренскѣ, а пока все лѣто придется на пароходѣ по Ленѣ плавать.

— Почему такъ? Съ экспедиціей что-ль?

Я объясняю, что мужъ поступилъ на службу въ одно изъ пароходствъ, и для ознакомленія съ дѣломъ надо будетъ до осени не покидать парохода.

— Надоѣстъ,—сказалъ сосѣдъ.

— Какъ знать? Я люблю переѣзжать.

— А вы откуда?

— Изъ Москвы ѣдемъ, а вы?

— Да земляки, я ссыльный; а вотъ и пароходъ вашъ, самый лучшій здѣсь.

Изъ за изгиба рѣки показался бѣлый, сверкающій на солнцѣ, пароходъ.

Черезъ четверть часа онъ стоитъ у пристани, и капитанъ въ огромной собачьей дохѣ и шапкѣ съ ушами (несмотря на конецъ апрѣля) привѣтливо встрѣчалъ насъ.

А вечеромъ, когда заходило солнце, мы сидѣли въ чистой, убранной со вкусомъ, рубкѣ и пили чай.

Въ открытое окно неслись голоса людей, тянувшихъ наузокъ съ мели и попоясь стоявшихъ въ холодной, быстрой водѣ Лены. Между елокъ, покрывавшихъ верхушку берега, продѣзали красные лучи и падали на скатерть.

Было какъ-то странно: попасть въ такую глушь, гдѣ все напоминаетъ XV-XVI-й вѣкъ на Днѣпрѣ, и вдругъ сидѣть въ столовой съ электрическими лампочками: послѣ теплой ванны, пить съ ромомъ чай и слушать Собинова въ граммофонѣ.

Не такъ-то ужъ страшно въ Сибири!

Утро. Ѣдемъ по Ленѣ. Погода великолѣпная. Все смѣется, купаясь въ солнцѣ. Рябь рѣки растягиваетъ солнечныя пятна въ огромное, сверкающее крыло, перья котораго, трепеща, почти касаются береговъ.

Вдали голубѣютъ горы.

Рѣка быстрая, на ней много острововъ, покрытыхъ пухлыми ивами съ прозрачными золотистыми верхушками. На отлогомъ берегу еще лежатъ гигантскія сапфирныя глыбы льда, не успѣвшаго растаять. Немногочисленные пассажиры высыпали на шканцъ, залитый бѣлизной до боли въ глазахъ.

Смотрю на берега, дышу всей грудью и чувствую, что сила красоты давитъ меня. Распускается лиственница и вѣетъ тонкимъ ароматомъ душистой смолы.

— Прелесть,—говоритъ одинъ изъ пассажировъ возлѣ меня,—смотришь, и глазъ просто не хватаетъ.

Берега опрокинулись въ бездну рѣки и покрыли ее синеватой дымкой. Длинными, дрожащими нитями свисаютъ вѣтки березъ надъ обрывами. Свѣжая трава вся усѣяна лиловыми цвѣтами въ мохнатыхъ чашечкахъ. Съ неуклюжихъ сучьевъ тянется зелеными волосами мохъ.

А солнце, уже горячее, яркое, такъ и бьетъ по стволамъ...

Вечеръ. Западъ уже истлѣлъ и будто отдыхаетъ послѣ пережитой страсти. На фонѣ мягкихъ голубыхъ проваловъ, между облаковъ, колышатся черныя кружева лиственницы и ели на горѣ. Лена тиха, безъ ряби, и по ней вьются тонкія серебряныя кольца: прибываетъ вода.

Пароходъ бѣлый, легкій, какъ птица, стоитъ у лѣсистаго берега, на которомъ приселѣ избушки крошечной

деревеньки Осиновки. За избами — тайга, непроходимая, страшная.

Цвѣтетъ черемуха. Бѣлыя гроздья, какъ восковые: они неподвижны. Мнѣ кажется, что черемуха похожа на невѣсту.

Подходитъ старшій лоцманъ, высокій, красивый мужикъ; онъ брѣетъ бороду и носитъ длинные усы-стрѣлки. Немного хвастаетъ тѣмъ, что сумѣлъ «выйти въ люди». Одѣтъ всегда опрятно, и, глядя на него, представляешь его хозяйство въ большимъ селѣ на Ленѣ, его привѣтливую жену и весь порядокъ въ домѣ. Онъ веселый, очень любитъ разсказывать разныя происшествія. Жизнь тайги знакома ему всесторонне. Но самое важное мѣсто въ его разсказахъ, какъ и у каждаго ленца, занимаютъ медвѣди,—медвѣди во всевозможныхъ видахъ, позахъ и встрѣчахъ.

Говоритъ онъ, какъ мѣткій стрѣлокъ: что ни слово, то въ цѣль; и удивляешься мѣткости и простотѣ его рѣчи.

Что-то онъ сейчасъ разскажетъ?

— Пойдемте, взглянемъ, какъ тайгу корчуютъ тутъ недалеко.

— Вотъ что! Идемте.

Прошли съ четверть версты. Идти трудно. Подъ ногами громадные, обуглившіеся послѣ пала, пни съ обрубленными корнями, которые нагромождены тутъ-же. Горбатые, пропитанные водой комья черной земли, вывороченныя коряги и оставшіяся послѣ нихъ ямы съ мутной водой... Все это должно превратиться въ мягкую пашню.

Сумерки сгущаются.

Наконецъ то передъ нами—не то большой шалашъ, не то землянка. Это жилище устроено изъ срубленныхъ деревьевъ, обложенныхъ дерномъ и корой.

Подходимъ къ двери. Изъ темноты сразу впиваются въ глаза красные уголья, сказочной горкой лежащіе на земляномъ полу въ углубленіи. По угольямъ перебѣгаютъ огоньки и ихъ прозрачныя крылья задѣваютъ лица трехъ мужиковъ, сидящихъ у стола на пняхъ. Они пьютъ чай изъ кружекъ и ѣдятъ сухую картошку, помакивая ее въ кучку соли.

Лоцманъ начинаетъ разговоръ, а мнѣ хочется поближе разсмотрѣть жилье. Въ глубинѣ сдѣлано оконце, и черезъ него голубоватый свѣтъ запада разгоняетъ темноту. Тамъ, у стѣны, еще крошечный столикъ, на немъ нѣсколько книгъ, а рядомъ деревянная кровать, аккуратно прикрытая зеленымъ одѣяломъ.

Душу охватываетъ какое-то смутное чувство, и я невольно прислушиваюсь къ разговору и разсматриваю лица,

но вижу только одно очень худое, съ острымъ носомъ и выдающимися костями у подбородка.

— Откуда вы то?—спрашиваетъ лоцманъ.

— Изъ самой Москвы. Служилъ кондитеромъ у Абрикосова.

— Давно оттуда?

— Съ 1905-го года.

— Гдѣ же это время были?

Худой проглотилъ картошку и спокойно отвѣтилъ:

— Въ тюрьмѣ: семь лѣтъ въ Костромской тюрьмѣ, а потомъ вотъ здѣсь. Лѣтомъ корчую, зимой я салфетки плету. Товарищамъ хуже: ремесла нѣтъ.

— А надолго васъ въ Сибирь?

Онъ улыбнулся:

— Да навсегда!

И замолчали всѣ вдругъ. Шуршали угольки въ золотой горкѣ.

— Ну, всего хорошаго,—сказалъ лоцманъ,—выйдя на воздухъ.

Его слова вырвались на волю и понеслись въ пространство, къ рѣкѣ, прочь изъ тайги.

Пошли обратно. Уже темно. Корни пней—какъ цѣпкіе пальцы таежнаго чудовища, жаднаго и живучаго; ямы съ водой глядятъ подстерегающими омутами. И кажется, что сейчасъ вотъ сзади кто-то захохочетъ, обидно издѣваясь надъ нами.

Скоро Киренскъ. Я сижу на шканцѣ среди пассажировъ. На берегахъ жарко, а на рѣкѣ вѣтерокъ пріятно охлаждаетъ.

Но вотъ пристаемъ къ берегу грузить дрова.

Капитанъ, приземистый, съ широкимъ рябымъ лицомъ и рыжеватой бородой, безпокоится, какъ бы удобнѣе подвести баржу, и кричитъ въ рупоръ баржевымъ матросамъ какія-то странныя ругательства.

Когда на перекатахъ баржа можетъ каждую минуту сѣсть на мель, капитанъ предупреждаетъ:

—Однако, господа, чтобы не было недоразумѣній, пусть сходятъ внизъ тѣ, кому непріятно слушать. Тутъ безъ крѣпкаго слова не обойдешься...

Но сейчасъ все спокойно.

Хочется сойти на берегъ, чувствовать подъ ногами сочную траву, задѣть лицомъ за мягкую хвою лиственницы.

Къ сожалѣнію, пройти въ лѣсъ нельзя, потому что весь онъ заваленъ хламомъ и перепутанъ мелкой порослью.

Побродивъ по берегу, подсаживаюсь къ капитану. Глядя на него и на Лену, я невольно думаю: ужъ не отъ слова ли «лѣнь» появилось названіе рѣки?

Вотъ она катится, широкая, властная, жутко-красивая, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемая, лѣнивая. И всѣ заражаются этой лѣнью.

Капитанъ попыхиваетъ трубочкой, матросы таскаютъ свѣжія гладкія дрова лиственицы.

Дѣлаютъ они это не спѣша, съ шутками, часто отдыхая.

Если натаскаютъ много, то придутъ къ капитану и попросятъ масла, какъ дѣти просятъ у матери конфетку за какую-нибудь лишнюю работу.

Если капитанъ «въ духѣ», онъ исполнитъ ихъ просьбу.

Забываешь о томъ, что гдѣ-то есть другая жизнь. Спокойно и хорошо.

—А какъ скоро пойдемъ?—спрашиваю у капитана.

—Да, однако, скоро.

А когда въ Киренскѣ будемъ?

—Однако будемъ!

Я смѣюсь.

—Да, конечно, будемъ, а когда?

—Да Богъ знаетъ. Если безъ приключеній, то завтра.

Онъ выколачиваетъ трубку, потомъ вынимаетъ бархатный малиновый кисетъ, постоянно торчащій изъ его кармана, и продолжаетъ:

—Не люблю я говорить объ этомъ: скажешь—да вдругъ и хлопъ, на мель! Вотъ вамъ и срокъ!

Ну, такъ это непредвидѣнно, а какъ по расписанію-то?

—А, что тамъ расписаніе. Ерунда... Вы видите, вотъ, какой у меня костюмъ-то? Сколько на немъ сала, грязи... а развѣ отъ бѣдности? Да примѣчалъ я, однако, какъ новое въ пути надѣнешь, такъ непремѣнно что-нибудь случится.

И спокойно выколачиваетъ трубку о дерево.

Я съ нетерпѣніемъ жду Киренска, гдѣ придется жить, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ.

И капитанъ, и машинистъ живутъ тамъ же.

Опять стучитъ пароходъ, плывутъ пышные берега.

Иду распросить о Киренскѣ машиниста, который очень разговорчивъ. Истый волжанинъ, онъ всю жизнь провелъ на волжскихъ пароходахъ и обожаетъ Волгу. На Лену попалъ

съ пароходомъ, на который ставилъ машину. Волга и машина его больныя мѣста.

—А, вѣдь, «Полярный»-то быстро идетъ, поди, быстрѣй насъ, —скажетъ нарочно кто-нибудь.

—Пошелъ къ чорту!—сердится машинистъ... — Давай на пари!. Бутылку водки—если черезъ часъ не обгонимъ...

И смотришь пароходъ уже идетъ быстрѣе... Машинистъ сидитъ въ рубкѣ и щурится на солнце.

—А вѣдь Лена-то значительно красивѣе Волги,—безъ умысла сказала я.

Онъ обернулся ко мнѣ, смѣривъ презрительно взглядомъ.

—Тоже сказала,—процѣдилъ онъ, и вдругъ быстро, блестя глазами, заговорилъ.—Да развѣ можно сравнить? Что здѣсь? Вѣдь это такъ только, въ охотку, а вотъ проѣдешь разъ, два и надоѣсть. А на Волгѣ? Да тамъ теперь кипитъ все: пар-роходы, бар-ржи... А города? Чего только нѣтъ! Осенью то особенно: и арбузики, и яблочки, и помидоры... двойного сорта! Оно, правда, здѣсь воздухъ вольный, есть чѣмъ подышать; но здоровому человѣку—тюрьма тугъ, прямо тюрьма.

Я невольно согласилась и съ арбузиками и, въ особенности, съ помидорами...

—Ну, вотъ, смотрите!—потухнувъ уже, сказалъ машинистъ.—Вотъ, за этой скалой—Киренскъ.

Смотрю внимательно. Лена очень раскидывается, сливаясь съ Киренгой. Налѣво берегъ скалистый, высокій; берегъ Киренги луговой.

На холмистомъ островѣ, весь въ зелени, показывается Киренскъ, онъ какъ-то сказоченъ. Сразу вспоминается: «островъ на морѣ лежитъ, градъ на островѣ стоитъ».

Я декламирую вслухъ. Машинистъ смѣется и вставляетъ:

—А мнѣ онъ что то невидимый градъ Китежъ напоминаетъ, когда тотъ еще не проваливался.

Пристали. Съ страннымъ ноющимъ чувствомъ иду осматривать городъ. Онъ бѣденъ, непригляденъ, грязноватъ.

—Грязи подходящие,—говоритъ идущій съ нами матросъ-ленецъ.—Шоборъ тутъ есть давнишній.

Соборъ, дѣйствительно, интересный, стоитъ лѣтъ 300. Онъ—самой простой старинной архитектуры. Темныя бревна покрыты бархатнымъ мхомъ, повсюду поставлены подпорки. Внутрь попасть не удалось.

Нечего больше сказать о Киренскѣ. Вѣроятно, скукѣ и тоскѣ здѣсь очень хорошо живется...

Прошли «Щеки» при восходѣ солнца.

Здѣсь Лена протискивается между крѣпкихъ, складчатыхъ, живущихъ съ сотворенія міра горъ. Рѣка дѣлаетъ два крутыхъ поворота, извиваясь ловкой змѣей. Поворотъ такъ крутъ, что кажется, будто скалистая стѣна преграждаетъ путь.

Горы изрыты пещерами, оголены и украшены катящимися сверху камнями. При румяномъ, еще робкомъ солнцѣ, каждый кустъ, каждая лощинка, заросшая росной травой, выглядывали во всей красотѣ и подчеркивали мощь и грозность горъ.

А вотъ и Витимъ. Отсюда пересадка на Бодайбо. Самый Витимъ— это двѣ длиннѣйшія улицы, застроенныя деревянными, коричневыми отъ дождя домами.

Лоцманъ разсказывалъ мнѣ о прошлой жизни этого городка страшныя исторіи.

—Возвращается, бывало, золотоискатель съ пріисковъ. Ну, извѣстно, мужики все больше. Денегъ много. Охота-человѣку разгуляться. А какъ гдѣ? Ну, вотъ, накупитъ онъ сивухи, кумачу, наберетъ дѣвокъ, мужичковъ, напьется и кричитъ, чтобы встрѣчали его, да сини разстилали. Извѣстное дѣло—дурь въ человѣкѣ бродитъ! Ну, его и встрѣтятъ. Былъ тутъ домъ такой, съ подваломъ, да подземнымъ ходомъ—прямо въ рѣку. Вотъ заведутъ его, напоятъ, оберутъ, а самого тѣмъ ходомъ подсекутъ: отправляйся, гуляй по волнамъ! Много труповъ вылавливали. Потомъ ужъ открылось это, а допрежь того не знали. Пропалъ человѣкъ, а почему,ъ Богъ его знаетъ... А людей тогда почемъ зря били. Ребятишки, бывало, и тѣ кричатъ:

—Тятька, убой горбача, я посмотрю, какъ онъ ногами дрыгаетъ. Вотъ!

—А почему горбача?

—Да съ сумками они съ этакими кожаными ходили, съ пріисковъ-то: ну, вотъ, такъ и звали, вродѣ какъ съ горбомъ.

—А теперь?

—Теперь много тише... Теперь не тѣ времена...

А Лена бурлитъ, плещется тихонько, будто слушаетъ рѣчь человѣческую, и плескомъ подтверждаетъ: вѣрно, вѣрно!..

Троицынъ день. Купанье. Пароходъ убранъ березками и лиственницей. Прибрались въ рубкѣ, на шканцѣ, въ кухнѣ.

Но все-таки скучно, хотя и обильно льется солнце.

Подъѣзжаемъ къ рѣчкѣ, которая называется Ура. Здѣсь начинается Якутская область. Ура кокетливо выбѣгаетъ изъ огромныхъ скалистыхъ воротъ. Ворота эти въ дикой красотѣ своей очаровательны. Особенно одна скала, розово желтая, въ видѣ огромнаго столба, голая, вынырнувшая изъ лѣсистыхъ горъ своей гигантской головой. Съ противоположной стороны сѣрые камни громоздятся другъ на друга и торчатъ острыми зубьями на голубомъ небѣ.

Еще раньше матросы говорили, что, подъѣзжая къ впаденію Уры въ Лену, они купаютъ каждаго, кто первый разъ въѣзжаетъ въ Якутскую область. Я не придавала значенія словамъ и спокойно вышла на верхъ полюбоваться на скалы. То же сдѣлали и другіе пассажиры. Но оказалось, что матросы въ штурвальной будкѣ спрятали ведра съ водой.

— Ай, ай, озорники! — закричала молоденькая дочка повара.

Я оглянулась и поняла, что началось...

Дѣлать нечего. Поднялся шумъ, крики, смѣхъ, который разростался все шире и шире. Люки внизъ были закрыты и охранялись матросами

Конторщикъ, здоровый молодой мужчина пудовъ на 6, ѣхавшій тоже первый разъ, геройски всталъ на краю шканца и кричалъ:

— Ну-ка, ребята! Вали меня изъ брандсбойда! Такъ, такъ! Хор-ро-шо! Ну, теперь пустите переодѣться.

Чесучевая рубашка смѣшно облѣпила его большое тѣло, съ головы текла вода. Это подзадорило матросовъ.

Молодая горничная заперлась на ключъ въ своей каютѣ. Ребята отвернули ручку у двери и наказали горничную за упорство вдвое.

Черная глуповатая стряпка въ мокрой юбкѣ ходила полудовольная, полусердитая и «лаяла» матросовъ.

— Ничего не подѣлаешь, — кричали они, — обычай такой у насъ. Самъ губернаторъ ѣхалъ, такъ и его поливали изъ ковшичка, а то вамъ спущать.

— Шпана-а! Чалдонье!—ругалась стряпка.

Пріятно дѣловито постукиваетъ внизу подъ водой пароходъ.

Скоро Якутскъ.

Проѣхали Олекминскъ. Время было послѣобѣденное; много солнца, зеленой травы. Городъ-село выглядывалъ весело. Вся мѣстная интеллигенція высыпала на берегъ встрѣчать пароходъ. Было нѣсколько дамъ съ яркими зонтиками, несмотря на сильный вѣтеръ, и съ старомодными митенками на рукахъ.

Здѣсь же впервые встрѣтились съ якутами и скопцами.

Нѣсколько скопцовъ ѣдутъ съ нами въ Якутскъ. Тучные, блѣдные, непремѣнно съ платкомъ вокругъ шеи, съ кривящимися ногами, они производятъ впечатлѣніе какой-то законченности, спокойствія... Высланные давно изъ Россіи, попавшіе въ чужую холодную страну, они принялись строить свою жизнь и создали сносныя условія. Они собираютъ обильные урожаи тамъ, гдѣ раньше считали невозможнымъ что-нибудь получить отъ земли.

Я разговорилась съ однимъ старичкомъ. Онъ хвастался:

— Вотъ и якуты стали у насъ перенимать. Тоже и рожь сѣютъ, а до того хлѣба совсѣмъ не ѣли. Мясо да рыба, да чай кирпичный съ масломъ. Даже огороды стараются разводить. Но, конечно, у нихъ силъ да и терпѣнія не хватаетъ. А терпѣнія тутъ много надо; охъ, какъ много! Здѣсь все противъ насъ. И морозъ, и земля, и дальность: достать трудно самое необходимое въ хозяйствѣ. А все-таки у насъ даже арбузы вызрѣваютъ. Здѣсь, вѣдь, бѣлыя ночи помогаютъ, такъ что свѣту достаточно. Но конечно вкусу того нѣтъ, что на родинѣ-то.

Онъ вздохнулъ, помолчалъ.

— А все-таки вотъ, думаю, бросить все и уѣхать. Разрѣшеніе вышло возвращаться намъ въ Россію. Орловскій я.

— А много тутъ прожили?

Онъ засмѣялся женскимъ смѣхомъ.

— Да двадцать лѣтъ.

— И все таки хочется назадъ?

— Хочется, да многіе ужъ и уѣхали. Одна старуха... 90 лѣтъ ей было, такъ и та поѣхала умереть дома, на родныхъ мѣстахъ, да въ дорогѣ померла. Еще-бы: это много значитъ—родина!

Замолчали. Вдругъ какъ-то лѣнь стало разговаривать; съ береговъ поползла голубая жаркая мгла, по рѣкѣ перебѣгали золотыя блестящія паутинки.

— Пароходъ почему-то заходилъ движеніе, послышался голосъ капитана наверху. На корму бѣжали матросы и кричали:

— Эй, рыбу покупать, кто хочетъ?

Къ пароходу подплывалъ якутъ въ лодочкѣ, аккуратно сшитой изъ бересты.

Она, какъ серебряная, поблескивала на солнечной рѣкѣ. Якутъ ловко работалъ двусторонимъ весломъ и кричалъ:

— Либа, либа, балыкъ баргъ.

У него не было передняго зуба, а остальные, слишкомъ длинные, выдавались, и онъ складывалъ смѣшные губы трубочкой. Онъ привезъ стерлядей. Ихъ уложили въ огромный тазъ. Рыбы били хвостами и сильно поднимались ихъ жабры. За все-ему заплатили 2 р. 50 к. Якутъ остался доволенъ, поблагодарилъ капитана, крикнувъ: «спасибо, тайонъ»: спряталъ деньги въ большой кожаный кисетъ и завилялъ на своей красавицѣ-лодкѣ.

Якутскъ. Подъѣзжая къ нему на пароходѣ въ ясный солнечный день во время разлива Лены, получаешь хорошее впечатлѣніе отъ него, какъ отъ всякаго сравнительно большого города, котораго давно не видалъ.

На узкой зеленой полосѣ, почти сливающейся съ уровнемъ рѣки, имѣющей здѣсь 15 верстъ ширины, вдругъ показываются двѣ-три колокольни, бѣлые дома, цѣлые станции. У берега много посудъ, барокъ, нѣсколько пароходовъ; на пристани толпа народа. Цѣлый праздникъ изъ за парохода.

Выдѣляются странныя, комичныя фигуры городскихъ якутокъ, въ чепцахъ на англійскій фасонъ шляпахъ, широкихъ кофтахъ и короткихъ, вздернутыхъ спереди, юбкахъ; въ высокихъ мужскихъ сапогахъ-ичигахъ. Подъ шляпой надѣтъ платокъ, а во рту массивная трубка. Такомъ городской костюмъ....

Якутскъ пыленъ. Улицы всѣ немощеныя, широкія, тѣсниться не къ чему. Есть каменные хорошіе дома, магазины, но большей частью темные (отличительное сибирское свойство), изъ крупнаго лѣса домики, съ бѣлыми ставнями. Тихо, скучно.

Мы на Вилюѣ, большомъ притокѣ Лены. Идетъ торговля съ якутами. Происходитъ все какъ-то странно, по сказочному. Остановится пароходъ возлѣ глухого, богатаго сѣверной растительностью да огромными колючими комарами, берега, а черезъ пять минутъ изъ-за прибрежнаго тальника начинаютъ высовываться головы якутовъ. Они всѣ съ конскими хвостами въ рукахъ для защиты отъ комариныхъ тучъ; въ ситцевыхъ рубахахъ безъ поясовъ; яркихъ цвѣтовъ нѣтъ; и сами они будто всѣ одинаковые, сѣрые, худые. Лопочутъ

что-то, идутъ на пароходъ гуськомъ, боязливо, не отставая другъ отъ друга, съ любопытствомъ разсматриваютъ каждую вещь.

Многіе пріѣзжаютъ на быкахъ, запряженныхъ въ сани (телѣгъ нѣтъ), за бурдукомъ, т. е. мукой.

На нашей баржѣ устроенъ цѣлый плавающій магазинъ со всевозможными товарами. Главное же—это ситцы, табакъ, чай. Служащіе не спятъ цѣлыя ночи; работа идетъ кипучая.

Со шканца хорошо наблюдать за жизнью на берегу. Якутскіе ребята все время играютъ въ замусоленныя карты. Карты и трубка—принадлежность каждаго. Кричатъ одногонно, точно бранятся, якуты. Жаль, что ничего не понимаю.

— А чего тамъ понимать-то?—говоритъ нашъ лоцманъ, весь красный отъ жары.—«Капсе»—это у нихъ все... Тараторки.

— Капсе? Что это?

— Да вотъ сойдутся два дагора (пріятели); ну, и закапсекаютъ; значитъ—всѣ новости другъ другу разскажутъ; верстъ за 300, что дѣлается, все знаютъ! Имъ ничего не стоитъ за 100 верстъ придти пароходъ посмотрѣть, и каждый годъ ходятъ. Вотъ года два тому назадъ якутъ умеръ; съ Амги приходилъ, онъ и не якутъ, да ужъ потерялъ русскіе то обычаи и говорилъ по русски плохо. Такъ онъ все на себя пальцемъ показывалъ: «ми—сонъ Макаръ». Писатель, говорятъ, тамъ жилъ, такъ про него написалъ бытто! Я самъ то не знаю, вѣрно ли писалъ, и про него-ли. Ну, а онъ хвасталъ.

Лоцманъ-якутъ, взятый изъ Якутска въ помощь, знающій русскій языкъ, слушалъ насъ и улыбался:

— Вѣрно, вѣрно.

Я смотрю на его рубаху, сѣрую, засаленную, и очень хочется узнать, какая она была: желтая или голубая. Я пристально вглядываюсь въ складки и у ворота удается подмѣтить, что она была канареечнаго цвѣта. Теперь мнѣ понятно, почему я не вижу яркихъ одеждъ.

Бѣлыя ночи! Западъ не гаснетъ до самаго восхода; рѣка не стираетъ румянъ круглыя сутки. Паузки и карбаза —точно розовыя большія птицы.

На пароходѣ почти не спятъ. И все время слышится говоръ, пѣсни, смѣхъ. Изъ Якутска ѣдетъ по домамъ учащаяся молодежь. Люди, которые хотятъ вознаградить себя за долгую зиму.

Особенно вліяютъ бѣлыя ночи на якутовъ. Они пропадаютъ на эгеканьяхъ. Возьмутся за руки и, присѣдая въ тактъ напѣву, кружатся хороводомъ. Поютъ о томъ, что видятъ, все время на двухъ-трехъ нотахъ. Съ нихъ катится потъ, глаза стеклянѣютъ, голоса пѣлаются хриплыми, а они все кружатся, почти до безчувствія.

Бѣлыя ночи своими огромными глазами и розовыми щекочущими пальцами разбудили людей отъ спячки и не даютъ покоя, раздражая нервы.

Якутъ радъ свѣту, радъ теплу и мягкимъ, втягивающимъ въ себя взглядъ, оттѣнкамъ лѣтней тайги и рѣки.

Цѣлую зиму долгими днями, когда отъ сильнаго мороза нельзя идти на охоту, сидитъ онъ съ трубкой въ зубахъ передъ камелькомъ.

Потрескиваютъ дрова, въ объятіяхъ пламени, разсыпаются золотой грудой и заколдовываютъ мысль, которая дремлетъ. Глаза слезятся отъ постояннаго огня въ домѣ и яркой бѣлизны снѣга на волѣ.

Сидитъ передъ камелькомъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ дагоръ поиграть въ карты.

Какъ же не придти ему въ экстазъ отъ этихъ бѣлыхъ ночей? Разъ въ годъ, какъ слѣдуетъ, просыпается человѣкъ!

Я тоже сплю часа по четыре и часто разговариваю съ засѣдателемъ, который ѣдетъ съ нами. Онъ – Петербуржецъ, служитъ здѣсь семь лѣтъ и изъѣздилъ Вилюйскій край вдоль и поперекъ. Якутовъ ненавидитъ, какъ и многіе.

— Фруктики, язви ихъ душу, нечего сказать... Вы-бы знали, какъ они носятъ одежду. Если надѣлъ рубаху, не сниметъ до тѣхъ поръ, пока не истлѣетъ на немъ. Если якутка гостей встрѣчаетъ почетныхъ или сама пошла въ гости, она напяливаетъ на себя все, что есть, прямо на грязь— шелкъ. Они, язви ихъ душу, страхъ шелкъ любятъ...

— Да, вѣдь, онъ дорогъ?

— До-о-рогъ! Да вы не думайте, что они бѣдны. Есть такіе кулаки, мое почтенье! Скупщики мѣха, мамонтову кость скупаютъ, а потомъ ужъ купцамъ продаютъ. Наживаются страхъ.

Доктору за визитъ по сорокъ рублей платятъ; правда, ему за триста верстъ верхомъ приходится къ нимъ пріѣзжать. но все же!

Въ это время въ рубку вошли якуты. Они. какъ дѣти, оглядывали стѣны, потолокъ, трогали руками задвижки...

Засѣдатель, молодой, жирный, съ веселыми глазами, давился отъ смѣха...

Якуты вышли. Онъ сейчасъ же захохоталъ.

— Вы слышите, какъ хатонинномъ запахло?

— Какимъ хатонинномъ?

— Духи мѣстные, отъ слова «хатонъ»—хлѣвъ.

И онъ сталъ разсказывать, какъ они дѣлаютъ посуду для замораживанія молока изъ скотскаго помета, и ѣдятъ это молоко; какъ они отвратительно доятъ коровъ; и какъ они живутъ всю зиму вмѣстѣ со скотомъ.

— А какіе они сутяги! Это ужасно! Ни одинъ якутъ не обходится «безъ дѣла», а просьбы и жалобы посылаетъ сразу въ нѣсколько пунктовъ...

— Конечно, это не мѣшаетъ якуту всегда не выигрывать дѣла?

— Ну, да! Чорта съ два! Они тамъ, язви ихъ душу, такую околесину напишутъ! Мошенники! Русскаго мужика объѣдаютъ.

— Какъ это?

— Да такъ! Ему вѣдь постоянно хлѣбъ выдается казенный, самъ онъ палецъ о палецъ не ударитъ.

Вы видѣли-ли хотя одного босаго?

Я припомнила: правда, даже мальчишки всѣ въ ичигахъ...

— Ну, вотъ, а нашъ мужикъ вѣчно ноги жаритъ да въ лаптяхъ шлепаетъ. Якутъ да казакъ—два дармоѣда. Имъ на душу по 1 пуду муки. У другого 4 мальца, да самъ, вотъ и 5 пудовъ муки и другія привиллегіи.

Вошелъ капитанъ. Онъ покачалъ головой на засѣдателя.

— Все якутовъ чистите? А если бы имъ не выдавали хлѣба, такъ съ голода бы сдохли. Вѣдь, не родится хлѣбъ-то.

— Ну, да!—кричалъ засѣдатель.—У скопцовъ родится, а у нихъ нѣтъ...

— Да скопцы-то привыкли еще на родинѣ къ земледѣлію, опытъ. А если бы якута чуть-чуть хотя бы грамотѣ научить...

Да, это правда,—соглашался засѣдатель.—Ничего не скажу, народъ смекалистый, но лѣнивый. А что школъ нѣтъ, это кто жъ оспариваетъ.

Капитанъ доволенъ и продолжаетъ.

—Вы говорите, онъ хитрый, мошенникъ? А ихъ-то какъ обманываютъ! Что съ ними-то дѣлаютъ! А ихъ хитрости всѣ наружу. Онъ продаетъ мороженую корову и между туловищемъ и ногами замораживаетъ по кирпичу. Ну, на много обманулъ? Или еще: продаетъ бѣлку, которая для не-

го дорога, а въ середину горностая вложить, что-бы тяжелѣе была, и радуется, что обманулъ...

Воспаленные глаза мои плохо различаютъ уже предметы. Лица засѣдателя и капитана кажутся мнѣ одинаковыми... Я вижу, что засѣдатель, наконецъ, встаетъ и уходитъ, а мимо ушей проплываютъ отдѣльныя тяжелыя слова капитана, но я хорошо запоминаю ихъ.

— Судья какой! Про самого-то что говорятъ... Хлѣбъ якуту выдаютъ... Знаемъ, какъ выдаютъ-то они! Взяточки. А какъ якутъ возражать, такъ сейчасъ выведетъ за избу, да въ зубы, чтобы молчалъ. Что творятъ-то! Они его тоже ненавидятъ. Вла-а-сть!

Надо пойти отдохнуть. Отправляюсь въ каюту.

За дверью 1 класса слышу дружный смѣхъ матросовъ. Что такое? Обычно они рѣдко бываютъ здѣсь. Открываю дверь и вижу группу молодыхъ, здоровыхъ парней, которые столпились посреди 3-го класса, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ на полу сѣрый комочекъ съ блестящими глазами, хриплымъ голосомъ и сморщеннымъ отъ страданія лицомъ.

— Ну-ка, еще ее, еще!

Бѣлобрысый дѣтина подкрался къ якуткѣ сзади и сильно хлопнулъ ладонями надъ головой, она вся подпрыгнула и, взвизгивая, какъ разъяренная собака, бросилась на матроса. Онъ поднималъ ноги, она дѣлала то же. Онъ по обезьяньи чесалъ голову, она повторяла. Было что-то страшное въ этихъ движеніяхъ и хохотѣ матросовъ. Наконецъ, женщина, обезсилѣвъ, начала колотить парня по здоровенной мускулистой рукѣ, стараясь укусить, и кричала что то.

Случайно увидавъ меня, одинъ матросъ указалъ якуткѣ въ мою сторону. Она быстро вскинула глаза на меня, оглядѣла всю и вдругъ притихла, подошла ко мнѣ и заговорила такимъ ласковымъ, сокрушеннымъ голосомъ, что мнѣ казалось, будто она хочетъ сказать: нѣтъ, не можетъ въ ней быть нечистой силы, такая она тихая, такая тоненькая. Припадокъ кончился, женщина сѣла у стѣны, и матросы стали расходиться, а одинъ пояснилъ мнѣ:

— Импрячка это... похоже на нашихъ порченыхъ, только эти повторяютъ все, когда припадокъ съ ними; а начинается онъ, если чѣмъ испугаешь ее. Докторъ ѣздилъ съ нами по прошлому году, такъ дѣлалъ съ ними разные примѣры, по латыни говорилъ, и нѣкоторыя повторяли точно.

Женщина, обезсиленная бѣлыми ночами, этапами, болѣзнью и борьбой, лежала у стѣны, хрипло дыша. Легкій

вѣтеръ взвѣвалъ ея холодай, будто хотѣлъ успокоить. Онъ одинъ и былъ, кто могъ это сдѣлать.

На востокѣ уже все было въ золотѣ передъ встрѣчей солнца. На пароходѣ притихли; утомленіе уложило людей на нѣсколько часовъ. Бѣлоглазый свѣтъ смазывалъ краски на предметахъ. Все имѣло какъ—будто болѣзненный, блѣдный видъ. Ни о чемъ не думалось, ничего ярко не чувствовалось. Хотѣлось уснуть.

Мы побывали снова въ Якутскѣ и теперь идемъ по Алдану, а потомъ по Маѣ. его притоку, за чаями на Нельканъ.

Опять—якуты и тунгусы, послѣднихъ больше. Они красивѣе и опрятнѣе. На краю шканца стоитъ лоцманъ-тунгусъ. пріятное лицо, со лба по черпымъ волосамъ идетъ одна сѣдая прядь.

— Какъ называется эта стоянка?—спрашиваетъ его пассажиръ.

— Татта—тэрдэ!

— Ого!

Пароходъ пристаетъ. Сейчасъ же тѣло охватываетъ страшная жара.

На берегу мелькаютъ узкія, желтыя пятна лицъ, трубки...

Черезъ полчаса я замѣчаю, что многіе тунгусы лежатъ подъ кустами, нѣкоторые чему-то смѣются, оскаливая гнилые зубы и совсѣмъ прикрывая слезящіеся глаза. Ноги ихъ не слушаются и задѣваютъ за траву.

— Что это они? Почему шатаются?—спрашиваю лоцмана.

Онъ лукаво прищуривается и показываетъ рукой въ машинное отдѣленіе.

— Иди-ка, гляди-ка тамъ!

Все равно дѣлать нечего. Хожу возлѣ пролета, изъ котораго поднимаются и опускаются огромныя стальныя руки поршней.

Вижу—два тунгуса, крадучись, оглядываясь по сторонамъ, нагибаются по лѣстницѣ, ведущей въ машинное отдѣленіе. Въ рукѣ одного блеститъ рубль, который вдругъ исчезаетъ, а взамѣнъ рука машиниста протягиваетъ чашку. Тунгусы жадно выпиваютъ поданный спиртъ и уходятъ.

То же самое дѣлается и у лѣстницы, ведущей въ матроскую.

Стало какъ-то вдругъ тяжело. Мелькали вопросы, сейчасъ же рождались отвѣты, не было виноватыхъ; мысль пробуравливала толщу жизни все глубже, глубже и ударялась объ основной каменный грунтъ...

...Я ушла недалеко отъ парохода и легла подъ густымъ кустомъ осинника. За шелковые стебли травы задѣвалъ трескъ кузнечиковъ. Вверху вѣтки шелестѣли, словно удивлялись чужому человѣку. Пахло сухими соснами. Въ темной зелени пламенѣли гордыя саранки, какъ раскаленные уголья.

Къ открытію университета въ Иркутскѣ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Иркутскѣ не мало было разговоровъ о своемъ университетѣ.

Въ № 13 „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1863 годъ помѣщена статья „Что намъ необходимо въ особенности“. Авторъ отвѣчаетъ, что необходимъ университетъ. Между прочимъ, онъ сообщаетъ: „правительство, съ своей стороны, не разъ возбуждало вопросъ о Сибирскомъ университетѣ и запрашивало даже, гдѣ устроить – въ Томскѣ или въ Иркутскѣ. Былъ составленъ проэктъ высшаго учебнаго заведенія въ Иркутскѣ“.

Для встрѣчи новаго 1863 года „по дѣдовскому обычаю“ собралось въ Иркутскѣ „нѣсколько молодыхъ людей“. За тостами высказывались разныя пожеланія на новый годъ. „Педагогъ“ и „литераторъ“ произнесли горячія рѣчи о необходимости Иркутскаго университета, съ которымъ „оживятся наши школы“; „около университета сосредоточится наша мысль, отъ него получитъ твердость и живучесть все, что теперь шатко и разрозненно“; университетъ будетъ двигателемъ „общественной жизни“. „Громкія и единодушныя восклицанія“ сопровождали рѣчи ораторовъ. „Не было конца пожеланіямъ. Видно было, что мысль объ университетѣ была общею мыслью всѣхъ“.

Были и пожертвованія на университетъ. Такъ, крестьянинъ Яковлевъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Анкудинова, завѣщалъ на университетъ 30 тысячъ рублей.

Л.

А. Пруссакъ.

Замѣтка о Тункинскомъ острогѣ.

Въ Иркутскѣ въ музеѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества хранится довольно значительное количество еще неопубликованныхъ документовъ, касающихся исторіи Тункинскаго острога за XVII в. Документы эти входятъ въ составъ столбцовъ 1683 г. (воевода Власовъ), 1684—5 г. (письменный голова Кисменскій), 1699—1700 г (воевода Никалевъ). Въ основу настоящей замѣтки я положила по преимуществу данный матеріалъ.

Тункинскій острогъ основанъ, по всей вѣроятности, не позже 1674 г. [1]) Грамоты называютъ его «украинным» (ст. 1684—5 г.), указываютъ, что отъ Иркутска до него «3 дни ходу.»[2]) Чертежная книга Сибири, составленная въ 1701 г. сыномъ боярскимъ С. Ремезовымъ, отмѣчаетъ, что по близости отъ него «ясакъ берутъ съ тунгусовъ.» [3]) Тункинскій острогъ населяли бѣломѣстные казаки, пашенные крестьяне, пахавшіе и государеву десятинную пашню, равно какъ и сосланные «въ пашню», главнымъ образомъ за «бунтовскія рѣчи» (столб. 1684—5 г.). Но народу для несенія тяжелой «украинской службы» было слишкомъ недостаточно. Мѣстные прикащики постоянно жаловались Иркутскимъ воеводамъ, что «въ Тункинскомъ великое малолюдство» (ст. 1683 г.), просили прислать «не замотчавъ» казаковъ (ст. 1683 г.), дать толмачей, необходимыхъ при постоянныхъ сношеніяхъ съ инородцами (ст. 1683 г.) и даже просто грамотныхъ людей, указывая, что не могутъ расписаться въ полученіи воеводскаго указа.—«руки приложить некому, грамотнаго въ Тункинскомъ нѣтъ никого» (ст. 1683 г.). Грамоты сохранили намъ имена нѣкоторыхъ Тункинскихъ прикащиковъ. До 1683 г. прикащикомъ былъ Онисимко Михалевъ, затѣмъ смѣненный и судившійся за «великія неправды»: бурятъ и тунгусовъ «безъ вины сажалъ въ желѣза и колоды и билъ батоги нещадно», отнималъ отъ нихъ скотъ и собо-

1) См. И. И. Серебренниковъ. Первоначальное заселеніе Иркутской губерніи, стр. 197; Извѣстія В.-С. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1915 г., т. XLIV.

2) Дополн. къ актамъ историческимъ, т. X, 1687 г., № 77—III, стр. 325

3) Листъ 20.

лей, насильно крестилъ и обращалъ въ холоповъ; «тѣми своими неправдами... угналъ ясашныхъ брацкихъ людей отъ Тункинскаго въ Мунгальскую землю» (ст. 1683 г.). Слѣдующіе прикащики Ярко Могилевъ и Матвѣй Чичеринъ, хотя и прогнѣвляли воеводъ «своимъ самодурствомъ» (ст. 1683 г.), «но великихъ винъ» не совершали и болѣе или менѣе удачно вели дипломатическіе переговоры съ «Мунгальскими» тайшами, бурятами, тунгусами и сайотами и защищали острогъ отъ вражескихъ нападеній. Столкновенія съ сосѣдями инородцами были почти непрерывными. Они то угоняли казачій скотъ (ст. 1683 г.), «то измѣня великимъ государямъ», по уговору тайшей, уходили «за камень въ Мунгальскую землю» (ст. 1683 г.), а то «Мунгальскіе люди», «придя погромомъ» подъ Тунку, полонили и уводили съ собой бурятъ (ст. 1683 г.), или начинали собирать ясакъ съ уже объясаченныхъ русскими (ст. 1683 г.). Бывало, что подобные случаи удавалось улаживать мирнымъ образомъ, путемъ переговоровъ достигать благопріятныхъ результатовъ (ст. 1699—1700 г.), но нерѣдко русскихъ посланцевъ грабили, «всякими муками мучали» и дѣло заканчивалось горячими схватками, причемъ на сторонѣ казаковъ было важное преимущество: у нихъ былъ «бой огненный», а у инородцевъ «лучной» (ст. 1683 г.). Особенно крупныя столкновенія были въ 1683 и 1685 г.г. Въ 1683 г. на Тунку шли «Мунгальскіе люди» вмѣстѣ съ сайотами; «боялись погрому брацкихъ людей,» кочевавшихъ около Тунки, Ярко Могилевъ заблаговременно велѣлъ имъ откочевать «отъ Тункинскаго въ что порожную землю на Китой, Бѣлую и Иркутъ» (ст. 1683 г.). Въ 1685 г. пришли подъ Тунку «Мунгальскихъ людей тайши Цицень боенъ да Шиптатуръ батуръ съ воинскими людьми съ десять тысячъ человѣкъ... И Тункинской осадили, и къ острогу приступали по три дни жестокимъ приступомъ; а въ осадѣ въ Тункинскомъ служилыхъ людей сидѣло 34 человѣка и Тункинской острогъ отъ Мунгальскихъ людей отсидѣли. Великіе государи тѣхъ служилыхъ людей пожаловали... велѣли имъ дать нашего, великихъ государей, жалованья по кумачю человѣку..., и сказать имъ наше государское милостивое слово, чтобы они и впредь великимъ государямъ со всякимъ усердіемъ служили и работали».)

---

4) Серебренниковъ, op. cit., стр., 212.

В. Н. Соколовъ.

Экономическія перспективы Забайкалья.

(Докладъ, читанный въ Общемъ Собраніи Читинскаго подъотдѣла О-ва изученія Сибири).

О переживаемомъ времени говорилось и говорится много. Останавливаться на характеристикѣ его въ данномъ случаѣ едва ли есть основанія и особая надобность. Къ взглядамъ, уже высказаннымъ по этому поводу, къ картинѣ, выявленной дѣйствительностью въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, трудно уже добавить что—либо новое, трудно сказать что либо такое, что уже не было бы высказано. Но пережитое учитъ. Переживаемое обязываетъ . Самое важное то, что текущая дѣйствительность привлекаетъ и приковываетъ вниманіе. И прикоснувшись къ ней, вниманіе не можетъ остановиться только на констатированіи и созерцаніи: оно идетъ дальше, будитъ сознаніе и творчество, извлекаетъ изъ хаоса настоящаго здоровые ростки будущаго и, комбинируя ихъ, намѣчаетъ ближайшія перспективы.

Ближайшее будущее, несетъ съ собою огромныя задачи посильныя, можетъ быть, цѣлымъ поколѣніямъ только, разрѣшимыя лишь на протяженіи ряда десятилѣтій. Но—задачи неустранимыя. Ихъ нельзя отложить или обойти, и нельзя также оставить на половинѣ рѣшенія. Сложность экономической жизни государства и исключительное напряженіе силъ, имъ въ данный періодъ испытываемое, настоятельно требуетъ выясненія и рѣшенія выдвигаемыхъ задачъ до конца. Ибо только въ этомъ гарантія нашего быстраго возрожденія и экономическаго подъема, только здѣсь источникъ неуклоннаго здороваго роста производительныхъ силъ всей страны.

Экономическая жизнь государства силою вещей, самимъ ходомъ событій ставится во главу угла. Она пріобрѣтаетъ значеніе того краеугольнаго камня, къ которому придвинулись всѣ концы нашего вчерашняго дня и отъ котораго должны будутъ намѣтиться всѣ начала дня завтрашняго. Поэтому политика, направляющая экономическую жизнь, такъ называемая экономическая политика, должна статъ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ будетъ воздвигаться новое зданіе нашей родины. И прежде всего, и главнѣе всего—экономиче-

ская политика *внутренняя*, какъ факторъ быстрѣйшаго развитія собственныхъ производительныхъ силъ и какъ пособникъ и регуляторъ новыхъ творческихъ комбинацій, намѣтающій новые, еще ненамѣченные пути.

Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что существовавшій до войны циклъ и темпъ производственнаго развитія далеко не въ состояніи будетъ создать потребное для государства количество цѣнностей. Понадобится необычно широкій размахъ производства этихъ цѣнностей; должны будутъ выявиться новые методы и пути ихъ изысканія и реализаціи, совершенно новый народно-хозяйственный планъ, который далъ бы возможность созданія имѣющимися силами и средствами значительно большаго количества цѣнностей. Это — ультимативное требованіе переживаемаго времени, требованіе, отъ выполненія котораго въ его полномъ объемѣ нельзя отступить.

Наша родина слишкомъ богата и слишкомъ разнообразна чтобы нуждаться въ чемъ-либо. И ея собственныя богатства не настолько использованы, чтобы испытывать надобность въ отысканіи ихъ. Каждый районъ и каждая мѣстность во всякій данный моментъ сможетъ оказаться источникомъ огромнаго запаса цѣнностей, нуждающагося лишь въ рычагѣ и двигателѣ для его извлеченія и использованія. Необходимо лишь приложеніе дѣйственной энергіи къ этимъ богатствамъ, чтобы они стали источникомъ созданія цѣнностей. И это одинаково приложимо къ каждой изъ мѣстностей нашего государства вообще и къ Забайкальской области въ частности.

Забайкалье въ экономическомъ отношеніи — сравнительно очень молодой край. Сплошь изборожденный Яблоновымъ хребтомъ и его отрогами, онъ долгое время являлся лишь мѣстомъ временнаго пребыванія кочующихъ выходцевъ съ юга (изъ Монголіи), — бурятъ и тунгусовъ; быстрыя горныя рѣки и не столь обширныя по нимъ пастбища, лишь мѣстами (на востокѣ) переходящія въ степи, не могли служить территоріей прочнаго обоснованія большихъ скотоводческихъ племенъ; и сюда выходили изъ Халхи и Урянхайскаго края лишь отдѣльные ихъ роды, укрываясь отъ междоусобицъ; а съ окончаніемъ этихъ междоусобицъ вновь перекочевывали въ Монголію. Было, хотя и слабое, движеніе сюда и съ сѣвера, но уже не скотоводовъ, а звѣролововъ въ таежныя мѣстности Витима, Шилки, сравнительно мало извѣстныя и доступныя и теперь. И вслѣдъ за этими звѣроловами, для обложенія ихъ данью и привлеченія подъ власть Москов-

ского государства, поднимались съ Лены по притокамъ ея небольшіе отряды Якутскаго и Енисейскаго воеводствъ.

Шли больше за звѣремъ и ясакомъ. И только потомъ, случайно натолкнулись на возможность добычи здѣсь золота.

Но не далѣе какъ два вѣка назадъ, перспективы того или иного *хозяйственнаго* развитія края даже не намѣчались. Вопросъ о немъ ставился государственной властью лишь въ плоскости стратегической и только съ этой точки зрѣнія— охраны только что установленной границы съ Китаемъ —положено было начало заселенія пограничной съ Монголіей полосы. Заселеніе начато было опять-таки привлеченіемъ выходящихъ изъ Монголіи бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ-звѣролововъ и скотоводовъ; имъ гарантировались въ этомъ случаѣ извѣстныя *льготы*, вплоть до охраны этихъ льготъ, какъ и самыхъ колонистовъ, отъ ушкуйническихъ пріемовъ уже начавшаго сюда проникать отечественнаго торговаго капитала.

Это заселеніе не могло быть, разумѣется, настолько надежнымъ и прочнымъ, чтобы предохранить едва установленныя границы отъ тѣхъ или иныхъ, даже совершенно непроизвольныхъ, нарушеній: ибо скотоводческое хозяйство никогда не можетъ гарантировать устойчивости территоріальныхъ границъ. И потому, одновременно съ его привлеченіемъ на территорію Забайкалья, принимаются мѣры къ разселенію на самой границѣ казачества и къ насажденію земледѣлія внутри края.

Согласно доклада военной комиссіи 26 ноября 1763 года (послѣ перваго раздѣла Польши), императрицей Екатериной II повелѣно было «о сформированіи въ Сибири для закрѣпленія сего края» пяти пѣхотныхъ и 2 конныхъ полковъ «изъ выводныхъ изъ Польши бѣглыхъ россійскихъ подданныхъ», и о поселеніи тѣхъ изъ нихъ, «кои въ военную службу негодны», въ Нерчинскомъ и Селенгинскомъ уѣздахъ «для распространенія хлѣбопашества»; и «отводить имъ мѣста подъ поселеніе—гласитъ указъ—позади, а не впереди полковыхъ квартиръ и давать каждому на заводъ 6 мѣръ ржи» и т. д. и т. д. Бѣглыми россійскими подданными въ Польшѣ оказались тогда главнымъ образомъ старообрядцы, которые и выселены были массами сюда. Съ этого же момента они получили здѣсь и свое специфическое названіе «семейскихъ», вѣроятно, въ отличье отъ другихъ выселяемыхъ сюда изгнанниковъ, приходившихъ не семьями, а въ одиночку. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ они это названіе сами.

Такъ положено было начало укрѣпленію осѣдлости въ краѣ и насажденію хлѣбопашества. И отсюда повело свою новую исторію такъ называемое старожильческое крестьянское населеніе Забайкалья: съ этого указа императрицы Екатерины II. Но откуда, когда и въ какомъ количествѣ оно въ порядкѣ даннаго указа приходило, и какъ осѣдало и ассимилировалось съ окружающимъ—установить теперь невозможно, даже и приблизительно. Какъ складывалось хозяйство колонизуемой окраины, какую переживало оно эволюцію, и въ какой степени воздѣйствовала одна форма его на другія—можно уже только догадываться.

И лишь черезъ 130 лѣтъ послѣ этого указа впервые и съ достаточной точностью и полнотой зафиксированъ былъ экономическій и хозяйственный обликъ Забайкалья: экспедиціей статсъ-секретаря Куломзина въ 1897 году произведено было сплошное статистическое обслѣдованіе края; а черезъ годъ-два послѣ него открыто было правильное движеніе по Забайкальской желѣзной дорогѣ, давшее выходъ этому краю на европейскій рынокъ.

Только съ этого момента, съ момента общей хозяйственной переписи, становится возможнымъ точное заключеніе о тенденціяхъ и перспективахъ мѣстнаго хозяйства; и только съ вовлеченіемъ этого хозяйства, съ открытіемъ жел.-дор. пути, въ сферу общегосударственнаго товарнаго обращенія, хозяйственныя тенденціи намѣчаются рѣзче, опредѣленнѣе; и яснѣе выявляются перспективы.

Вся исторія Забайкалья и всѣ мѣры, направлявшіяся въ сторону колонизаціи его, базируютъ на трехъ положеніяхъ: 1) закрѣпленіе и созданіе прочности границы, необходимыя въ отношеніи стратегическомъ; 2) колонизація россійскаго элемента, въ основѣ своей заключающая ту же стратегическую цѣль; и 3) развитіе золотого промысла, какъ источника накопленія квалифицированнаго государственнаго богатства. И всѣ эти положенія, выдвинутыя на очередь почти въ самомъ началѣ присоединенія края, остаются до извѣстной степени въ силѣ и по сіе время. До извѣстной степени потому, что и первое и второе изъ нихъ, не утрачивая своего значенія по существу, отпадаютъ, какъ уже выполненныя. Забайкальская область, какъ единица стратегическая, къ переживаемому времени уже сложилась, и особыхъ заботъ въ этомъ отношеніи не требуетъ.

Хозяйственная же конъюнктура края въ основныхъ своихъ чертахъ такова.

Къ 1897 году наличное сельское населеніе исчислялось

въ круглой цифрѣ 591.000 душъ обоего пола. Изъ нихъ:

крестьянъ старожиловъ и новоселовъ	31. 5%
казаковъ всѣхъ категорій	30. 9%
инородцевъ кочевыхъ и осѣдлыхъ	29. 1%
прочихъ состояній и посторонннихъ	8. 5%
	100. 0%

По даннымъ 1915 года, сельское населеніе края за 18-лѣтній періодъ увеличилось на 31.6%, т. е. средній годовой приростъ его выражается въ 1.70 на сто, что, въ связи съ проведеніемъ жел. дороги, болѣе интенсивнымъ развитіемъ хозяйственной жизни и колонизаціей—не должно почитаться высокимъ. Но несомнѣнно, что этотъ приростъ, какъ одинъ изъ основныхъ факторовъ хозяйственнаго развитія, не могъ не отразиться и на послѣднемъ. Въ настоящее время распредѣленіе населенія по вышеприведеннымъ основнымъ категоріямъ оказывается значительно инымъ, чѣмъ 18 лѣтъ назадъ:

крестьянъ старожиловъ	42. 1%
казаковъ всѣхъ категорій	31. 9%
инородцевъ кочевыхъ и осѣдлыхъ	26. 0%
	100. 0%

Т. е. удѣльный вѣсъ крестьянства значительно увеличился, и увеличился исключительно за счетъ удѣльнаго вѣса инородцевъ. Такая перетасовка не могла, разумѣется, не сказаться и на хозяйственной конъюнктурѣ области. Уже это одно обстоятельство указываетъ на радикальное измѣненіе той картины, которая наблюдалась въ этомъ отношеніи въ началѣ заселенія края: тогда основную категорію обитателей его составляли инородцы; затѣмъ привлекалось или пополнялось инородцами же казачество; и уже затѣмъ насаждалось сословіе крестьянъ—земледѣльцевъ. Происшедшія затѣмъ перетасовки значенія каждой изъ этихъ группъ не могли, конечно, не вызвать настолько же рѣзкаго измѣненія и въ хозяйственной обстановкѣ области. Скотоводство, бывшее сначала чуть ли не единственнымъ хозяйственнымъ занятіемъ, далеко осталось теперь позади.

По даннымъ той же экспедиціи (ст.-секр. Куломзина), мягкой пашни въ области въ 1897 году было уже ровно полмилліона десятинъ; и на душу населенія обоего пола приходилось:

у крестьянъ старожиловъ и новоселовъ	1. 29 дес.
у казаковъ всѣхъ категорій	1. 02 дес.
у инородцевъ кочевыхъ и осѣдлыхъ	0. 38 дес.
Около	0. 90 дес.

Изъ звѣропромышленнаго и скотоводческаго край постепенно и неуклонно, и даже быстро сравнительно, становился земледѣльческимъ.

Мѣсто пастбищъ и тайги занимали площади культурныхъ угодій. И единица земли, раньше дававшая самый минимальный доходъ, теперь увеличила его во много разъ.

Но хозяйственное развитіе всегда и вездѣ заключено въ извѣстныя рамки. Есть извѣстные предѣлы этого развитія, за которыми дальнѣйшее поступательное движеніе начинаетъ уже испытывать затрудненія. Есть законы, управляющіе экономической жизнью, въ силу которыхъ дальнѣйшія затраты труда на опредѣленную единицу площади становятся менѣе производительными. Къ этимъ предѣламъ и подъ дѣйствіе этихъ законовъ, повидимому, приблизилось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хозяйство Забайкалья: оно уменьшается въ своемъ размахѣ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ деталяхъ. Повидимому и здѣсь, въ силу общей хозяйственной революціи, создается положеніе, требующее широкаго и радикальнаго воздѣйствія на общую хозяйственно-экономическую конъюнктуру въ смыслѣ созданія благопріятныхъ условій для небольшой производительности труда.

Въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ волостей, *) обслѣдованныхъ повторно въ періодъ 1912—14 г.г., по сравненію съ такимъ же обслѣдованіемъ 1897 г., населеніе увеличилось на 34. 9%. И вмѣсто 1. 19 дес. распашки на наличную душу обоего пола, черезъ 15 лѣтъ приходится уже 1.01 дес., т. е. произошло сокращеніе на 15%. Изъ 14. 7 головъ скота на хозяйство получилось 12. 4 гол., т. е. сокращеніе опять такп на 15 съ долями процентовъ.

Очевидно запасъ перепаханной площади у крестьянъ, которая имъ доступна и которая пригодна еще подъ распашку, уже изсякаетъ. Приходится отклоняться отъ своего надѣльнаго поля въ сторону захвата изъ незанятаго фонда, или аренды на сторонѣ, у инородцевъ. Въ то время какъ вся площадь надѣльной ихъ пашни увеличилась только на 11%, захватная площадь выросла на 26. 3%. Площадь же распашекъ на инородческихъ земляхъ въ то же самое время увеличилось почти на $^3/_4$ (72%); и послѣднее произошло, разумѣется, не безъ солиднаго участія земледѣльцевъ-крестьянъ. Но возможность аренды даже до полной, имѣвшейся у хозяйства раньше, пахотной нормы отнюдь не свидѣтельствуетъ

*) Волости эти расположены въ самомъ земледѣльческомъ районѣ по р.р. Чикою, Хилку, Удѣ и только одна по Баргузину—съ общимъ числомъ наличныхъ хозяйствъ 7781.

о прежней же устойчивости самаго хозяйства. Экономическая сила его уже должна почитаться надломленной, и фактъ меньшаго оборудованія его живымъ рабочимъ инвентаремъ остается прямымъ тому доказательствомъ: вмѣсто 4.0 лошадей на хозяйство теперъ уже приходится 3. 3 лошади, хотя самое-то хозяйство, или точнѣе размѣръ семьи, а слѣдовательно и рабочій составъ, не уменьшился, а увеличился съ 6.2 до 6.7 душъ обоего пола. И уже въ 70-хъ, а частью даже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія начались въ крестьянскихъ старожильческихъ селеніяхъ общинные передѣлы земли, какъ первый и основной признакъ наступающаго земельнаго утѣсненія. Стремленіе къ уравнительности землепользованія между отдѣльными группами и членами общины, несомнѣнно, имѣетъ всегда въ качествѣ первичной предпосылки именно ограниченность запаса земельнаго фонда; и отсюда уже, изъ ясно предусматривающаго сознанія непреложности этого факта, родится общинная апелляція къ «справедливости». Но очень скоро послѣ зарожденія передѣловъ принципы ихъ уже включаютъ въ себя опредѣленныя ограничительныя формулы; а складывающаяся практика начинаетъ обнаруживать и самую картину земельной нужды. Регулируется пользованіе уже не только цѣнными угодьями, но и тѣми, которыя еще не получили никакой цѣнности и еще нуждаются въ большой предварительной затратѣ труда. Ограничивается право расчистокъ изъ-подъ лѣса и время индивидуальнаго пользованія этими расчистками. Ограничивается, а затѣмъ сводится до минимума и, наконецъ, совсѣмъ отпадаетъ, за исчерпанностью фонда, установленіе душевого размѣра вновь путьтивируемыхъ угодій. И въ то же время отъ передѣла къ передѣлу весьма замѣтно и послѣдовательно растетъ процентъ «отсутствующихъ» хозяйствъ, т. е. такихъ, которыя самимъ процессомъ внутри общинной кристализаціи, въ границахъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ, выталкиваются на сторону, на поиски новыхъ возможностей для приложенія своего труда.

Процентъ отсутствующихъ въ 1897 году равнялся 14%.
„ „ въ настоящее время „ 28%.

Параллельно росту отсутствующихъ хозяйствъ, растетъ и процентъ съ отхожими и внѣ-земледѣльческими промыслами. Это—также показатель надлома хлѣбопахотнаго хозяйства, а одновременно также и факторъ его упадка въ дальнѣйшемъ.

Такимъ образомъ, постепенно, но неуклонно совершается эволюція крестьянскаго хлѣбопахотнаго хозяйства въ сторону т. наз. относительнаго перенаселенія. И повидимому,

въ настоящее время въ области оно уже подошло къ этому моменту вплотную.

Трудовыя усилія, прилагаемыя къ имѣющемуся въ его распоряженіи земельному фонду, вызываютъ уже эффектъ замѣтно ограниченный въ сравненіи съ тѣмъ, который получался нѣсколько ранѣе. Экстенсивное хозяйство, повидимому, закончило свой циклъ, исчерпало всѣ имѣвшіяся возможности и подошло къ грани, за которой должна начаться интенсификація.

И это вполнѣ естественно по отношенію къ Забайкалью. Рельефъ мѣстности этого края, даже независимо отъ прироста населенія, самъ ставитъ непреоборимыя границы распространенію хлѣбопахотнаго хозяйства на территоріи. Узкія долины рѣкъ уже использованы, и гдѣ только возможно распаханы. Использованы и распахны и склоны ближайшихъ горъ. Используются и распахиваются уже и такіе подъемы и сопки, на которыя съ трудомъ взбирается лошадь, нагруженная лишь однимъ плугомъ или бороною. Но распашка горныхъ склоновъ или вершинъ изъ-подъ лѣса имѣетъ одновременно и другія огромныя неудобства. Обиліе лѣтнихъ дождей, стремительность ниспаденія ихъ по склонамъ въ долины приводитъ къ смыванію почвеннаго пласта. Черезъ 2—3 года послѣ распашки изъ-подъ лѣса, уже обнажаются корни оставшихся пней и обнаруживается подпочва. Есть мѣстности, гдѣ, вслѣдствіе этого, площадь пашни сократилась даже абсолютно въ предѣлахъ отъ 1 до 17%. Есть и другія мѣстности, гдѣ, если еще и не наблюдается подобнаго факта, то наблюдается вмѣсто него стремленіе на новыя мѣста и въ частности на переселенческіе участки. Это тоже одинъ изъ немаловажныхъ признаковъ относительнаго переселенія, такъ какъ переселенческіе участки не являются - ни по качеству, ни по размѣру — стоящими выше старожильческихъ, а наоборотъ. Слѣдовательно, предпочтеніе ихъ старожилами своимъ насиженнымъ разработаннымъ землямъ свидѣтельствуетъ въ извѣстной мѣрѣ о безвыходности ихъ положенія.

Однимъ словомъ, состояніе крестьянскаго хлѣбопахотнаго хозяйства въ краѣ, повидимому, таково, что сохраненіе его дальнѣйшей устойчивости возможно лишь при условіи широкихъ предупредительныхъ мѣръ: или въ сторону отведенія незанятыхъ площадей подъ заселеніе старожилами или же (и даже при условіи одновременности проведенія этихъ мѣръ) въ сторону интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, путемъ поднятія производительности пахотной площади.

Указанный выше рельефъ мѣстности края уже самъ по себѣ подсказалъ крестьянскому хозяйству, какъ одну изъ интенсифицирующихъ мѣръ, искусственное орошеніе—сначала покосовъ, а въ настоящее время уже и пашни. Въ 1914 году поливные покосы достигли уже въ области на кругъ 54.000 дес., или 7.5% всѣхъ покосовъ; на долю крестьянъ старожиловъ изъ этого количества приходилось 41%. Засѣянной же поливной пашни въ томъ же году по области было на кругъ 18.000 десятинъ, или 4. 4% посѣвной площади; и на долю крестьянъ изъ нея приходилось 40%. При этомъ обиліе горныхъ рѣчекъ и лѣтнихъ атмосферныхъ осадковъ дастъ возможность населенію обходиться безъ сложныхъ техническихъ приспособленій и регулировать орошеніе лишь системою простыхъ канавъ. Но широкое развитіе этихъ мѣръ для крестьянскаго хозяйства является, разумѣется, непосильнымъ; и не только въ смыслѣ затраты средствъ, но и въ смыслѣ недостатка соотвѣтствующихъ знаній для согласованія данныхъ работъ съ потребностями цѣлыхъ мѣстностей и районовъ.

Выше уже упоминалось, что крестьянское хлѣбопахотное хозяйство находитъ также выходъ и въ сторону аренды пашни изъ фонда земель, принадлежащихъ инородцамъ. Этотъ фактъ несомнѣненъ. Но не возбуждаетъ также сомнѣнія и другой одновременно наблюдаемый фактъ—переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію и самихъ инородцевъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется также рядъ инородческихъ мѣстностей *), повторно обслѣдованныхъ, съ развивающимся хлѣбопахотнымъ хозяйствомъ. И сопоставленіе послѣднихъ данныхъ съ данными экспедиціи ст.-секр. Куломзина обнаруживаетъ и въ инородческомъ хозяйствѣ рядъ тревожныхъ явленій.

Населеніе въ этихъ мѣстностяхъ увеличилось на 24. 8%; усилился нѣсколько и составъ хозяйствъ съ 5.0 до 5. 2 душъ обоего пола на каждое. Площадь пашни въ общей сложности увеличилась на 72.4%; и, вмѣсто 0.46 десятины на наличную душу обоего пола, въ настоящее время распахивается уже 0.64 десятины. Правда, значительная доля изъ этой распашки должна быть отнесена на счетъ аренды ея крестьянами старожилами, но все-таки очевидно, что и сами осѣдлые инородцы также расширяютъ и собственную запашку. По крайней мѣрѣ, извѣстный запасный фондъ для распашки на территоріи ихъ владѣній не представляется пока исчерпаннымъ. Но, одновременно съ этимъ, наблюдается также и уменьшеніе числа кормежныхъ единицъ скота, при-

*) Всего 14 волостей съ общимъ числомъ наличныхъ хозяйствъ 19. 272.

ходящагося на хозяйство съ 24.0 до 19.2, т. е. на 20%; причемъ уменьшеніе это сказывается главнымъ образомъ на рабочемъ скотѣ—лошадяхъ, количество которыхъ, приходящееся на хозяйство, сократилось на 26%. Сократилась оборудованность осѣдлаго инородческаго хозяйства и рогатымъ скотомъ и, въ особенности, мелкимъ рунным скотомъ. Конечно, въ условіяхъ переходной стадіи отъ скотоводства къ земледѣлію указанная убыль скота въ наличномъ хозяйствѣ можетъ и не представлять собою чего-либо угрожающаго. Каждой культурно-хозяйственной ступени свойственна своя собственная мѣра соотношенія частей производственнаго капитала; и сокращеніе экстенсивной формы хозяйства можетъ быть съ избыткомъ возмѣщено даже соотвѣтственно меньшимъ расширеніемъ формъ хозяйствованія интенсивныхъ. Такъ что абсолютное-то количество получаемаго осѣдлымъ инородческимъ хозяйствомъ дохода и его собственное благосостояніе, можетъ быть, даже и не уменьшилось.

Но на ряду съ этими соображеніями сейчасъ же напрашиваются и другія - о состояніи кормовой площади, т. е. того самаго земельнаго фонда, который для инородческихъ мѣстностей, при землеустройствѣ ихъ, представляется основнымъ моментомъ. И вотъ, обращаясь къ этой сторонѣ вопроса, мы наблюдаемъ, что общее количество накашиваемаго въ данныхъ мѣстностяхъ сѣна сократилось, причемъ сократилось исключительно съ *надѣльныхъ* покосовъ; здѣсь это сокращеніе выражается на 12%. И одновременно увеличилось на 63% количество сѣна, накашиваемаго на покосахъ *арендныхъ*, т. е. въ сторонѣ отъ надѣла, на чужихъ земляхъ. Характерно, между прочимъ, что запасъ получаемаго такимъ образомъ корма на кормежную единицу скота остался совершенно безъ измѣненія, какъ 15 лѣтъ назадъ, такъ и теперь,—55 пудовъ. Но эта норма, какъ уже указано, не добирается съ надѣльной площади и пополняется съ площади захватной и арендованной. Слѣдовательно, уменьшеніе живого сельско-хозяйственнаго капитала является, повидимому, результатомъ не столько перехода къ болѣе интенсивной формѣ хозяйствованія, сколько сокращенія кормовой площади.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь, въ мѣстностяхъ инородческаго населенія, переходящаго къ земледѣлію, наблюдаются, повидимому, признаки приближенія къ тому же моменту относительнаго перенаселенія. И это несмотря на то, что существующая норма надѣленія инородческаго хозяйства значительно превышаетъ норму надѣленія хозяйства крестьянскаго. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ и на территоріи кресть-

янъ-старожиловъ, назрѣваетъ необходимость принятія тѣхъ или иныхъ предупредительныхъ мѣръ въ сторону наиболѣе безболѣзненнаго рѣшенія вопроса о скорѣйшей интенсификаціи формъ хозяйствованія и о подъемѣ производительности хозяйства.

Не оказывается развивающимся и чисто скотоводческое хозяйство кочевыхъ инородцевъ. Въ этомъ отношеніи весьма показательною является Агинская степь, занятая т. наз. по прежней терминологіи Агинской Степной Думой, нынѣ же тремя волостями: Агинской, Цугольской и Хори-Бурятской. Это мѣстность исключительно скотоводческая, и притомъ наиболѣе скотоводческая по всей области. На 35 тысячъ душъ обоего пола тамъ было отмѣчено въ 1897 году 358 дес. пашни, т. е. по 0.01 дес. на наличную душу. Въ настоящее время ея оказывается уже только 212 десятинъ. Значитъ, попытки перехода населенія къ земледѣлію, повидимому, были только попытками и теперь сходятъ на нѣтъ. И это обстоятельство находитъ свое объясненіе въ томъ, что структура почвеннаго слоя въ Агинской степи для земледѣлія совершенно непригодна: вспаханная поверхность получается рыхлою и несвязною настолько, что выдувается гуляющими по степи вѣтрами. Слѣдовательно, въ силу уже однихъ этихъ естественныхъ условій земледѣліе здѣсь не можетъ развиться, и населенію остается пока одинъ выходъ—скотоводство.

Но и скотоводство, какъ будто, также начинаетъ здѣсь падать. Вмѣсто 34.1 кормежныхъ единицъ на наличное хозяйство въ 1897 году, черезъ 15 лѣтъ оказывается уже 30.0 единицъ. Количество рогатаго скота сократилось за этотъ періодъ даже абсолютно. И такой результатъ сравненія получается несмотря даже на то, что данныя экспедиціи ст.-секр. Кудомзина въ этомъ именно пунктѣ, по общему признанію, значительно преуменьшены; сопоставляемыя же съ ними данныя Агинской экспедиціи, обслѣдованіе которой производилось по иниціативѣ самого населенія, должны быть ближе къ дѣйствительности. И если при этомъ условіи обезпеченность скотоводческаго хозяйства оказывается все-таки сократившеюся на 12%, то ея дѣйствительное сокращеніе должно быть еще болѣе значительнымъ. А между тѣмъ еще не такъ давно Забайкальская область по количеству скота на хозяйство была первою изъ всѣхъ мѣстностей Россійской имперіи, не исключая даже и киргизскаго скотоводческаго района. Но если этого первенства она не утратила еще и

теперь. то, во всякомъ случаѣ, фактъ послѣдовательной и быстрой убыли скота внѣ сомнѣнія.

На 100 душъ сельскаго населенія приходилось головъ скота:

Годы	У крестьянъ:	У казаковъ:	У инородцевъ:	СРЕДНЕЕ:
1897	299. 9	565. 1	1035. 8	575. 4
1903	228. 7	430. 6	816. 8	467. 7
1909	226. 0	409. 0	700. 0	423. 0
1915	175. 7	377. 0	782. 7	399. 4

Такимъ образомъ, во всѣхъ основныхъ отрасляхъ мѣстнаго хозяйства наблюдается опредѣленный сдвигъ въ сторону ослабленія производительныхъ силъ И положеніе тѣмъ серьезнѣе, что переживаемое время отнюдь не несетъ въ себѣ обѣщанія естественнаго поворота къ улучшенію. Наоборотъ—ухудшеніе рисуется, какъ результатъ наиболѣе естественный и вѣроятный. Необходимы. слѣдовательно, серьезныя и широкія мѣры къ насажденію болѣе интенсивныхъ формъ хозяйствованія, дабы общая сумма получаемаго какъ населеніемъ, такъ и государствомъ дохода не преуменьшалась, а преувеличивалась. Необходимо вызвать къ жизни новыя экономическія возможности, которыя въ естественномъ своемъ развитіи заключали бы данныя и для одновременнаго развитія уже существующихъ.

И такой путь для Забайкалья не только возможенъ, но и намѣчается самъ собою.

Область изобилуетъ цѣнными ископаемыми. На это многократно указывалось и указывается мѣстной и сибирской печатью. Установлена наличность здѣсь богатыхъ залежей мѣди, свинца, серебра, вольфрамита, каменнаго угля. Констатируется даже присутствіе значительнаго запаса радія. Но извлеченіе этихъ богатствъ изъ нѣдръ является совершенно случайнымъ и безсистемнымъ, запасы ихъ—неопредѣленными даже приблизительно. Отброшенный на далекое разстояніе отъ культурныхъ и промышленныхъ центровъ край хранитъ въ себѣ, можетъ быть, неисчислимыя сокровища, не зная какъ къ нимъ приступить и не имѣя для этого нужныхъ силъ и средствъ. Некому ихъ здѣсь изслѣдовать, некому указать пути и способы использованія. Мѣстный капиталъ слишкомъ слабъ, чтобы проявить инициативу и широкій размахъ. И только капиталъ иностранный отъ времени до времени совершаетъ сюда экскурсіи, и, по всей вѣроятности, останавливается въ своихъ изысканіяхъ лишь передъ недостаткомъ въ краѣ рабочихъ рукъ и оборудованныхъ путей сообщенія.

Только золото, разсыпанное по всей территоріи края, привлекло до сихъ поръ замѣтное вниманіе и силы какъ со стороны частной предпріимчивости, такъ и со стороны государства.

Но и здѣсь, собственно, область далеко не даетъ того, что могла бы дать. Обиліе золота какъ разсыпного, такъ и руднаго констатируется всѣми, прикосновенными къ этому дѣлу; но условія его добыванія и реализаціи таковы, что даже изъ того количества его, которое въ дѣйствительности здѣсь добывается, въ государственное казначейство поступаетъ отнюдь не болѣе трети.

Способы заявокъ и разработки золотоносныхъ площадей, принципы обложенія выработки, недостатокъ рабочихъ рукъ и отсутствіе путей сообщенія приводятъ къ тому, что большая часть добываемаго здѣсь благороднаго металла уплываетъ заграницу, и государственное казначейство получаетъ лишь тотъ минимумъ, который уже невозможно ему не представить.

Въ общихъ и краткихъ чертахъ состояніе мѣстной золотопромышленности таково.

Огромное большинство золотоносныхъ площадей находится въ вѣдѣніи Кабинета и только малая часть предоставлена подъ изысканія и разработку частной золотопромышленности. Съ самаго начала разработки ихъ Кабинетомъ, добыча золота поставлена была на принципѣ принудительнаго труда ссыльно-каторжныхъ. И понятно, что выработка пластовъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи не могла быть достаточно продуктивной, а весьма часто была даже и убыточной. И не въ силу т. наз. отрицательныхъ моральныхъ качествъ принудительнаго труда, что несомнѣнно также имѣло мѣсто, а въ силу свойственной такой постановкѣ дѣла всей системѣ выработки. Сложность и запутанность отношеній между трудомъ, наблюденіемъ за нимъ и организаціей дѣла неизмѣнно приводили къ тому, что львиная доля добычи проходила мимо учета шнуровыхъ книгъ, шахты получали иное, чѣмъ золотоносный пластъ направленіе, богатѣйшее содержаніе, путемъ особыхъ, выработанныхъ хищничествомъ, пріемовъ, показывалось какъ явно убыточное. Все это заставляло управленія пріисками направлять свою энергію не столько на упорядоченіе организаціи самыхъ работъ, сколько на отысканіе средствъ противодѣйствія хищничеству и уловленія уплывающей выработки и исчезающихъ пластовъ; въ результатѣ же приводило къ запутанности системы проведенія шахтъ и къ окончательной затерянности зо-

лотоносныхъ пластовъ; а затѣмъ и къ полному прекращенію работъ на такихъ пріискахъ, на которыхъ, по свидѣтельству работавшихъ тамъ и частныхъ предпринимателей, еще долгое время можно было бы «купаться въ золотѣ».

Въ настоящее время какъ управленіе Кабинета, такъ и частная золотопромышленность работаетъ главнымъ образомъ добровольнымъ трудомъ. Но организація этого труда, а слѣдовательно и система работъ, носятъ особый характеръ, въ полной мѣрѣ вытекающій изъ окружающихъ мѣстныхъ условій. Эти мѣстныя условія, до извѣстной степени для Забайкалья специфическія, заключаются прежде всего въ недостаткѣ какъ квалифицированнаго, такъ равно и неквалифицированнаго наемнаго труда.

Вся система выработки золота покоится на тѣхъ примитивныхъ основаніяхъ, на которыхъ она создавалась еще въ самомъ началѣ его открытія. Разница только въ томъ, что принудительный трудъ ссыльно-каторжныхъ смѣнился добровольнымъ трудомъ золотничниковъ и китайцевъ. Результаты отъ этой замѣны для золотопромышленности едва ли все таки стали лучшими. Квалифицированнаго и неквалифицированнаго наемнаго труда—этого перваго условія для развитія всякой промышленности—золотопромышленность почти не имѣетъ. Она его хочетъ, но она не можетъ его получить.

Выдѣленіе свободныхъ рабочихъ рукъ сельскимъ хозяйствомъ, всегда и вездѣ являющимся главнымъ поставщикомъ наемнаго труда для промышленности, здѣсь пока еще не настолько значительно, чтобы заполнить рынокъ спроса на трудъ. Это—съ одной стороны. А съ другой, и сама золотопромышленность еще не можетъ создать для наемнаго труда хотя бы минимальныхъ, пріемлемыхъ имъ условій работы. Отброшенность и отдаленность пріисковъ отъ какихъ-либо мѣстныхъ культурныхъ экономическихъ центровъ, полное почти отсутствіе путей сообщенія, кромѣ вьючныхъ и таежныхъ тропъ, дѣлаютъ невозможной доставку необходимыхъ для рабочихъ припасовъ и продуктовъ въ достаточномъ количествѣ; не гарантируетъ эта отброшенность русскому (мѣстному и иммигранту—безразлично) труду и того минимума культурнаго обихода, къ которому уже привелъ его процессъ хозяйственно-экономической жизни; и выше отмѣченный процентъ отсутствующихъ изъ хлѣбопахотныхъ районовъ предпочитаетъ пріискамъ другія работы, осѣдаетъ въ районахъ жел. дорогъ и торговыхъ центрахъ.

Та же заброшенность и бездорожье ставитъ непреоборимыя препоны организаціи золотопромышленныхъ предпрія-

тій и въ другомъ отношеніи. Заготовка необходимыхъ продуктовъ и техническихъ приспособленій требуетъ значительныхъ предварительныхъ затратъ капитала, и притомъ на долгій періодъ: доставка должна быть произведена или лѣтомъ воднымъ путемъ, или зимою по снѣгу, что сопряжено съ организаціей заготовочныхъ складовъ и цѣлой системой согласованія способовъ доставки; стоимость ея, вслѣдствіе этого, увеличивается въ нѣсколько, а иногда и въ десятки разъ. И вполнѣ понятно поэтому, что къ раціональной разработкѣ золотоносныхъ площадей можетъ приступить лишь значительный капиталъ, и притомъ—площадей съ содержаніемъ выше средняго, такъ какъ только при этомъ условіи могутъ оправдываться издержки производства.

Немудрено, что иногда огромныя территоріи, завѣдомо изобилующія золотоносными площадями (какъ, напр., Баргузинская тайга), почти совершенно не разрабатываются, или разрабатываются въ самыхъ минимальныхъ размѣрахъ—доставка пуда клади туда отъ желѣзной дороги обходится до 4-хъ рублей. Во что-же обошлась бы тамъ, напр., постановка драги?

И не мудрено также, что вся существующая въ области система выработки, не исключая и Кабинета, построена не на хозяйственномъ способѣ веденія дѣла, не на принципѣ наемнаго труда, а на способѣ концессіонномъ и отрядномъ, съ примѣненіемъ золотничныхъ работъ и широкомъ использованіи примитивнаго желтаго труда. На этомъ началѣ растетъ и развивается хищничество, недостаточная и небрежная выработка пластовъ и заваливаніе ихъ отвалами, можетъ быть, на долгія времена, когда эту систему работъ въ состояніи будетъ смѣнить иная система, наиболѣе соотвѣтствующая интересамъ какъ государственнымъ, такъ и производительнаго труда, и даже самой золотопромышленности.

Въ настоящее время, напр., ежегодная добыча золота въ области составляетъ (по даннымъ 1914 года) въ цѣлыхъ пудахъ:

на земляхъ	Кабинета Е. В.	246 пуд.
«	частн. золотопромышлен. Вост. окр.	75 »
на земляхъ	частн. золотопромышл. Зап. окр.	51 пуд.
	Всего	372 пуд.

Но въ 1915 году получился уже недомывъ въ 35 пудовъ. Для даннаго года это объясняется валютнымъ кризисомъ и большей поэтому утечкой золота заграницу. Но подобные, и даже болѣе рѣзкіе скачки въ исторіи мѣстной зо-

лотопромышленности вообще не такъ рѣдки и далеко не случайны. Они заключаются въ самыхъ условіяхъ существованія золотого промысла, въ условіяхъ для Забайкалья болѣе специфическихъ, чѣмъ для какой-либо иной изъ золотоносныхъ территорій. Отсутствіе опытныхъ и въ достаточной степени оплачиваемыхъ рабочихъ рукъ, преобладаніе золотничныхъ работъ и примитивность способовъ выработки составляютъ первый фильтраціонный этапъ (въ цѣломъ ихъ рядѣ), проходя черезъ который золото обнаруживаетъ «утечку». Необходимость быстрой реализаціи добытаго металла для разсчета съ рабочими и за припасы, и отсутствіе возможности законно реализовать его въ непосредственной близости къ мѣсту добычи, выдвигаютъ этапъ второй: золото реализуется самими золотопромышленниками внѣ записи въ шнуровыя книги. Обязательная 5%-ая подать съ добытаго золота въ пользу управленія Кабинета создаетъ новый стимулъ для обѣдненія тѣхъ же запасей. 5%-ая подать, между прочимъ, обязательна только для Забайкальской области; и этимъ самымъ она ставитъ край въ условія полной невозможности точнаго учета добычи: золото уплываетъ даже на Якутскую и Иркутскую территоріи, такъ какъ одинъ переносъ его черезъ губернскую границу уже даетъ пятипроцентную прибыль.

И такимъ образомъ, зарегистрированнымъ оказывается лишь только то количество, которое остается отъ всѣхъ этихъ предварительныхъ «операцій» и которое уже никакъ не можетъ утечь безъ того, что-бы эта утечка не стала явно невѣроятною. Арендаторы же, по обычному правилу, записываютъ лишь то, что обусловлено ими по арендному договору. Но это фактически составляетъ уже значительно меньшую часть добываемаго; большая же часть уплываетъ изъ области на сосѣданія территоріи и главнымъ образомъ въ восточномъ отъ области направленіи.

Знатоки мѣстной золотопромышленности и лица горнаго надзора—въ официальныхъ своихъ заявленіяхъ—въ полномъ согласіи между собою утверждаютъ, что, при наличности извѣстныхъ условій, количество добываемаго въ области золота можно *утроить*. И это утвержденіе отнюдь не голословно и не преувеличено. Большинство золотосодержащихъ площадей при настоящихъ условіяхъ выработки оставляется сознательно, хотя бы и по необходимости, втунѣ. Значительное ихъ количество даже и не развѣдывается за безнадежностью постановки работъ, вслѣдствіе недостатка капитала на заготовку припасовъ. Въ основѣ же невозможности заготовки лежитъ затруднительность транспорта.

А между тѣмъ, государство, какъ никогда, испытываетъ крайнюю необходимость въ настоящее время въ золотѣ. Государственный бюджетъ, не говоря уже о бюджетѣ военнаго времени, и по окончаніи войны долженъ будетъ возрасти до размѣровъ, для мирнаго времени небывалыхъ. Каждый лишній десятокъ пудовъ добываемаго металла увеличиваетъ оборотныя средства государственнаго хозяйства на милліоны рублей, а лишняя сотня пудовъ—на сотни милліоновъ рублей. И такое увеличеніе соотвѣтственно облегчитъ податное бремя населенія. А Забайкалье, при извѣстныхъ условіяхъ, не требующихъ особенныхъ предварительныхъ затратъ государственныхъ средствъ, можетъ дать въ ближайшій періодъ времени до 1000 пудовъ золота.

Статистическое обслѣдованіе золотопромышленности и оборудованіе путей сообщенія составляетъ поэтому задачу дня.

Уже одно только оборудованіе области путями сообщенія, а въ частности проведеніе сухопутныхъ дорогъ на территоріи золотоносныхъ районовъ, открывало бы для Забайкалья совершенно новыя перспективы. Опытъ оборудованія мѣстныхъ переселенческихъ дорогъ показалъ ихъ полную цѣлесообразность; и не только въ смыслѣ приближенія заселяемыхъ районовъ къ мѣстнымъ рынкамъ сбыта и поднятія производительности труда въ этихъ районахъ, но и въ смыслѣ сокращенія издержекъ производства, въ частности въ золотопромышленности.

Переселенческія дороги, напр., въ мѣстахъ соприкосновенія съ золотопромышленными районами, сразу же сокращали провозную плату съ 1 р.—1 р. 50 к. за пудъ до 20—10 коп.; для пріисковъ, транспортные расходы которыхъ всегда составляютъ весьма видную часть издержекъ производства, это является чрезвычайно существеннымъ сбереженіемъ и одною изъ самыхъ побудительныхъ причинъ расширенія и развитія пріисковыхъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе пріисковыхъ районовъ путями сообщенія съ мѣстными центрами привлекло бы сюда и такъ необходимый золотопромышленности болѣе приспособленный и болѣе производительный трудъ; несомнѣнно, возросла бы и естественная колонизація края, не говоря уже о внутриобластномъ разселеніи изъ районовъ начавшагося земельнаго утѣсненія въ районы вновь открывающагося приложенія труда и сбыта сель.-хоз. продуктовъ. Самая емкость области для иммиграціи тѣмъ самымъ была бы значительно расширена; и вновь приходящіе извнѣ переселенцы сразу же и безъ долго-

временной подготовки и съ меньшей домообзаводственной помощью получили бы возможность скорѣйшей ассимиляціи.

Производительность труда возросла бы во много разъ. И если въ настоящее время валовой доходъ области измѣряется:

въ отрасли хлѣбопахотнаго хозяйства на кругъ 12—15 мил. р.
« скотоводческаго » « 10—12 »
« золотопромышленности » 7—10 »—

то съ развитіемъ послѣдней этотъ доходъ быстро и значительно долженъ будетъ возрасти въ каждой изъ этихъ отраслей. Въ золотопромышленности же—въ особенности.

Можно съ увѣренностью утверждать, что валовой доходъ отъ добычи золота безъ большихъ усилій можетъ быть повышенъ до ежегодной цифры въ 20 милліоновъ рублей.

И не слѣдуетъ въ то же самое время упускать изъ виду наличности въ области и многихъ другихъ цѣнныхъ ископаемыхъ, о которыхъ упоминалось выше. Развитіе золотопромышленности, а слѣдовательно и потребностей ея въ основномъ капиталѣ (инструментахъ, машинахъ и т. д.) несомнѣнно и быстро дастъ толчекъ и развитію разработки другихъ ископаемыхъ; создастъ новыя отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, вызоветъ къ жизни хранящіяся пока въ нѣдрахъ края богатства. Они остаются сейчасъ втунѣ и не изслѣдуются, исключительно вслѣдствіе необорудованности сообщенія и связанныхъ съ этой необорудованностью огромныхъ издержекъ производства.

Не такъ давно проф. Сущинскимъ былъ прочитанъ въ Центр. в-пр. К-тѣ спеціальный докладъ о залежахъ въ Забайкальѣ вольфрамовой руды. И имъ констатировалась наличность богатой руды какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ по р. Чикою, которыя въ интересахъ заселенія переселенцами, и по ходатайству мѣстнаго населенія, соединяются колесною дорогою съ жел.-дор. магистралью; работы ведутся мѣстной переселенческой организаціей и уже двѣ трети пути закончены; раньше сообщеніе съ этой мѣстностью совершалось гужемъ на разстояніи 265 вер., теперь гужевое разстояніе сократится до 125 верстъ и разработка вольфрамита можетъ быть оборудована съ большимъ успѣхомъ. И въ этой же мѣстности какъ разъ находится и одинъ изъ лучшихъ Забайкальскихъ курортовъ—Ямаровка.

Упоминаніе объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ выдвигаетъ на очередь необходимость развитія и еще одной отрасли мѣстнаго хозяйства, имѣющей также несомнѣнное будущее. Это—лечебные источники. Ихъ замѣчательно много

въ области, и они чрезвычайно разнообразны—содистые, сѣрные, горячіе. Лечебно химическіе анализы устанавливаютъ высокую степень пригодности этихъ источниковъ для постановки здѣсь курортнаго леченія. Цѣлый рядъ такихъ курортовъ сравнительно, хотя и убого, оборудованъ и открытъ для пользованія *). Но значительно болѣе длинный рядъ источниковъ используется весьма примитивно и лишь мѣстнымъ населеніемъ; а можетъ быть, еще длиннѣйшій рядъ ихъ не используется совершенно и даже не обнаруженъ. Возможность включенія и этой области богатства въ общехозяйственный циклъ находится всецѣло въ зависимости отъ доступа къ ней, отъ путей сообщенія; и упорядоченіе этихъ путей обѣщаетъ мѣстному хозяйству притокъ значительныхъ оборотныхъ средствъ для подъема отраслей уже существующихъ и сложившихся; а одновременно обѣщаетъ *расширеніе рынка для мѣстной сельской промышленности и скотоводства*, а слѣдовательно, и движущій факторъ дальнѣйшаго ихъ развитія.

Изъ этого бѣглаго описанія выясняется, что будущее края, его перспективы должны быть связаны съ горнопромышленностью вообще, а въ частности, на ближайшій періодъ, золотопромышленностью. Какъ хлѣбопахотное, такъ и скотоводческое хозяйство подошли къ грани, за которой долженъ начаться процессъ интенсификаціи, т. е. процессъ уже болѣе медленнаго поступательнаго хода и меньшаго относительнаго эффекта на единицу труда. Съ развитіемъ горнопромышленности, они для себя найдутъ рынокъ и новый движущій стимулъ саморазвитія; но въ то же самое время по количеству создаваемыхъ цѣнностей должны будутъ отодвинуться на второе мѣсто. Ихъ роль въ качествѣ краеугольныхъ камней мѣстнаго хозяйства заканчивается, но одновременно поднимается и выростаетъ значеніе ихъ, какъ производителей средствъ потребленія для добывающей и обрабатывающей промышленности. Для развитія послѣднихъ здѣсь имѣются всѣ основныя предпосылки, и имъ принадлежитъ будущее самаго края.

Но нужны широкія государственныя мѣры—какъ въ области созданія сѣти путей сообщенія, такъ и въ области поднятія сельскаго хозяйства и скотоводства.

И нужно, чтобы онѣ, эти мѣры, опирались на самодѣятельность широкихъ круговъ населенія, ибо какъ бы щедро ни расходовались государственныя средства на организацію мѣстнаго хозяйства, какъ бы полно ни охватывались государственными мѣрами всѣ стороны этого хозяйства—безъ

самодѣятельности самого хозяина-производителя онѣ не дадутъ того результата, который должны были бы дать.

Организація мѣстнаго самоуправленія, на основѣ привлеченія къ нему наиболѣе широкихъ круговъ населенія, является особенно необходимымъ звеномъ въ цѣпи мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію и наиболѣе цѣлесообразной организаціи производительныхъ силъ края.

И. П. Кузнецовъ-Красноярскій.

Въ январѣ текущаго года скоропостижно скончался въ Томскѣ одинъ изъ стаи Минусинскихъ золотопромышленниковъ Иннокентій Петровичъ Кузнецовъ, подписывавшійся подъ своими статьями «Кузнецовъ-Красноярскій».

По какой то довольно странной случайности въ сибирской прессѣ, насколько мнѣ извѣстно, не отмѣчена смерть этого довольно извѣстнаго въ наукѣ человѣка. Правда, у него не мало было враговъ; къ тому же, онъ избѣгалъ всякой кружковщины, къ которой относился отрицательно, и и позволялъ себѣ критиковать отцовъ областническаго православія. Но все же справедливость требовала указать, что сдѣлалъ для Сибири покойный.

Я лично имѣлъ въ виду составить, въ предѣлахъ возможности, его біографію и помѣстить въ своемъ журналѣ, но мой служебный переводъ принудилъ меня пока отложить эту работу.

Иннокентій Петровичъ много писалъ въ періодическихъ изданіяхъ и печаталъ отдѣльные труды, изъ которыхъ извѣстны: 1) Историческіе акты XVII стол. (1663—1699 г.г.). Матеріалы для исторіи Сибири. 2) Приходныя окладныя книги Томскаго уѣзда 1706—1718 г.г. 3) Древнія могилы Минусинскаго округа. 4) Томскій сынъ боярскій Федоръ Протопоповъ. 5) Съ бытности губернаторской коменданты и Томскаго уѣзда въ острогахъ и слободахъ приказчики кто были и въ которыхъ годахъ и по какимъ указамъ. 6) Архивъ Аскыской степной думы.

Въ «Сибирскомъ Архивѣ» Иннокентій Петровичъ работалъ почти съ начала существованія журнала.

Послѣ него осталась цѣнная археологическая коллекція и библіотека съ богатымъ отдѣломъ Sibirica.

Археологическая коллекція находится гдѣ то въ Томскѣ, а библіотека—на постояломъ дворѣ въ Минусинскѣ.

А. Линьковъ.

Н. Чужакъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Къ «изгнаннической поэзіи».

Никогда не знаешь, какъ подведетъ тебя ближній.

Въ № 2-омъ «Сибирскаго Архива» (1916), въ статьѣ о художествѣ и областничествѣ, я оспаривалъ слѣдующее положеніе Н. М. Ядринцева, высказанное покойнымъ въ 1885 году:

«Страна, т. е. Сибирь, для изгнанника рисуется совершенно иною (чѣмъ коренному сибиряку), онъ вѣчно плачетъ, поетъ, въ немъ кипитъ желчь, ненависть къ странѣ ссылки. Его симпатіи въ другой странѣ, онъ вѣчно носится съ своей оставленной гдѣ-то «милой». При такихъ условіяхъ страна не можетъ вдохновить пѣвца, а поэтъ останется ей чуждъ навсегда».

Стоило мнѣ сдѣлать возраженіе на эту невѣрную, конечно, тираду, какъ ближайшій сотрудникъ сибирефильствующихъ газетъ, поэтъ и «изгнанникъ» г. П. Второвъ-Ветлужскій, какъ будто бы цѣлью прямой задался — опровергнуть своимъ «творчествомъ» мои возраженія.

Напечатанные имъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ «Сѣверныя зори» стихи («Изъ пѣсенъ изгнанія») — одно сплошное нытье, при полной неспособности отобразить сибирское.

Въ одномъ, напр., стихотвореніи (перепѣвающемъ Алексѣя Толстого), рисуя Сибирь какимъ-то чудищемъ, если не пугаломъ, г. Второвъ говоритъ:

«Туда, мой другъ, туда, изгнанникъ одинокій,
Заброшенъ я судьбой безжалостно-жестокой.
Чужой всему и всѣмъ, я тускло жизнь свою
Безъ радостей влачу въ суровомъ томъ краю,
Какъ каторжную цѣпь, лазурныхъ дней не зналъ,
И тщетно рвусь къ тебѣ, страна моя родная!»

Въ другомъ стихотвореніи, плохой поддѣлкѣ подъ Некрасова, поэтъ именно «носится со своей оставленной гдѣ-то милой»:

«Осень угрюмая, осень печальная...
Капли дождя барабанятъ въ окно...
Ты, моя кроткая, многострадальная,
Вѣсточки ждешь-не дождешься... Давно
Смотришь съ тоской въ ту сторонку далекую,
Гдѣ твой несчастный, страдающій другъ»...

И т. д., и т. д.

Въ третьемъ стихотвореніи, помѣщенномъ уже въ газетѣ «Сибирь» (1916) и смахивающемъ не то на Шевченко («Думы мои, думы»), не то на Юлію Жадовскую («Нива моя, нива, нива золотая»),—г. П. Второвъ пишетъ:

«Вѣтеръ, ты, мой вѣтеръ,
Вѣтеръ перелетный,—
Вѣешь ты повсюду,
Буйный беззаботный!
Ахъ, зачѣмъ прикованъ
Я къ землѣ судьбою—
Не могу умчаться
Слѣдомъ за тобою,
Чтобъ изъ этой тяжкой
Вырвавшись неволи,
Для себя добиться
Въ мірѣ лучшей доли!..
Но, увы, природа
Не дала мнѣ крылья,—
И томлюсь я въ мукахъ
Рабскаго безсилья...
Вслѣдъ тебѣ съ глубокой
Завистью гляжу я,
На чужбинѣ дальней
Мучась и тоскуя!..»

Мнѣ думается, все же, что г-ну П. Второву только отчасти удалось вотъ этими образчиками «чужеяднаго творчества» опровергнуть мои положенія.

Да, разумѣется, бываютъ и среди изгнанниковъ поэты-нытики (г. П. Второвъ—грустная реальность), да еще начиненные чужими стихами, но: характерно ли это для всей изгнаннической поэзіи вообще?

Вы посмотрите только, что пишетъ П. Второвъ о самомъ себѣ: заброшенъ въ Сибирь онъ «судьбой» (стих. первое), т. е. чѣмъ-то предопредѣленнымъ, исключающимъ волю; далѣе, онъ—«несчастный», чуть-чуть не несчастненькій (стих. второе), и наконецъ, «природа не дала» ему «крыльевъ»,

онъ «рабски безсиленъ», онъ не можетъ «добиться» (а, можетъ, и добиваться?) для себя «лучшей доли» (стих. третье).

Согласитесь, что не всѣ же изгнанники-поэты столь безнадежно «несчастны» и безталанны.

То, что изъ новѣйшихъ поэтовъ, первый послѣ Ѳедорова-Омулевскаго, ярче прочихъ выявилъ въ поэзіи сибирскіе тона изгнанникъ Дравертъ,—мнѣ уже приходилось писать. Въ настоящую же минуту, позволю себѣ обратить вниманіе читателя,—какъ на частичный и случайный примѣръ, на нѣсколько стихотвореній поэтовъ-изгнанниковъ—Дм. Олеронъ, В. Пруссакъ, Л. Новицкій—интерпретирующихъ оригинальную окраину, въ одномъ недавно вышедшемъ сибирскомъ журналѣ.

Одно изъ этихъ стихотвореній, какъ образчикъ жизнеощущенія, діаметрально противоположнаго пытью à la longue, я приведу въ заключеніе («Байкалъ», стих. Льва Новицкаго):

«О, эта рѣдкостная чаша
Съ напиткомъ остро-ледянымъ.
Съ какою жаждой губы наши
Прильнули къ брызгамъ водянымъ!
Онъ замкнутъ, цѣпный серебролитокъ,
Грядами крѣпкозубыхъ скалъ,
Чтобъ гнѣвный валъ не расплескалъ
Его живительный напитокъ.
Но—путь держащимъ на Востокъ—
Намъ, съ жаждою поникшимъ долу,
Онъ кинулъ съ щедростью веселой
Ангарскій бѣшеный потокъ».

Интерпретація Сибири въ поэзіи—тема настолько интересная, что намъ еще не разъ придется къ ней обратиться.

II.

Простодушное невѣдѣніе.

Пишущій эти строки никогда не былъ избалованъ вниманіемъ сибирской критики. Неотмѣченной прошла и большая сравнительно моя работа—историческое разсмотрѣніе эстетической платформы областничества (въ № 2 «Сибирскаго Архива», выпущенная и въ видѣ отдѣльнаго оттиска).

Зато, въ №-85-омъ (1916) «Омскаго Вѣстника» я наткнулся на слѣдующую рецензію:

«Въ своей работѣ г. Чужакъ пытается дать «разсмотрѣніе эстетической программы Н. М. Ядринцева» и попутно

разбираетъ эстетическія воззрѣнія другого идеолога областничества—Г. Н. Потанина. Полемизируя съ областничествомъ, г. Чужакъ мечтаетъ о творчествѣ не только въ сибирскихъ, но еще и въ новосибирскихъ краскахъ. Въ общемъ, брошюра г. Чужака написана весьма туманно и, что собственно онъ хотѣлъ сказать своей работой, такъ и останется тайной даже для внимательно прочитавшаго ее читателя. Можно предполагать, что г. Чужакъ защищаетъ мысль о томъ, что сибирское художество можетъ быть создано и не сибиряками. Но можно предполагать и обратное. Вообще, г. Чужаку не мѣшало-бы быть болѣе яснымъ».

Я понимаю, почему рецензентъ почувствовалъ себя въ моей работѣ, какъ въ лѣсу. Она—лишь продолженіе и развитіе другихъ работъ на ту же тему, но вовсе, конечно, не энциклопедія эстетики. Можно прочитать статью и очень «внимательно», и все же многое останется въ ней «тайной», по причинѣ... простодушнаго невѣдѣнія читателя.

Я не говорю уже о трудахъ Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, упомянутыхъ въ моей статьѣ, но если-бъ даже рецензентъ удосужился прочитать одну только мою работу объ Омулевскомъ, напечатанную въ № 2 (1913) «Спб. Архива» и вышедшую вновь спеціальнымъ изданіемъ въ текущемъ году, многое «тайное» для него стало бы явнымъ, и онъ устыдился бы своего недоумѣнія.

Не трудно допустить, что имѣются люди, хотя бы и сибирскіе литераторы, не знающіе литературы того или иного сибирскаго вопроса, но... чтобы люди эти давали отзывы о напечатанныхъ статьяхъ по данному какъ разъ вопросу—это уже поистинѣ удивительно.

III.

Открытое письмо Е. Е. Колосову. *)

Милостивый Государь.

Г-нъ Колосовъ!

Въ только что вышедшемъ № 3-мъ журнала «Сибирскія Записки», Вы почтили меня обстоятельной критической статьей. Можетъ быть, Вы мнѣ повѣрите, если я скажу, что появленіе этой статьи, на девять десятыхъ отрицательной, но —какъ бы то ни было—принципіальной, было большимъ для меня праздникомъ.

*) Предыдущія строчки были уже набраны, когда появилась критикуемая ниже статья обо мнѣ г-на Е. Колосова.

Авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я печатаю мои статьи о сибирскомъ областничествѣ, пользуясь для этого очень немногими доступными мнѣ, иногда и «захудалыми», сибирскими изданіями – и, за всѣ эти нѣсколько лѣтъ, Ваше журнальное выступленіе противъ меня есть только первый, и уже поэтому пріятный, откликъ.

Того, что со статьями о сибирскомъ областничествѣ, даже академически-принципіальными, приходится итти въ изданія или юношески-наивныя и порою не очень грамотныя, или же въ мѣру «сырыя» и не очень складныя, какимъ былъ первое время «Сибирскій Архивъ»,—стыдиться нужно не мнѣ. Когда человѣку хочется кричать и когда ему настойчиво затыкаютъ глотку,—для него вопросъ о томъ, гдѣ крикнуть, не является самымъ главнымъ.

Журналисты такого блеска и размаха, какъ покойный Ядринцевъ, въ Сибири давно повывелись. Девизъ «бей, но выслушай» глубоко чуждъ областничеству современному, какъ явленію пережиточному. Оно способно втихомолку засвѣтить лампаду передъ образомъ уходящаго, но оно безпомощно въ открытомъ бою. Отсюда - и его нетерпимость, характерная для него, какъ и для всякаго безсилія.

Вѣры съ себя, чѣмъ было живо старое областничество, у новаго уже нѣтъ. И это понятно: процессъ внутри экономическаго развитія Сибири съ тѣхъ поръ изрядно расшаталъ подпорки, о которыя опиралось это ученіе.

Какъ и всякое изжившее себя теченіе, областничество боится свѣжаго воздуха, всякій намекъ на критику его откровенно пугаетъ, и этимъ испугомъ ярко окрашены всѣ безъ изъятія исконно-сибирскіе органы. Развѣ не характерно, напр., что даже Вашему (кажется, уже бывшему?) единомышленнику и человѣку, вхожему во всѣ исконныя редакціи, —я говорю о Дм. Илимскомъ,—для того, чтобъ скромно и корректно высказаться противъ областничества, приходится экспортировать свои статьи въ Петроградъ?

Разница между мной и Дм. Илимскимъ въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что мой литературный темпераментъ не позволяетъ мнѣ путешествовать такъ далеко.

И это не случайность, разумѣется, что именно Вы,—человѣкъ относительно свѣжій и видавшій горизонты пошире родного прихода,—разрѣдили то глухое недовольство противъ моихъ, случалось, рѣзкихъ, но всегда прямыхъ, нападокъ на новѣйшихъ реставраторовъ изжитой идеологіи, которое копи-

лось слишкомъ долго. Молчаніе въ отвѣтъ на все прямое и «одіозное» — излюбленный bonton наслѣднаго областничества.

Я даже пораженъ, милостивый государь, какъ это Вы рѣшились «перешагнуть порогъ» какого-то тамъ «Сибирскаго Архива», о «неприступности» котораго для моихъ противниковъ столь ядовито отзываетесь, и тѣмъ любезно извлечь написанное безъ надежды на сибирскій откликъ на страницы не-одіозной печати.

Очень цѣню вашу отвагу піонера (а вмѣстѣ—и вашу послѣдовательность): теперь-то ужъ никто изъ тѣхъ, кто Васъ выдвинулъ, не посмѣетъ сказать, что я «посылаю парѳянскія стрѣлы изъ-за неприступныхъ сооруженій». Теперь я «уязвимъ» и, значитъ, вправѣ льстить себя надеждой, что пославшіе Васъ въ качествѣ застрѣльщика когда-нибудь и сами «уязвятъ» меня въ честномъ бою.

А въ ожиданіи, пока это исполнится, побесѣдуемъ.

Вотъ, Вы завѣряете, г-нъ Колосовъ, что вторичный (безъимянный) выпадъ Г. Н. Потанина противъ сбивающей сибиряковъ съ истинно-уѣзднаго пути «пришлой интеллигенціи» относится, какъ и первый, все къ тому же покойному Зайчневскому. Но чѣмъ же подкрѣпили Вы свои завѣренія? Ничѣмъ абсолютно.

Съ другой стороны, припомнимъ обстоятельства: во-первыхъ, замѣтка написана Г. Н. Потаниным въ самый разгаръ ожесточенной полемики съ В. С. Ефремовымъ, тяжелыя подробности которой еще у всѣхъ на памяти; во-вторыхъ, въ то время дѣйствительно усердно помѣщались въ одной изъ иркутскихъ газетъ—между прочимъ, прекрасныя—корреспонденціи изъ Бельгіи (о рабочемъ движеніи); въ-третьихъ, къ этому же времени какъ разъ относятся первыя попытки основанія «пришлой интеллигенціей», въ лицѣ одной изъ группъ ея, своей опредѣленной и притомъ независимой печати въ Сибири (въ Иркутскѣ); и, въ-четвертыхъ, наконецъ, весь тонъ замѣтки Г. Н. Потанина (эта безпомощная ярость, и это «пристроился» къ одной изъ иркутскихъ газетъ, обративъ ее въ «орудіе пропаганды», въ «органъ рабочей партіи», издаваемый для «петербургскаго, чуть ли даже не бельгійскаго» пролетаріата)—все говоритъ за нелѣпость отнесенія ея къ покойнику.

О покойникахъ, милостивый государь, такъ не говорятъ, да еще на протяженіи семи лѣтъ повторно: и если бы это дѣйствительно относилось къ покойному, то свидѣтельствовало бы о такой неукротимой и личной злобѣ, передъ которой меркнутъ всѣ мои, столь напугавшіе Вашихъ довѣрителей,

выводы. Нѣтъ, такъ пишутъ только о ближайшихъ, непосредственныхъ врагахъ, когда... изъ-подъ ногъ ускользаетъ почва.

Настаивая на Вашемъ голословномъ, ничѣмъ рѣшительно не подкрѣпленномъ завѣреніи, Вы отказываете дурную услугу Г. Н. Потанину. Я лично думаю о немъ несравненно лучше, и никакія «сенатскія разъясненія» изъ «Сибирскихъ Записокъ» не разубѣдятъ меня въ правотѣ мною написаннаго.

Единственно, кто могъ бы тутъ сказать свое вѣское, рѣшающее слово, такъ это самъ Г. Н. Потанинъ,— и теперь, когда нашъ споръ со страницъ одіозныхъ изданій благополучно перешелъ на не-одіозныя, я рѣшительно не вижу, что можетъ помѣшать ему это сдѣлать. Старикъ онъ, какъ я его себѣ представляю, крутой, но лжи не потерпитъ,—и, значитъ, какъ онъ скажетъ, такъ и быть по сему.

Я уже вижу, милостивый государь, какъ страшно перепугались Ваши довѣрители: еще-бы—Григорій Николаевичъ Потанинъ, «Божій человѣкъ» (по опредѣленію А. В. Адріанова, облетѣвшему всѣ газеты)—и, вдругъ, отвѣчать на какія-то «парфянскія стрѣлы»! Но намъ-то съ Вами, г-нъ Колосовъ, должна быть чужда эта святительская точка зрѣнія; мы знаемъ, что призывъ время отъ времени и стариковъ «къ порядку»—дѣло грѣшное, конечно, но для обѣихъ сторонъ полезное.

Примѣръ не одного десятка и покойныхъ и живущихъ стариковъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ затхлой атмосферѣ раболѣпства старики дряхлѣютъ и постепенно духовно нищаютъ, проникаясь временами даже вѣрой въ свое иконобожество,—и только въ атмосферѣ честнаго, открытаго боя выковываются старики, которые становятся нашими знаменами.

Я безконечно далекъ отъ нелѣпости приписывать Г. Н. Потанину даже и тѣнь реальныхъ доносительскихъ стремленій: этотъ, воистину, «чудовищный» выводъ изъ моей статьи («Заб Об.», № 7, 1916) Вы мнѣ произвольно навязали. Но я и тогда говорилъ, и сейчасъ утверждаю, что атмосферой идолопоклонства, создаваемой вокругъ уходящихъ, вы, новѣйшіе областники, не только не способствуете поддержанію вашихъ «знаменъ» на прежней духовной высотѣ, но косвенно обрекаете ихъ на разжиганіе въ себѣ безпомощной ярости (къ живымъ или покойнымъ противникамъ), толкаете на личные выпады, гдѣ пресловутое «*чувство мѣстнаго патріо-*

тизма уступаетъ мѣсто общественной непристойности.

Ничего не было легче, какъ раздуть конецъ моей статьи, это умышленно подчеркнутое указаніе (иначе—чѣмъ же васъ проймешь!) на поступокъ, имѣющій *всѣ формальныя черты выхожденія изъ границъ литературной пристойности*, и —опустить ту предпосылку, съ которой я началъ и развитіемъ которой (только развитіемъ) являлось все дальнѣйшее:

«Г. Н. Потанинъ, конечно, крупный по Сибири человѣкъ, но всетаки—да простится намъ эта маленькая дерзость!—незачѣмъ калѣчить стулья, незачѣмъ и святцы православные осложнять («Мой привѣтъ Божьему человѣку» А. В. Адріанова). Все же, онъ—человѣкъ хоть и крупный, а смертный и, притомъ, повидимому, чуждый той противной елейности, которой любители воскуреній, его усердно окружаютъ. Человѣкъ онъ крутобоевой, въ полемикѣ страстный, къ недругамъ упорнонетерпимый.

Приведу характерную справку»...

Вотъ эту-то маленькую предпосылку Вы, г. Колосовъ, и опустили. А опустивъ ее, Вамъ уже очень легко было въ дальнѣйшемъ возмущаться, оперируя съ моей статьей, какъ «клеветнической».

Конечно, «клеветникомъ» же я оказался (между прочимъ) и въ другой моей статьѣ («Заб. Обозр.», № 10—11, 1916), гдѣ говорю о политическомъ вырожденіи стараго областничества.

Пересказывая своими словами (для «возстановленія истины») критикуемую мною статью Г. Н. Потанина (въ № 1-мъ «Сибирскихъ Записокъ») о разгромѣ томскаго кружка культурниковъ (А. В. Витте съ «колоніей малолѣтнихъ преступниковъ» и др.) и удивляясь «дикости» моихъ выводовъ о публичномъ забвеніи отцомъ областничества демократическихъ принциповъ,—Вы, милостивый государь, опустили одно, нечаянно, конечно, ускользнувшее отъ Вашего вниманія, но очень цѣнное признаніе автора статьи, а именно:

«Изъ приведенныхъ выше данныхъ (о культурничествѣ А. В. Витте и другихъ) читатель видитъ, какіе полезные люди подверглись столыпинской карѣ. *Это люди съ неутолимой жаждой общественной жизни; они—ферментъ жизни, кругомъ нихъ—только сонъ и апатія*».

Вотъ это-то, нечаянно опущенное Вами, мѣсто, въ связи съ другими аналогичными признаніями, а именно:

«Только они-то (т. е. «великодушные работники» культурническаго размаха) и могутъ оказаться на высотѣ минуты во время великихъ испытаній націи».

«Какъ бы русская жизнь значительно измѣнилась къ лучшему, если бы чиновники были одержимы такою же неистребимою жаждою общественной дѣятельности, какъ жертвы столыпинской политики»!

Всѣ эти цѣнныя признанія и др. и дали мнѣ право трактовать упомянутую потанинскую статью не только какъ простыя «воспоминанія прошлаго», но и какъ достаточно опредѣленное политическое выступленіе.

Договориться до того, что внѣ А. В. Витте и другихъ «только сонъ и апатія», что только «великодушные работники» типа упомянутыхъ культурниковъ и могутъ «оказаться на высотѣ минуты во время великихъ испытаній націи», и, далѣе—до маниловской мечты о «чиновникахъ, одержимыхъ неистребимой жаждой общественной дѣятельности»,—это и значитъ растерять былые демократическіе принципы, проглядѣть все общественное развитіе Сибири послѣднихъ лѣтъ, поставить во главу угла «безпринципное культурничество».

Вы съ этимъ, милостивый государь, не согласны, и это —Ваше право. Но видѣть только то, хочется видѣть—еще не значитъ быть критикомъ.

Далѣе: «распрощавшись», собственно, съ Чужакомъ, но не желая «разстаться съ поднятыми имъ темами», Вы, г-нъ Колосовъ, и сами признаете ненормальность въ отношеніи обломковъ областничества къ «пришлой интеллигенціи».

Заслуги послѣдней, въ Вашихъ глазахъ—внѣ всякаго сомнѣнія. «Теперь и спаржа, и огурцы, и обсерваторіи создаются при самомъ дѣятельномъ участіи пришлаго элемента. Это ставитъ краевую интеллигенцію въ нѣсколько ложное положеніе».

И – выводъ:

«Мы сами должны научиться разводить огурцы и спаржу и управлять обсерваторіями дабы, не ожидать, когда явятся новые декабристы и научатъ насъ началамъ культуры».

Вотъ это, милостивый государь, совершенно правильно.

Но не менѣе правильно и то, что, не въ примѣръ областничеству старому, новѣйшее областничество почти совершенно не прилагаетъ усилій къ развитію самодѣятельности какъ коренного населенія, такъ и сибирской краевой интеллигенціи (застольные тосты и литературныя ламентаціи – не въ счетъ).

Новѣйшее областничество упорно возжигаетъ свои лампады, не желая видѣть ничего выходящаго изъ рамокъ традиціоннаго представленія, и прямо или косвенно поддерживаетъ то, можетъ быть, и естественное, какъ Вы стремитесь доказать, но едва ли очень почтенное чувство *раздраженія* къ пришельцамъ, которое, начавшись въ атмосферѣ боя, продолжаетъ тлѣть отчасти по традиціи, отчасти по слабости человѣческой, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—одинаково *недостойно славнаго прошлаго областничества.*

И развѣ не характерно, милостивый государь, что даже вотъ Вы, напримѣръ, человѣкъ относительно свѣжій, не только не пытаетесь сказать столь вопіюще нужное здѣсь слово «къ порядку», но еще даже и стремитесь оправдать и чуть ли не въ какой-то подвигъ возвести признаваемое Вами же «раздраженіе».

А рядомъ, милостивый государь,— взгляните,—зацвѣтаетъ новая и, какъ будто, сулящая что-то жизнь. Рядомъ—въ то время, какъ вы, областники, носитесь со своей «священной» ненавистью къ Зайчневскимъ, живымъ или покойнымъ—идетъ то самое прекрасное строительство, о которомъ ваши старики мечтали въ юности.

Развивается самодѣятельность населенія, родилось и уже стало насущной реальностью живое слово „содружество", самое просвѣщеніе народа все чаще и чаще становится дѣломъ рукъ народа.

Ваша мысль—я говорю о Вашихъ единомышленникахъ, г. Колосовъ—все еще по традиціи витаетъ въ той несложной обстановкѣ, когда, съ одной стороны, были свѣтозарные «мы», сѣявшіе разумное, доброе, вѣчное, а съ другой—«столыпинскій мечъ» (ускорявшій обращеніе какого нибудь Витте въ его «собственную противоположность»).

Вы не видите, какъ жизнь необычайно усложнилась, какъ между «вами» и «ними» выросли новыя величины, и—если не съ вами молодая самоопредѣляющаяся буржуазія сибирская, то не съ вами и сибирская демократія.

Правда, Востротины и Зубашевы все еще по старой памяти оказываютъ почитаніе вашимъ иконамъ, но на дѣлѣ вы уже давно идете за ними. А народъ... рѣка его жизни все дальше и дальше отходитъ отъ областничества,—да послѣднее и всегда-то было занято больше «кревой интеллигенціей»...

Нельзя не отмѣтить и еще одну характерную вещь, краснорѣчиво говорящую объ эволюціи областничества: это—отреченіе новѣйшихъ областниковъ отъ областничества, какъ

программы: (начиная съ авторитетнаго В. И. Анучина въ «Сиб. Студентѣ» и кончая какой-нибудь купеческой рептиліей, все еще поглядывающей умильно—«для святости»—на образъ Потанина); утвержденіе областничества, только какъ *настроенія*; смѣшеніе понятія федеративнаго устройства окраины и автономнаго (тотъ же В. И. Анучинъ); и наконецъ—послѣдніе «превращеніе» (это уже Вы милостивый государь), незамѣтная *подмѣна совершенно опредѣленнаго понятія «областническій» алгебраическомъ «областной»*.

Въ статьѣ, которой Вы меня почтили, Вы всюду совершаете эту подмѣну. Чего, напр., стоитъ хотя бы такое Ваше утвержденіе: Чужакъ—сторонникъ процвѣтанія областныхъ началъ въ поэзіи; слѣдовательно, Чужакъ—областникъ!

Ничего, милостивый государь, не можетъ быть наивнѣе: областнымъ вопросамъ к *областному* и я и мои единомышленники—мы всегда воздавали должное, но быть областникомъ.. —нѣтъ, г. Колосовъ, «мы не изъ ихъ числа», хоть смѣшивать эти два разныя «ремесла» и находятся «охотники».

Кто не хочетъ быть мертвымъ—долженъ умѣть жить.

Съ переходнымъ временемъ,—когда рушится старый патріархальный укладъ и все яснѣе *проступаетъ новое*,—коренная сибирская, она же краевая, интеллигенція оказалась на распутьи. Типичное дѣтище переходнаго періода, она мечется между двухъ береговъ. Со старымъ областничествомъ ее связываетъ только традиція и эта характерная непріязнь ко всему *чужому* и новому. Въ каждомъ пришломъ она видитъ конкурента, который лучше ея понялъ законы необходимости, а потому, даже безправный, умѣетъ лучше подойти къ народу. Но къ новому ее уже влечетъ коварный ходъ вещей, ибо за послѣдніе годы и она кое-что поняла, кое-чему научилась.

И нѣтъ для нея иного выхода: или умереть почетной, но раздражительной смертью, какъ старое областничество; или же, подобно отколовшейся уже буржуазіи, нашедшей себѣ новыхъ златоустовъ въ лицѣ представителей капитала московскаго, сбросить обветшавшій плащъ уѣздной идеологіи, понять все до конца и слиться съ единой сестрой своей по крови и духу—съ демократіей.

И тогда-то, увѣрены мы, будутъ у нея и „огурцы", и «спаржа», и сама она, безъ обидной указки уже униженнаго безправіемъ пришельца, научится разъ на-всегда управлять своими „обсерваторіями".

P. S.—На этомъ, милостивый государь, я могъ бы и закончить нашу съ Вами бесѣду. Но, къ искреннему сожалѣнію моему, Вы осложнили ее привнесеніемъ чего-то досадно-ненужнаго, непринципіальнаго, глубоко недостойнаго ни Васъ, какъ журналиста, ни предмета нашей бесѣды. Пытаясь оттѣнить принципіальность областничества моей, Чужака, «безпринципностью», Вы не придумали ничего болѣе страшнаго, какъ указаніе, на фактъ моего сотрудничества въ «Сибирскомъ Архивѣ» точнѣе даже — сотрудничества съ редакторъ-издателемъ этого журнала, какъ личностью.

Дѣло послѣдняго, конечно—реагировать на этотъ личный выпадъ, сдѣланный достаточно «умѣло» и увертливо; мнѣ же остается только удивляться простодушной незатѣйливости Вашего пріема.

Не желая пользоваться Вашимъ простодушіемъ, замѣчу коротко:

Во-первыхъ, работаю я въ «Сибир. Архивѣ» три года, и вотъ уже три года, слѣдовательно, какъ я «безпринципенъ», но это не мѣшаетъ мнѣ почему-то еще въ январѣ *настоящаго* года числиться сотрудникомъ Вашего принципіальнаго журнала («Сиб. Записки», № 1). Дѣло, значитъ, не въ «Архивѣ», а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ именно — справьтесь въ редакціи.

Во-вторыхъ, въ той самой книжкѣ «Сиб. Записокъ», гдѣ напечатана и Ваша статья, встрѣчаются подписи: В. А. Ватинъ, К. В. Дубровскій, И. А. Евсенинъ, и всѣ они — о, ужасъ! — состоятъ сотрудниками «Сибирскаго Архива»!

Въ концѣ Вашей статьи, Вы «уязвляете» меня вторично: «Г-нъ Чужакъ—весьма принципіальный человѣкъ; однако, это не мѣшаетъ ему, какъ мы видѣли, работать бокъ-о-бокъ съ вполнѣ опредѣленными элементами нашей «архивной журналистики».

Вставьте въ эту формулу, вмѣсто слова «Чужакъ», слово «Колосовъ», и... и, можетъ быть, Вамъ будетъ немножко стыдно.

Изъ консисторскихъ нравовъ недавняго прошлаго.

(Два письма члена Тобольской духовной консисторіи, каѳедральнаго протоіерея Никиты Розанова, къ епископу Березовскому Ефрему, управлявшему Тобольской епархіей).

I.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Прилагаемое при семъ письмо приготовлено было къ подачѣ Вашей особѣ въ 23 число минувшаго августа, но тогда я по разнымъ причинамъ удержался, надѣясь, что дѣло мое съ г. секретаремъ Никольскимъ приметъ лучшій оборотъ, такъ какъ онъ, г. Никольскій, отъ одноличныхъ сужденій и опредѣленій по дѣламъ духовенства началъ удерживаться. Но послѣ вышло иначе. Въ 19-е число минувшаго сентября, когда членамъ консисторіи предложено было составить наградный списокъ священнослужителей Тобольской епархіи, членъ консисторіи священникъ Николай Сѣдаковъ, по отдѣленію котораго нынѣ составляются таковые списки, обратился ко мнѣ съ просьбою пособить ему въ этомъ дѣлѣ; я не отказался. Но когда предложены были мнѣ клировыя вѣдомости нѣкоторыхъ округовъ, для внесенія въ списокъ удостаиваемыхъ представленія къ наградамъ, г. секретарь Никольскій обратился къ членамъ консисторіи съ вопросомъ: „зачѣмъ клировыя вѣдомости положены тутъ?“ — указывая на тѣ, которыя были противъ меня, и когда ему было сказано, что для выборки представляемыхъ къ наградѣ, онъ, Никольскій, возгласилъ: «я ему не довѣряю». Однакожъ я, сказавъ, что повѣрять моихъ дѣйствій никому не запрещаю, сдѣлалъ что нужно и и передалъ черновой списокъ о. Сѣдакову. Нынѣ, 19-го числа сего октября, о. Сѣдаковъ, оговорясь, что наградный списокъ давно былъ составленъ вчернѣ и переданъ г. секретарю и что теперь только полученъ отъ него съ его дополненіями и поправками, пригласилъ о.о. членовъ выслушать содержаніе списка. При самомъ началѣ чтенія оказалось, что въ числѣ представляемыхъ къ отличіямъ значатся такіе священнослужители, которые умѣютъ только исправлять приходскія требы, а обойдены такіе, которые несутъ службу даже по выбору духовенства всей епархіи и которыхъ обходитъ нѣтъ закон-

ной причины. Почему я и сказалъ, что на такое представленіе я не согласенъ и списка не подпишу. Тогда чтеніе прекратилось. Однакожъ извѣдавъ на опытѣ самоуправство г секретаря консисторіи, я не думаю, чтобы наградный списокъ былъ исправленъ.

Преосвященнѣйшій Владыко! Покорнѣйше прошу Васъ обратить на все, изъясненное мною, Ваше Архипастырское вниманіе и разрушить средостѣніе вражды между мною и г. секретаремъ Никольскимъ. За что онъ гонитъ меня, за что тѣснитъ и хочетъ унизить въ очахъ всей Тобольской паствы предъ такимъ лицомъ, какъ о. протоіерей Михаилъ Тверитинъ, выпущенный въ свое время изъ семинаріи въ третьемъ разрядѣ? Вѣдь я ему, г. Никольскому, кромѣ добра, ничего еще не сдѣлалъ, да и теперь не желаю ему зла, а только раскрывая причины вражды, умоляю особу Вашего Преосвященства объ умиротвореніи.

Всегда послушный Вашему Преосвященству,
протоіерей Никита Розановъ.

23 октября 1873 года.

II.

Вчера поставлено мнѣ на видъ то, что я сдѣлалъ замѣтки на поляхъ протокола по дѣлу о священникѣ Іаковѣ Поповѣ. Если бы этотъ протоколъ составленъ былъ по предварительномъ совѣщаніи въ присутствіи консисторіи, а не однолично г. секретаремъ Никольскимъ, то никакихъ непріятныхъ послѣдствій и не вышло бы. Не было бы и другой непріятности, сдѣланной мнѣ въ минувшемъ мѣсяцѣ маѣ, —выговора за пропускъ по ошибкѣ 6 руб. въ книгѣ неокладныхъ суммъ Тобольскаго архіерейскаго дома за мѣсяцъ январь 1871 года, если бы обращено было вниманіе на 4 пун. 158 ст. Уложенія о наказаніяхъ, издан. 1866 года, гдѣ говорятся, что выговоры и даже тюремныя временныя заключенія отмѣняются, если проступокъ не былъ обнаруженъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а моя ненамѣренная ошибка открыта уже послѣ множества ревизій экономическихъ книгъ и суммъ, черезъ годъ, и дѣло вчинено уже по взносѣ мною тѣхъ 6 рублей [1]); потому незаконнаго выговора я и не принялъ, о чемъ и далъ мною тогда же консисторіи отзывъ. Поставленіе же мнѣ на видъ, сдѣланное Вашимъ Преосвященствомъ, яко

[1]) А выговоръ сдѣланъ черезъ два почти съ половиною года.

архипастырское наставленіе, пріемлю и отеческую руку, наказующую меня, съ любовью цѣлую.

Но при томъ не могу пройти молчаніемъ о причинахъ, встрѣчаемыхъ мною непріятностей. Въ сентябрѣ 1871 года, по опредѣленіи меня настоятелемъ каѳедральнаго собора, г. секретарь Никольскій высказалъ мнѣ, что я ему обязанъ дать денегъ, но я давалъ ему прежде часто и много этого добра, посылалъ изъ г. Кургана и прекрасный мерлушечій мѣхъ, по его просьбѣ, а на тотъ разъ, не имѣя чего дать, денегъ ему не далъ. И вотъ поднялась на меня буря, полились злые сарказмы, даже въ самомъ присутствіи консисторіи; я все терпѣлъ и молчалъ, развѣ иногда переговоришь съ о. Константиномъ Недосѣковымъ, что—кстати предъ нами изображеніе Распятаго на крестѣ. Одинъ разъ только, когда г. Никольскій въ другой разъ дозволилъ себѣ сказать мнѣ, что онъ меня съѣстъ, я отвѣтилъ ему: «а будете-ли вы сыты?» Это было въ январѣ 1872 года. Съ той поры г. Никольскій замолчалъ и началъ пріискивать случаи къ яденію меня уже не на словахъ, а на бумагѣ. Случай подыскался: и вотъ онъ заставилъ казначея консисторіи Пудовикова донесть о пропускѣ вышеозначенныхъ 6-ти рублей, послѣ того уже, когда тѣ деньги внесены были мною въ экономическое управленіе архіерейскаго дома. Надоѣли мнѣ, наконецъ, всѣ непріятныя дѣйствія и сарказмы г. секретаря и я, чтобы задобрить его, подарилъ ему въ день его именинъ, 1 сентября, 20 руб. Съ тѣхъ поръ и до мая сего 1873 года все шло какъ будто и ладно. Въ теченіе этого времени, по предложенію секретаря, составилъ я нѣсколько объемистыхъ записокъ [1]) по разнымъ слѣдственнымъ дѣламъ; порѣшилъ до сорока дѣлъ, лежавшихъ безъ движенія много лѣтъ. Но въ минувшемъ маѣ г. Никольскому вздумалось почему-то опять потѣшаться надо мною, полились изъ устъ его сарказмы; я сталъ замѣчать ему неумѣстность и неприличіе его выходокъ, и вотъ поднялось опять молчавшее почти полтора года дѣло о 6 рубляхъ, и я приговоренъ къ пенѣ и выговору. Это огорчило меня до глубины души, и не сталъ я подходить къ г. секретарю на поклоненіе и рукопожатіе, какъ это дѣлаютъ всѣ члены консисторіи при выходѣ въ присутствіе. Впрочемъ, помолясь предъ св. иконою, кланяюсь и ему, неподвижно сидящему въ креслѣ, но онъ рѣдко когда удостоиваетъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Въ минувшемъ іюлѣ, когда по дѣлу о

1) Впослѣдствіи оказалось, что всѣ мои труды скрыты или переписаны на черновые же другими руками. Таковы дѣла: о священникахъ Елеосеріи Серебренниковѣ и Григоріи Пирожниковѣ и другіе.

священникѣ Омской Ильинской церкви Сперанскомъ я изложилъ свое мнѣніе, г. секретарь Никольскій закричалъ на меня: «какъ смѣешь марать дѣло?» Я ему, какъ глуховатому и далеко отъ меня сидящему, также громко отвѣтилъ, что дѣла я не мараю, а написалъ, что считаю нужнымъ написать. Тогда онъ еще громче закричалъ на меня, говоря «какъ смѣешь такъ громко и дерзко возражать мнѣ? Я буду жаловаться!» На это я отвѣтилъ ему, что я ещо на него ни разу не нападалъ и ничѣмъ его не обижалъ, а что онъ меня грозился съѣсть. Послѣ того... г. Никольскій какъ въ ротъ воды взялъ и уже не говоритъ со мной болѣе ни слова, пересталъ говорить дерзко и прочимъ членамъ консисторіи, не обращается уже къ каждому изъ насъ мѣстоимѣніемъ «ты», какъ то всегда дѣлалъ прежде; однако-жъ заставляетъ членовъ нерѣдко вскакивать и подавать ему подписанныя бумаги, что они и дѣлаютъ; равно съ подобострастіемъ подписываютъ и такіе протоколы, которые составляетъ г. Никольскій единолично, безъ предварительнаго совѣщанія, какъ и составленъ вышеозначенный протоколъ о священникѣ Поповѣ. Когда этотъ протоколъ былъ написанъ только еще вечеромъ и читанъ въ присутствіи, я говорилъ своимъ сочленамъ, что опредѣленіе составлено неправильно, съ чѣмъ и они согласились, и членъ священникъ Рѣщиковъ докладывалъ о томъ секретарю, но онъ не хотѣлъ и слушать. На другой день появился тотъ протоколъ уже переписанный набѣло и подписанный секретаремъ и тремя членами. Отчего же такъ строго осужденъ одинъ—очень хорошо рекомендованный своимъ благочиннымъ священникъ, по оговору людей опороченныхъ, недоказавшихъ даже и 4-й доли изъ своихъ извѣтовъ, тогда какъ о другихъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не начинается даже слѣдствій, какъ это видно и сейчасъ изъ вчера подписаннаго протокола по дѣлу о село-Кривинскихъ священникахъ Арефьевѣ и Буровѣ, оговоренныхъ во многомъ бывшимъ причетникомъ Коронинымъ?

Преосвященнѣйшій Владыко! Не въ доносъ это пишу, а раскрываю только раны сердца моего, какъ сынъ передъ отцомъ. Простите меня, не лишите своей милости, и не допустите изъѣдать меня съ моими сиротами и множествомъ бѣднѣйшихъ моихъ родственниковъ. Посовѣтуйте Семену Ивановичу Никольскому держать себя по отношенію къ членамъ консисторіи, не какъ большому барину, а какъ слѣдуетъ секретарю, и объявлять резолюціи Вашего Преосвященства, полагаемыя на журналахъ и протоколахъ консисторіи, членамъ оной, какъ требуется закономъ. Да запретилъ бы сво-

ей канцеляріи разносить вѣсти о нашихъ дѣлахъ, какъ это было сдѣлано по объявленіи мнѣ выговора о 6-ти рубляхъ, что вредно вліяетъ на меньшую братію.

Вашего Преосвященства,
Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца,
всегдашній послушникъ,
Протоіерей Никита Розановъ.

23 августа 1873 г.

Открытое письмо

редактору—издателю «Сибирскихъ Записокъ» г. Крутовскому и сотруднику того же журнала г. Колосову.

Милостивые Государи.

Въ третьей книжкѣ «Сибирскихъ Записокъ» Вы позволили себѣ сдѣлать противъ меня выпадъ, который затрогиваетъ мое доброе имя.

Такъ какъ этотъ выпадъ изложенъ въ такой формѣ, которая лишаетъ меня возможности привлечь Васъ къ уголовной отвѣтственности, то я вынуждаюсь предложить Вамъ медіаторскій судъ, на которомъ, въ интересахъ общественныхъ, будьте любезны предъявить ко мнѣ какое нибудь опредѣленное обвиненіе, которое, будучи доказаннымъ, давало бы Вамъ право дѣлать подобные выпады противъ меня.

Если же Вашъ выпадъ—результатъ неосторожнаго обращенія, хотя бы и съ ловко подобранными словами, то потрудитесь принести передо мной соотвѣтствующее извиненіе въ самой категорической формѣ; это извиненіе должно быть напечатано въ одной изъ газетъ, издающихся въ г. Иркутскѣ, или въ Красноярскѣ, или Томскѣ, а затѣмъ должно быть перепечатано въ четвертой книжкѣ «Сибирскихъ Записокъ».

Если къ 15 октября текущаго года не послѣдуетъ съ Вашей, Милостивые Государи, стороны согласія на медіаторскій судъ или печатнаго извиненія передо мной, то это обстоятельство дастъ мнѣ право публично трактовать Васъ, какъ злостныхъ клеветниковъ.

Отъ какихъ либо печатныхъ объясненій съ Вами по поводу сдѣланнаго выпада противъ меня я вынужденъ отказаться, такъ какъ въ Вашемъ лицѣ я имѣю дѣло съ людьми, прибѣгающими къ достаточно скользкимъ пріемамъ опорочиванья.

Редакторъ—издатель «Сибирской Лѣтописи»
(«Сибирскаго Архива») *А. Линьковъ.*

В. А. Ватинъ.

Изъ исторіи евреевъ въ Сибири.

Какъ извѣстно, первыя ограниченія сибирскихъ евреевъ въ правахъ относятся къ царствованію Николая I. Въ 1826 г. послѣдовало первое ограниченіе права поселенія евреевъ въ Сибири; 1834 годъ является началомъ ограниченія гражданскихъ правъ сибирскихъ евреевъ. 15 мая 1837 г. были изданы «правила, заключающія въ себѣ мѣры противъ переселенія евреевъ въ сибирскія губерніи и для уменьшенія числа поселенныхъ уже въ Сибири евреевъ». Въ этихъ правилахъ предписывалось переселеніе евреевъ въ Сибирь «рѣшительно и навсегда прекратить». «Для уменьшенія числа уже поселенныхъ въ Сибири евреевъ» пунктъ 8 правилъ предписывалъ дѣтей мужескаго пола евреевъ ссыльно-поселенцевъ, не достигшихъ еще 18-лѣтняго возраста, зачислить и впредь рождающихся также зачислять въ военные кантонисты. Пунктъ же 9-й предоставлялъ евреямъ, происходящимъ отъ ссыльныхъ и уже приписавшихся къ сословіямъ, право выбора записывать своихъ дѣтей мужскаго пола въ военные кантонисты или же распрощаться съ ними совсѣмъ и отправить ихъ, по достиженіи ими 16-лѣтняго возраста, въ черту еврейской осѣдлости.

Только въ началѣ царствованія Александра II улучшились правовыя условія жизни сибирскаго еврейства. Въ цѣломъ рядѣ мѣръ расширялся доступъ евреевъ въ Сибирь и ихъ права.

Авторы новѣйшей работы по исторіи еврейства въ Сибири, г.г. Войтинскій и Гориштейнъ, «Евреи въ Иркутскѣ» (Иркутскъ, 1915), касаясь «либеральныхъ мѣръ» такъ называемой эпохи великихъ реформъ по отношенію къ евреямъ, упоминаютъ лишь вскользь объ отмѣнѣ правилъ объ отдачѣ сыновей ссыльныхъ евреевъ въ военные кантонисты.

Законъ 1860 г., уравнявшій въ правахъ евреевъ ссыльно-поселенцевъ съ лицами другихъ національностей, установилъ, что «дѣти означенныхъ евреевъ (ссыльныхъ), въ томъ числѣ и сыновья ихъ, уволенные изъ кантонистовъ, оставляются при родителяхъ[1])».

---

[1]) Правилами 1837 года, о которыхъ говорилось выше, для евреевъ, присуждаемыхъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, устанавливалась замѣна ссылки другими наказаніями: отдачей въ военную службу для имѣющихъ отъ роду до 35 лѣтъ и арестантскими ротами для лицъ отъ 35 до 40 лѣтъ. Только преступниковъ, имѣющихъ отъ роду свыше 40 лѣтъ, разрѣшалось отправлять въ Сибирь. Но и этихъ евреевъ пред-

Въ дѣлахъ Минусинскаго словеснаго суда[2]) сохранился любопытный отрывокъ изъ переписки, предшествовавшей изданію этого закона. Поражаетъ сравнительно либеральная тенденція, проникающая этотъ документъ: администрація стремится толковать законодательные акты и административныя распоряженія не въ ограничительномъ духѣ, а вкладываетъ въ нихъ болѣе гуманное содержаніе.

Списокъ съ журнала совѣта главнаго управленія Восточной Сибири отъ 18 января 1860 года.

«Для уменьшенія въ Сибири евреевъ изданными о нихъ правилами (874 ст. XIV т. св. зак., уст. о ссыльн.), между прочимъ, постановлено: дѣтей мужескаго пола евреевъ ссыльныхъ зачислять въ военные кантонисты, а дѣтей всѣхъ прочихъ находящихся въ Сибири евреевъ переселять въ губерніи, для постоянной осѣдлости евреевъ назначенныя, или также зачислять въ кантонисты, если родители того пожелаютъ.

На этомъ основаніи всѣ дѣти ссыльныхъ евреевъ и поступали въ военные кантонисты.

Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, состоявшимся 26 августа 1856 года повелѣно прекратить записку въ военное вѣдомство солдатскихъ дѣтей, и зачисленныхъ уже въ кантонисты исключить въ свободныя податныя сословія.

Въ правилахъ по этому предмету, Высочайше утвержденныхъ 25 декабря 1856 г., сказано:

Пунк. 1. Всѣ солдатскія и матросскія дѣти и военные кантонисты, состоящіе въ военносухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, исключаются изъ сихъ вѣдомствъ для обращенія въ свободныя сельскія и городскія податныя сословія, и на будущее время всѣ постановленія о зачисленіи въ поименованныя вѣдомства солдатскихъ, матросскихъ и иныхъ дѣтей прекращаютъ свое дѣйствіе.

Пунк. 9, пр. 2. Лица еврейскаго закона не могутъ просить о возвратѣ имъ сыновей, или родственниковъ кантонистовъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Сіи послѣдніе могутъ быть отдаваемы посторонними благотворителямъ христіанскаго исповѣданія.

Основываясь на упомянутомъ Всемилостивѣйшемъ манифестѣ, проживающіе въ городахъ и селеніяхъ Вост. Сибири

писывалось не селить въ городахъ, а водворять „всегда особыми селеніями въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, именно въ Якутской области и за Байкаломъ.“ Въ тѣхъ мѣстахъ должны были быть водворены и евреи, окончившіе срокъ каторжныхъ работъ.

[2]) Войтинскій и Горнштейнъ, ор. с., 15.

евреи стали обращаться къ командующему войсками, въ Восточной Сибири расположенными, съ просьбами объ исключеніи изъ военнаго вѣдомства дѣтей ихъ, зачисленныхъ въ Иркутскій полубатальонъ военныхъ кантонистовъ для воспитанія ихъ при себѣ съ записью въ подушный окладъ, и потому онъ, командующій войсками, 9 ноября 1856 г. вошелъ въ департаментъ военныхъ поселеній съ вопросомъ: можетъ ли сказанный манифестъ распространяться и на еврейскихъ дѣтей, зачисленныхъ въ военные кантонисты. Въ отвѣтъ на это департаментъ 15 февраля 1857 г увѣдомилъ, что вопросъ о еврейскихъ дѣтяхъ разрѣшается уже 2 примѣч. къ 9 пунк. правилъ объ исключеніи солдатскихъ дѣтей, гдѣ содержится воспрещеніе на отдачу лицамъ еврейскаго закона сыновей или родственниковъ кантонистовъ, принявшихъ только христіанскую вѣру, и что, слѣдовательно, кантонисты, остающіеся въ еврейскомъ законѣ, могутъ быть отдаваемы родителямъ и ихъ родственникамъ, если послѣдніе просятъ о томъ будутъ, тѣмъ болѣе, что 1 пунктомъ тѣхъ же правилъ на будущее время всѣ постановленія о зачисленіи въ военное и морское вѣдомства солдатскихъ, матросскихъ и ихъ дѣтей отмѣняются.

По сообщеніи штабомъ войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, о таковомъ отзывѣ департамента военныхъ поселеній главному управленію Вост. Сибири, въ семъ послѣднемъ возбужденъ другой вопросъ: если правомъ, дарованнымъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26 августа 1856 г., на освобожденіе отъ военнаго вѣдомства дѣтей собственно нижнихъ воинскихъ чиновъ, должны пользоваться и дѣти ссыльныхъ евреевъ, поступившія досель въ кантонисты, въ видахъ уменьшенія въ Сибири евреевъ, то должно ли ихъ, по исключеніи изъ военнаго вѣдомства, оставлять на жительствѣ въ Сибири, съ приписью въ подушный окладъ при семействахъ родителей и воспитателей, или же этихъ еврейскихъ дѣтей слѣдуетъ переселять отсюда въ губерніи, для постоянной осѣдлости евреевъ назначенныя, какъ установлено это для дѣтей находящихся въ Сибири евреевъ, но не ссыльныхъ; если же таковыхъ дѣтей должно оставлять въ Сибири, то могутъ ли они приписываться въ мѣщанскія по городамъ общества?

Вопросъ этотъ г. генералъ-губернаторъ Вост. Сибири 26 апрѣля 1857 г. представилъ на разрѣшеніе г. министра государств. имуществъ въ дополненіе къ прежнему отзыву своему отъ 13 января 1856 г., относящемуся до поселенія въ Сибири евреевъ вообще; и въ которомъ г. генералъ-гу-

бернаторъ, между прочимъ, согласился съ представленнымъ его заключеніемъ перваго департамента министерства государств. имуществъ, признавшаго возможнымъ отмѣнить постановленіе о высылкѣ изъ Сибири еврейскихъ дѣтей во внутреннія губерніи, гдѣ, какъ замѣчено, высылка эта не упрочиваетъ ихъ состоянія, и дозволить имъ оставаться въ Сибири при семействахъ съ нѣкоторыми ограниченіями.

Въ томъ же 1857 г. исключенъ былъ въ Забайкальской области изъ военнаго вѣдомства находившійся уже на службѣ еврейскій сынъ Лейба Капельманъ, но не на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста, а по случаю неправильнаго зачисленія его въ то вѣдомство, такъ какъ онъ, хотя сынъ ссыльнаго, но рожденъ былъ прежде ссылки отца и пришелъ въ Сибирь съ матерью по волѣ. Этотъ еврей Капельманъ, по увольненіи его изъ военнаго вѣдомства, подлежалъ отправленію согласно закону, въ губерніи, для постоянной осѣдлости евреевъ открытыя; но мать его, желая оставить его на жительствѣ при себѣ въ Сибири, обратилась съ просьбою о томъ въ военное министерство, отъ котораго просьба сія поступила потомъ въ минист. внутр. дѣлъ. Г. министръ внутр. дѣлъ, передавая эту просьбу въ министерство государств. имуществъ, увѣдомилъ, что до окончанія производящейся переписки по предположеніямъ объ отмѣнѣ переселенія изъ Сибири дѣтей евреевъ ссыльно-поселенцевъ въ губерніи, открытыя для постоянной осѣдлости евреевъ, онъ признаетъ возможнымъ оставить Капельмана въ Сибири, если мѣстное начальство не встрѣтитъ никакихъ препятствій. Сообщая о семъ отзывѣ г. товарищу министра государств. имуществъ, при отношеніи отъ 21 сентября 1857 г., препроводилъ прошеніе еврейки Капельмановой на усмотрѣніе г. ген.-губернатора Вост. Сибири, присовокупивъ къ тому, что дѣло объ отмѣнѣ переселенія изъ Сибири дѣтей евреевъ ссыльно-поселенцевъ въ губерніи, открытыя для постоянной осѣдлости евреевъ, останавливается за неполученіемъ отъ ген.-губернатора Вост. Сибири соображеній.

Руководствуясь означеннымъ отзывомъ г. министра внутр. дѣлъ и не встрѣчая препятствія къ оставленію въ Сибири еврея Капельмана, г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ глав. управленія Вост. Сибири слѣдалъ распоряженіе объ оставленіи его, а равно и другихъ, подобныхъ ему еврейскихъ дѣтей, на мѣстахъ ихъ жительства, впредь до полученія разрѣшенія на упомянутое предположеніе объ отмѣнѣ переселенія отсюда дѣтей евреевъ вообще, и о таковомъ распоряженіи 11 ноября 1857 г. довель до свѣдѣнія г. министра госуд. имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду производимую 10 народную перепись

и чтобы освобожденные отъ военнаго вѣдомства дѣти евреевъ ссыльныхъ или переселившихъ впослѣдствіи въ мѣщане и крестьяне, не могли при этой переписи остаться незаписанными, предсѣдательствующій въ совѣтѣ предложилъ мѣстнымъ губернаторамъ зачислять ихъ въ податныя сословія по мѣсту жительства родителей и воспитателей на томъ же основаніи, какъ постановлено это для увольняемыхъ изъ кантонистовъ дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ, съ освобожденіемъ однакожъ изъ нихъ дѣтей ссыльно поселенцевъ отъ платежа податей до 17 лѣтняго возраста. по общему о дѣтяхъ ссыльныхъ закону.

Затѣмъ послѣдовалъ указъ правит. сената (по 1 департаменту), отъ 28 іюля минувшаго 1859 г., въ коемъ объявлено: Высочайше утвержденное 16 іюля того же года положеніе комитета г.г. министровъ, изложенное въ указѣ правит. сенату отъ 15 мая 1885 г. Высочайшее положеніе, на основаніи коего кантонисты еврейскаго закона, уволенные изъ вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій, причисляются къ свободнымъ податнымъ состояніемъ тѣхъ губерній, откуда родомъ ихъ отцы. а не по мѣсту настоящаго ихъ жительства, распространить на всѣхъ вообще исключенныхъ изъ военнаго и морского вѣдомствъ кантонистовъ еврейскаго закона, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые примутъ православную вѣру.

Забайкальское областное правленіе, получивъ указъ такого содержанія и имѣя въ виду, что исключенныя здѣсь изъ военнаго вѣдомства дѣти ссыльныхъ евреевъ, согласно изложенному выше распоряженію главнаго управленія, зачислены уже въ податныя сословія по мѣсту настоящаго жительства отцовъ и воспитателей ихъ, встрѣтило затрудненіе въ томъ, слѣдуетъ ли изъясненное въ томъ указѣ постановленіе о приписке сыновей евреевъ въ тѣ губерніи, откуда родомъ отцы ихъ, считать обязательнымъ въ отношеніи къ дѣтямъ евреевъ, оставленныхъ въ Сибири впредь до разрѣшенія вопроса о нихъ, о чемъ и представило 15 минувшаго декабря на разрѣшеніе предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія.

Заключеніе: дѣти евреевъ ссыльныхъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, исключены изъ военныхъ кантонистовъ на правахъ Высочайше дарованныхъ собственно солдатскимъ дѣтямъ, но чтобы права эти могли распространяться на нихъ о томъ положительнаго указанія дано не было, и отъ того

возникъ остающійся до сихъ поръ неразрѣшеннымъ вопросъ: какъ поступать съ этими исключенными евреями и какъ поступать на будущее время со вновь рождающимся отъ ссыльныхъ евреевъ дѣтьми, зачисленіе коихъ въ военное вѣдомство съ закрытіемъ заведеній кантонистовъ сдѣлалось уже невозможнымъ. Кромѣ того, въ виду предположенія объ отмѣнѣ переселенія изъ Сибири дѣтей евреевъ не ссыльныхъ, высылка таковыхъ дѣтей во внутреннія губерніи съ разрѣшенія г. министра внутр. дѣлъ пріостановлена. При таковомъ исключительномъ положеніи дѣла, касающаго не однихъ лишь исключенныхъ изъ кантонистовъ евреевъ, но и всѣхъ вообще еврейскихъ дѣтей, происходящихъ какъ отъ ссыльныхъ, такъ и другихъ состояній евреевъ, коимъ жительство въ Сибири дозволено, совѣтъ главнаго управленія находитъ, что указъ прав. сен. отъ 28 іюля 1859 о зачисленіи уволенныхъ изъ кантонистовъ еврейскихъ дѣтей въ тѣ губерніи, откуда родомъ отцы ихъ, къ исключеннымъ здѣсь и записаннымъ уже при семействахъ родителей евреямъ кантонистамъ прилагаемъ быть не можетъ, впредь пока не получится ожидаемое отъ министерства госуд. имущ. разрѣшеніе на сдѣланныя оному со стороны глав. управл. Вост. Сибири представленія; а потому совѣтъ сего управленія и полагаетъ дать знать объ этомъ Забайкальскому областному правленію, также увѣдомить прочихъ начальниковъ губерній и областей Вост. Сибири, и обо всемъ этомъ съ представленіемъ списка съ его журнала довести до свѣдѣнія г. министра госуд. имуществъ, прося разрѣшенія: должно ли принять здѣсь къ исполненію упомянутый указъ правит. сен., не ожидая разрѣшенія по предположеніямъ объ отмѣнѣ переселенія изъ Сибири вообще еврейскихъ дѣтей».

А. Линьковъ.

Тагарское озеро, какъ лечебный курортъ.*)

Тагарское озеро находится въ 14 верстахъ къ югу отъ г. Минусинска, Енисейской губ., въ 7 верстахъ отъ рѣки Енисея.

Изъ города Минусинска къ озеру ведутъ три дороги, изъ которыхъ правая наиболѣе удобна для передвиженія, такъ какъ идетъ по сравнительно ровной мѣстности; здѣсь меньше холмовъ и они не такъ круты. По средней дорогѣ удобно ѣздить съ озера въ городъ, такъ какъ дорога почти все время идетъ «подъ гору». Лѣвая дорога очень песчана; это—трактъ, идущій въ село Лугавское.

Само собой понятно, что желательно бы одну изъ этихъ дорогъ выровнять, довести до необходимой ширины,—тѣмъ болѣе это необходимо сдѣлать, что крестьяне-арендаторы пріозерной казенной земли своими распашками уничтожаютъ правую и среднюю дорогу. Ѣзда по распаханной новинѣ сопряжена съ большой «тряской». Я хорошо помню тѣ неудовольствія, которыя высказывались курортными обывателями по поводу распашки дорогъ.

Тагарское озеро расположено въ котловинѣ, образуемой рядомъ невысокихъ горъ, напр. Кривинскимъ кряжемъ, Песчаными холмами и плоскогоріями. Въ этой котловинѣ расположено нѣсколько озеръ, изъ которыхъ всѣ прѣсныя, кромѣ Тагарскаго. Съ возвышенностей пріозерной мѣстности хорошо видны Саянскія горы съ ихъ вершинами, на которыхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ еще бѣлѣютъ снѣга; разстояніе до этихъ горъ значительное—около 150 верстъ, но чистый воздухъ даетъ возможность разсматривать даже детали горъ и при томъ невооруженнымъ глазомъ.

Въ южной и юго-восточной части около озера когда то были значительные лѣса, а теперь остались только молодняки, да и тѣ скоро исчезнутъ, потому что крестьяне не думаютъ ихъ сохранять.

Свѣдѣній о Тагарскомъ озерѣ въ литературѣ мало, если не считать газетныхъ упоминаній.

Первый, кто далъ въ печати свѣдѣнія объ озерѣ,—это Енисейскій губернаторъ Степановъ въ извѣстной книгѣ «Ени-

*) Настоящая статья написана въ 1914 году и представляетъ докладъ для одного ученаго общества въ Иркутскѣ; но докладъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, въ свое время не состоялся. А. Л.

сейская губернія», изданной въ 1835 году. Я цѣликомъ приведу свѣдѣнія Степанова.

«Тагарское (озеро) между Енисеемъ и устьемъ рѣки Лугажи (Лугавки?); окружность его двѣ версты 400 саженъ; окрестность составляютъ холмы; берега наполнены прѣсными источниками. Разсолу въ немъ обыкновенно 1 1/2 аршина; соль же осѣдаетъ при уменьшеніи онаго до половины. Свойство сей соли найдено не способнымъ къ употребленію. Оба сіи озера (Тагарское и Степное) самосадочныя» (стран. 49-я).

Въ настоящее время всѣ свѣдѣнія о Тагарскомъ озерѣ черпаются изъ маленькой брошюрки врача К. М. Онисимова, напечатаной въ 1909 году. Брошюрка эта, 13 стран. in 8, имѣла своей цѣлью «обратить вниманіе изслѣдователей на Тагарское озеро и помочь больнымъ ориентироваться и хотя приблизительно составить себѣ представленіе о минеральныхъ свойствахъ Тагарской воды и условіяхъ жизни на озерѣ».

Въ брошюркѣ врача Онисимова приведенъ химическій анализъ Тагарской воды, сдѣланный проф. К. Шмидтомъ (напечатанъ въ «Справочной книгѣ для врачей», т. I, изд. медицинскаго департамента 1890 года, стр. 221). На основаніи этого анализа г. Онисимовъ и дѣлаетъ выводы, такъ сказать a priori, о томъ, при какихъ болѣзняхъ можетъ быть полезнымъ то или иное употребленіе воды и грязи Тагарскаго озера.

Въ концѣ брошюрки приведено нѣсколько анкетныхъ свѣдѣній о результатахъ леченія на озерѣ больныхъ въ сезонъ 1908 года.

Брошюрка г. Онисимова въ сущности ничего не изслѣдуетъ, не предлагаетъ какихъ либо мѣропріятій для улучшенія дѣла, а только лишь констатируетъ положеніе вопроса въ опредѣленный моментъ.

Я не касаюсь газетнаго матеріала о Тагарскомъ озерѣ. Это въ большинствѣ случаевъ поверхностныя корреспонденціи, отмѣчающія лишь выдающіяся явленія курортной жизни. Нынче, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ одной Томской газетѣ (№ 138) было напечатано сообщеніе, что, дескать, «въ окрестностяхъ озера и по берегамъ его замѣчается довольно странное явленіе—появились въ огромномъ количествѣ самыя разнообразныя змѣи. Змѣи ползаютъ въ травѣ, переплываютъ пріозерные заливы, заползаютъ въ жилища. Зарегистровано нѣсколько случаевъ укусовъ животныхъ и людей. Старожилы объясняютъ массовое появленіе змѣй «плохимъ пусканіемъ

паловъ». «Змѣиное лѣто», по мѣстнымъ повѣрьямъ, считается плохимъ признакомъ въ смыслѣ грядущаго урожая».

Гвоздемъ корреспонденціи, какъ видно, является массовое нашествіе разнообразныхъ змѣй. Я жилъ на озерѣ почти весь іюнь, постоянно бродилъ по окрестностямъ, и ни разу не слыхалъ и не подозрѣвалъ, что кругомъ змѣи, да еще разнообразныя...

Есть еще документы, говорящіе о томъ, что когда-то, въ сѣдую старину, на берегахъ Тагарскаго озера кипѣла жизнь человѣка бронзоваго вѣка. Документы эти — могильные тумулусы, которыхъ я насчиталъ свыше 200, разбросанные и въ одиночку и кучками, и усѣянные менгирами. Съ возвышенностей Кривинскаго кряжа менгиры кажутся какъ бы стадомъ пасущихся овецъ... Часть могильниковъ уже вспахана, по другимъ проложены дороги, а на нѣкоторыхъ построены заимки и скотные дворы. Тумулусы — различной величины: отъ поларшина до 3 саженъ. Нѣсколько могильниковъ раскопано, другіе размыты водой, но большинство отлично сохранилось. Менгиры обычно окружаютъ центръ могильника; число ихъ колеблется между 4 и 8. Менгирамъ иногда придается символическое значеніе; этимъ, напр., объясняютъ различныя изображенія на менгирахъ, самую форму камня продолговатую. Я, конечно, не отрицаю символики менгировъ, но въ постановкѣ ихъ, мнѣ думается, первобытный человѣкъ руководился и практическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что разстановка и посадка менгировъ ясно указываетъ, что они имѣли цѣлью закрѣпить насыпанный холмъ земли и оберечь его отъ сильныхъ вѣтровъ, дующихъ въ степныхъ мѣстностяхъ. Такое объясненіе менгировъ можетъ примириться съ любой формой менгировъ — круглой, продолговатой, въ видѣ плиты и т. п. Тагарскіе менгиры не поражаютъ величиной, самый большой изъ нихъ — 2 аршина высоты, не считая фундаментальной части, скрытой въ землѣ. Судя по строенію породы, менгиры добывались изъ Кривинскаго кряжа.

Другой нѣмой памятникъ Тагарскаго озера — это слѣды бывшаго здѣсь солеваренаго завода; осталась яма, куски и листы желѣза и полуразвалившіяся постройки для помѣщенія служащихъ завода. Какъ говорятъ, заводъ закрытъ больше 20 лѣтъ тому назадъ. Въ дѣлахъ Минусинскаго лѣсничества, въ вѣдѣніи котораго находится Тагарское озеро, я не нашелъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ заводѣ.

Тагарское озеро — небольшое, въ окружности около 4 верстъ, длина — версты полторы, ширина — немного меньше

версты. Наибольшая глубина, найденная мной, не превышаетъ одной сажени.

Уровень его находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ атмосферными осадками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года было нѣсколько жаркихъ дней, безъ осадковъ,—и уровень озера значительно понизился. Въ виду этого, нѣтъ основаній особенно довѣрять разсказамъ, что озеро питается какими то подземными ключами. Впрочемъ, въ доказательство существованія ключей обычно приводятъ тотъ фактъ, что въ различныхъ слояхъ воды озера разнообразная температура. Это, дескать, струи различныхъ ключей. Но сколько я ни искалъ этихъ ключей, не могъ ихъ обнаружить. Различная же температура слоевъ воды зависитъ отъ обычныхъ физическихъ законовъ перемѣщенія нагрѣтыхъ и холодныхъ частей воды.

Какихъ либо особенныхъ теченій въ озерѣ нѣтъ; вода обычно движется по направленію вѣтра. Такъ какъ озеро со всѣхъ сторонъ окружено горами и возвышенностями, то сильные вѣтры и ураганы не вздымаютъ большихъ валовъ; въ такую погоду возможно даже купаться.

При пониженіи уровня озера обнаженная береговая полоса принимаетъ бѣлесоватый видъ, это—налетъ озерной соли.

Въ трехъ мѣстахъ по берегу растетъ высокій камышъ, въ зарослях котораго турпаны выводятъ дѣтенышей. Остальные берега озера покрыты травой, среди которой необходимо отмѣтить одинъ видъ хвоща, которымъ натираются больные ревматизмомъ, или кладутъ его въ ванну.

Дно озера мягкое, «какъ пухъ», но этотъ пухъ толщиной не больше полуторыхъ четвертей, а дальше идетъ твердый грунтъ. Пухъ, надо полагать, образовался отъ гніющихъ водорослей и частицъ чернозема, который приносится въ озеро вѣтрами съ окружающихъ черноземныхъ полей. Поверхъ пуха дно покрыто какъ бы тонкими листиками особой тины, которая отъ дѣйствія солнечныхъ лучей поднимается на поверхность озера. Листики эти содержатъ массу мелкихъ ракообразныхъ животныхъ. Я пробовалъ привезти въ Иркутскъ для изслѣдованій большую стклянку тины, но дорогой стклянку разорвало; очевидно оказалось большое скопленіе газовъ.

Пухъ въ сущности и есть та грязь, которую употребляютъ больные для натираній. Но практически установлено, что наиболѣе помогаетъ та грязь, которая находится у самаго берега. Въ этой грязи въ іюнѣ мѣсяцѣ появляется значительное количество червей, у которыхъ одна конечность въ формѣ усика; въ хорошую погоду можно видѣть, какъ

черви выставляютъ наружу изъ грязи свои «усики». Черви постоянные обитатели грязи; здѣсь они умираютъ и гніютъ.

Натираніе тѣла грязью—общепринятое леченіе больныхъ ревматизмомъ. Я лично только одинъ разъ мазался грязью; вся кожа на тѣлѣ быстро сдѣлалась мѣдно-красною и какъ бы «горѣла». Вмѣсто мазанія больные иногда просто лежатъ въ грязи.

Тина, пухъ и грязь пока совершенно не изслѣдованы химически. Нѣсколько лучше въ этомъ отношеніи обстоитъ дѣло съ Тагарской водой.

Вода озера—чистая, прозрачная; сильно горькосоленая. Въ справочной книгѣ для врачей, изданной 1890 году, т. е. 24 года тому назадъ, помѣщенъ химическій анализъ Тагарской воды, сдѣланный проф. К. Шмидтомъ. Мнѣ неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и когда именно произведенъ Шмидтомъ указанный анализъ воды. Во всякомъ случаѣ это было давно.

Анализъ Шмидта касается осадка, полученнаго отъ кипяченія воды. Въ этомъ осадкѣ оказалось въ 100 частяхъ:

сѣрнокислаго калія	0,331
« натрія	71,407
« кальція	3,061
хлористаго натрія	6,648
« магнія	10,559
бромистаго магнія	0,020
углекислой извести	0,126
окиси желѣза	0,127
« магнія	0,079
глинозема и кремнезема	0,046.

Можно предполагать, что, помимо анализа Шмидта, были и другія попытки химически опредѣлить составъ Тагарской воды, но только результаты этихъ попытокъ мнѣ неизвѣстны. Такъ, бывшій Минусинскій лѣсничій А. А. Строгій «куда то» посылалъ воду для изслѣдованій. По словамъ Инпокентія Осодосьевича Сивкова, живущаго сейчасъ на Тагарскомъ курортѣ, Ачинскій врачъ Н. С. Глейхенгаузъ изслѣдовалъ воду трехъ озеръ: Широ, Тагарскаго и Учума. Глейхенгаузъ нашелъ, что вода Тагарскаго озера по содержанію натровыхъ и радіевыхъ солей выше озера Широ на 42%, а озера Учума даже на 75%.

Все это, разумѣется, не твердыя данныя; было бы желательно произвести анализъ тины, грязи и воды теперь и при томъ на мѣстѣ. Безъ такого анализа невозможно раціональное лѣченіе, будутъ только опыты.

Средняя температура воды озера съ 1 іюня по 15 августа колеблется отъ 17 до 19° по Реомюру. Само собой понятно, что на озерѣ не ведется систематическихъ измѣреній температуры воды, какъ и метеорологическихъ наблюденій.

По словамъ врача Онисимова, «единственнымъ обитателемъ озера является ракообразное существо длиною до сантиметра и шириною до одного миллиметра; отъ укусовъ этимъ организмомъ появляется локализированный зудъ на кожѣ тѣла». Въ дѣйствительности въ озерѣ обитаетъ не одно ракообразное существо, а нѣсколько видовъ, напр. болотныя вши, животное вродѣ небольшой миноги, черви и др.

«Купанье на озерѣ производятъ на тѣло весьма пріятное дѣйствіе. Въ первый моментъ послѣ погруженія въ воду ощущается легкій холодъ, быстро смѣняющійся согрѣваніемъ, которое затѣмъ продолжается до окончанія купанія. Пребываніе въ водѣ озера настолько пріятно, что многіе купаются 15-20 минутъ»,[1]) а есть и такіе, которые купаются часами. Плаваніе въ Тагарской водѣ легко, но на первыхъ порахъ чувствуется сердцебіеніе. Я, напр., въ первое время съ трудомъ могъ проплыть саженъ 10—15; но съ теченіемъ времени сердцебіеніе исчезаетъ, и я черезъ 2 недѣли купанья могъ переплывать озеро туда и обратно.

«Послѣ купанія чувствуется слабая усталость, у нѣкоторыхъ появляется головокруженіе, и по всему тѣлу распространяется ощущеніе нѣжнаго жженія. На волосахъ послѣ купанья получается осадокъ солей; волосы становятся жесткими и трудно расчесываемыми».[2])

При страданіяхъ желудка больные принимаютъ воду внутрь, такъ примѣрно, по чайному стакану въ сутки. Дѣйствіе воды—слабительное.

Воду и грязь употребляютъ на ванны для такихъ больныхъ, у которыхъ слабо сердце, или требуется температура большая, чѣмъ въ озерѣ. Послѣ теплыхъ ваннъ на стѣнкахъ постепенно образуется довольно значительный соляной налетъ.

Съ незапамятнаго времени жители Минусинскаго округа знали о цѣлебныхъ свойствахъ Тагарскаго озера и пользовались имъ. Лѣтомъ сюда съѣзжались больные, устраивали палатки, а то и прямо жили подъ открытымъ небомъ. Бараки появились только въ послѣднее время. Еще и теперь пріѣзжіе изъ деревень живутъ въ палаткахъ и телѣгахъ.

---

[1]) К. М. Онисимовъ, op. cit., стр. 3.

[2]) К. М. Онисимовъ, ibid.

Бараки принадлежатъ казнѣ и частнымъ лицамъ, общее число ихъ 35; въ 4 казенныхъ помѣщеніяхъ живетъ объѣздчикъ и имѣется 14 номеровъ для пріѣзжихъ больныхъ. Домъ объѣздчика и казенная казарма—полуразвалины. 31 частный баракъ—наскоро построенныя лачужки изъ теса, брусьевъ, бревенъ и т. п. Въ этихъ помѣщеніяхъ пробиваетъ дождемъ и гуляетъ вѣтеръ. Хорошихъ домовъ не строятъ потому, что боятся «краснаго пѣтуха». Разсказываютъ, что «не такъ давно» здѣсь былъ построенъ хорошій жилой домъ, но зимой его «спалили» крестьяне.

Плата за проживаніе въ этихъ баракахъ берется не помѣсячно, а за весь сезонъ и колеблется отъ 15 до 35 рублей. Это не дорого. Казенная казарма сдавалась раньше за 57 рублей, но теперь этотъ хламъ пустуетъ; казенные номера ходятъ по 17 рублей и то же почти цѣликомъ пустуютъ, такъ какъ очень неудобно построены и безпризорно содержатся: въ одномъ изъ номеровъ ласточка свила гнѣздо.

Въ мѣстѣ расположенія бараковъ имѣются два колодца, но въ одномъ вода горькосоленая, а въ другомъ—ея мало и нѣсколько мутная; колодезная вода идетъ на пойло скоту, мытье половъ и т. д. Для питья воду привозятъ съ р. Енисея и платятъ по 2—3 коп. съ ведра.

Купальни и ванныя помѣщенія расположены вблизи берега съ сѣвера и сѣв.-западной стороны, всѣхъ ихъ 25 и принадлежатъ частнымъ лицамъ. Купальни служатъ только для раздѣванія и одѣванія, а самое купанье бываетъ въ озерѣ. Ванны отпускаются по 30 копѣекъ.

Подъ курортныя постройки казной отведено 15 десятинъ 800 кв. саж.; вся эта земля раздѣлена на участки, которые и сдаются въ аренду по двѣ копѣйки за квадратную сажень. Всей арендной платы за участки получается 160 рублей въ годъ.

Всѣхъ лицъ, проживающихъ на Тагарскомъ курортѣ, Минусинское лѣсничество обязываетъ соблюдать слѣдующія правила:

1) «Безусловно воспрещается купаніе лошадей и собакъ въ озерѣ. Стирка, полосканіе бѣлья, выливаніе грязной воды изъ ваннъ прямо въ озеро, а также бросаніе, сваливаніе, выливаніе или проведеніе веществъ, дѣлающихъ ее не пригодною для купанія Лица, виновные въ этомъ, будутъ привлекаться къ законной отвѣтственности по ст. 111 Устава о наказ., налаг. мировыми судьями, по продолженію 1893 г. 2) Въ виду недостатка прѣсной воды во время лѣтняго сезона, лицъ, не проживающихъ на озерѣ, водой изъ колодца

просять не пользоватся. 3) За всякое, хотя бы временное, занятіе мѣста, впредь до сдачи участковъ въ аренду на 48 лѣтъ, какъ напримѣръ, подъ палатки, ограду для лошадей и проч. необходимо уплачивать по 50 коп. съ занимаемой квадр. сажени. 4) За каждую пасущуюся лошадь и корову (обязательно на привязи) уплачивать въ доходъ казны по 1 руб. съ головы—за сезонъ. 5) Арендную плату за помѣщеніе и занятыя мѣста просить обязательно внести къ 1 іюля текущаго года.»

Правила эти вывѣшиваются, какъ «объявленіе» и не имѣютъ обязательной силы, что весьма важно въ отношеніи пункта 1, имѣющаго въ виду оградить озеро отъ загрязненія нечистотами. Нарушенія этого пункта бываютъ и остаются безнаказанными. Были 3 случая привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности по 111 ст. Устава о наказ.; мировой судья приговаривалъ къ штрафу, а окружный судъ не «находилъ состава преступленія».

Жизнь на курортѣ протекаетъ тихо; никакихъ развлеченій, кромѣ пусканія фейерверковъ и катанья на лодкѣ.

Продукты не дороги и въ изобиліи доставляются изъ окрестныхъ деревень. Есть одна кухмистерская, изъ которой обѣды отпускаются по 15 рублей въ мѣсяцъ.

Во время лѣтняго лѣчебнаго сезона 1908 года, по иниціативѣ лѣсного ревизора А. А. Строгаго и врача Я. Фурмана, больнымъ были розданы опросныя карточки, въ которыхъ они отмѣчали свою личность, родъ болѣзни и результатъ леченія. Въ дѣлѣ Минусинскаго лѣсничества имѣется 26 карточекъ за 1908 годъ и 13 за 1909 годъ. Въ послѣдующіе года такихъ наблюденій не дѣлалось. Только нынче лѣснічій Ст. А. Александровъ снова предложилъ больнымъ такіе же карточки, результатъ которыхъ мнѣ неизвѣстенъ.

Сезонъ 1908 года.

1. Вѣра Алексѣевна Яхонтова, 3 лѣтъ, въ теченіи мѣсяца брала ванны и совершенно оправилась отъ англійской болѣзни, которой страдала 2 года.

2. Узуновъ Николай, $3^1/_2$ лѣтъ, болѣвшій «съ дѣтства» экземой, около мѣсяца принималъ ванны, отъ чего получился «удовлетворительный» результатъ.

3. Байзуллинъ Хабибулла, 11 лѣтъ, изъ с. Восточнаго, Минусинскаго уѣзда, «съ дѣтства» болѣлъ «золотухой въ сильной степени»; въ теченіи трехъ сезоновъ купался въ озерѣ; получилъ «значительное улучшеніе».

4. Смирновъ Степанъ, 12 лѣтъ, изъ Минусинска, «съ малолѣтства» имѣлъ «золотушное состояніе»; относительно результата леченія въ карточкѣ сказано: «много чувствуется», —надо полагать, облегченія. Способъ леченія — купанье.

5. Смирнова Олимпіада, 12 лѣтъ, изъ Минусинска, «со дня рожденія» страдала «золотухой и малокровіемъ». Лечилась на озерѣ въ прежніе годы. Въ 1908 году купалась съ съ мѣсяцъ, послѣдствія — «хорошія».

6. Бурова Александра, 18 лѣтъ, прислуга, изъ Минусинска, въ теченіи года болѣла ревматизмомъ. Купалась и грязью натиралась въ теченіи мѣсяца, отъ чего «чувствуетъ себя лучше».

7. Муратовъ Филиппъ, 19 лѣтъ, чернорабочій, изъ дер. Жерлыкъ, Кочергинской волости, Минусинскаго уѣзда. 4 года болѣлъ ревматизмомъ; кромѣ того, имѣется порокъ сердца. Отъ сердца лечился по совѣту врача, а отъ ревматизьма — по личному желанію. По 3 раза въ день натирался грязью и 4—5 разъ купался. Черезъ 2 недѣли леченія «чувствую не лучше и не хуже, во время мазанья грязью ужасно жгло тѣло и появлялась краснота».

8. Фердель Анна, 29 лѣтъ, имѣетъ торговлю въ Томскѣ. Ревматизмъ въ сильной степени, такъ что «не могла нисколько стоять на ногахъ». Лечиться пріѣхала по совѣту прив.-доцента П. П. Дачевскаго. Купалась и мазалась грязью $1^1/_2$ мѣсяца. Результатъ: «несравненно лучше, въ вѣсѣ потеряла 6 фунтовъ, сердце сдѣлалось слабѣе, нервы расшатались, и прежде было нервное разстройство».

9 Маляновкій Яковъ, 35 лѣтъ, Тагарскій обывздчикъ; «былъ сильный ревматизмъ и опухъ въ ногахъ и рукахъ» въ продолженіи трехъ лѣтъ. Лечился, по совѣту врача г. Ерошинскаго, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ—купался въ день по 6—7 разъ и грязью мазался 4—5 разъ. Совершенно поправился. Лечился Маляновскій въ 1901 году, съ тѣхъ поръ, въ теченіи 7 лѣтъ, ревматизмъ не возобновлялся.

10. Силинъ Павелъ, псаломщикъ с. Илань, Канскаго уѣзда, 35 лѣтъ; 5 лѣтъ страдалъ ревматизмомъ и сердцебіеніемъ. Лечился 15 дней—мазался грязью и купался по 2—3 раза въ день. «Чувствую много лучше, по вѣсу прибыло 3 фунта».

11. Логиновъ Ефимахъ Ильичъ, 37 лѣтъ, чиновникъ изъ Красноярска; страдалъ застарѣлымъ ревматизмомъ и разстройствомъ нервной системы въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Раньше лечился въ сезонъ 1897 года. Теперь отъ ревматизма поправился въ три недѣли—купаньемъ и грязями.

12. Осетровъ Михаилъ, 37 лѣтъ, плотникъ изъ Красноярска. Болѣзнь — «простуда и надсадился»; болѣлъ 2½ года; «совсѣмъ плохо ходилъ». Два мѣсяца купался и мазался грязью. Результатъ: «здоровъ, мало чувствую боли и то только въ лѣвой ногѣ.»

13. Сиротининъ Евграфъ Семеновичъ, 37 лѣтъ, желѣзнодорожный служащій изъ Красноярска. Ревматизмъ въ ногахъ въ теченіи 6 лѣтъ. Купался и мазался грязью мѣсяцъ. «Чувствую лучше и много сдѣлалось легче».

14. Устюговъ Дмитрій Петровичъ, 39 лѣтъ, канцелярист изъ Минусинска; болѣлъ мышечнымъ ревматизмомъ. По совѣту врача купался и мазался грязью 52 дня, совершенно оправился.

15. Ерлинцъ Федоръ, 40 лѣтъ, чернорабочій; болѣлъ 20 лѣтъ ревматизмомъ и «глазной болью». Въ прежніе годы лечился на озерѣ и получалъ облегченіе, а послѣ сезона 1908 года «даже не стало чувствоваться болѣзни» ревматизма.

16. Файзуллина Софья, 40 лѣтъ, жена кумысника изъ села Восточенскаго, Минусинскаго уѣзда; болѣла 6 – 7 лѣтъ ревматизмомъ. Три сезона купалась и получила «улучшеніе».

17. То же самое и у мужа Калины Файзуллина, 41 года, болѣвшаго общимъ ревматизмомъ и въ ногахъ 3 — 4 года.

18. Шипулинъ Николай Николаевичъ, 42 лѣтъ, землемѣръ Минусинскій. Вслѣдствіе переутомленія и слабости сердца—упадокъ силъ и увеличеніе печени. Въ 1907 году лечился съ 8 іюня по 8 августа купаньемъ и принялъ 12 грязевыхъ ваннъ. Результаты были «блестящіе».

19. Бяковъ Илья, 48 лѣтъ, изъ с. Бейскаго, Минусинскаго уѣзда. Страдаетъ 10 лѣтъ ревматизмомъ, съ 14 февраля 1907 года разстройствомъ нервной системы и съ января 1908 года головными болями. Лечиться пріѣхалъ по совѣту врача Докукина. За недостаткомъ помѣщенія лечился только восемь дней, купался и мазался грязью. Получилъ „нѣкоторое облегченіе головной боли, въ частности и ревматизма". На этой карточкѣ есть характерная приписка:

«За неимѣніемъ даже самаго примитивнаго помѣщенія, къ несчастью такихъ бѣдняковъ, какъ я, приходится прекращать леченіе, несмотря на то, что съ каждымъ днемъ замѣчаешь улучшеніе здоровья. Бѣдняки (неграмотные) въ лицѣ моемъ просятъ администрацію озера позаботиться объ участи страдальцевъ—устроить хотя бы какое нибудь помѣщеніе: нѣкоторые пришли или привезены на костыляхъ, а теперь обходятся безъ помощи ихъ. Ютились и ютятся,

Богъ знаетъ, гдѣ. Не можетъ же калѣка-ревматикъ сдѣлать сбереженія и ѣхать на благоустроенные курорты».

20. Павловъ Иванъ, 48 лѣтъ, сапожникъ и рыбакъ изъ Минусинска. Болѣетъ около 10 лѣтъ «ревматизмомъ конечностей, болями въ позвоночномъ столбѣ и глазами.» По совѣту врача Домбровскаго, началъ лѣчиться на озерѣ въ 1907 году. До этого времени глазная боль препятствовала работать. Послѣ купаній и теплыхъ ваннъ «сталъ работать». Въ 1908 году лечился съ 15 іюня по 19 іюля. «Ревматизма конечностей не стало, боль въ позвоночномъ столбѣ облегчилась, зрѣніе значительно улучшилось.»

21. Минскій Иванъ, 50 лѣтъ, овечій пастухъ изъ д. Жерлыкъ, Минусинскаго уѣзда, 4 года болѣлъ ревматизмомъ: «былъ безъ движенія, безъ посторонней помощи ничего не могъ дѣлать». 2 мѣсяца купался и мазался грязью, по совѣту врача Н. Н. Николаевскаго Съ 3-го купанья почувствовалъ лучше, а къ концу совсѣмъ оправился.

Въ нынѣшній сезонъ (1914 г.) Минскій опять пріѣхалъ лечиться отъ ревматизма, которымъ отъ простуды заболѣлъ въ прошломъ году. Теперь оправляется.

22. Михайловская Марія, 50 лѣтъ, жена преподавателя духовной семинаріи, изъ Томска; болѣетъ застарѣлымъ ревматизмомъ и нервнымъ переутомленіемъ. Купалась въ хорошую погоду. «Чувствуется нѣкоторое улучшеніе».

23. Лѣшкова Анфиса, 50 лѣтъ, нищенка изъ Минусинска. Болѣла ревматизмомъ и золотухой 20 лѣтъ. Купалась 125 разъ и грязью натиралась 15 разъ. «Чувствую много лучше, но не совсѣмъ» оправилась.

24. Васильева Федула, 50 лѣтъ, стряпка изъ Красноярска. Два года страдаетъ ревматизмомъ. Купалась и натиралась грязью по 3—4 раза въ день. «Много лучше чувствуется».

25. Безпрозванный Павелъ, 66 лѣтъ, чернорабочій. Ревматизмъ 20 лѣтъ. Лечился два сезона. «Уничтожилась ломота и болѣзни не сталъ слышать».

26. Молонцевъ Алексѣй, 76 лѣтъ, Минусинецъ. Ревматизмъ 25 лѣтъ. Купался и мазался грязью 2 недѣли. «Облегченія не чувствую».

Сезонъ 1909 года.

1. Копыринъ Яковъ, 66 лѣтъ, въ Минусинскѣ домовладѣлецъ. Ушибъ колѣно года полтора назадъ. Лечился, по совѣту врачей два, сезона—купаньемъ по 4—10 минутъ при

температурѣ воды 20—24°Р. «Боли совершенно утихли и нервы окрѣпли, которые были доведены до невозможнаго; вѣсъ, полагаю, убылъ (не вѣсился), потому аппетитъ былъ слабъ; по случаю жаровъ питья требовалось много. Ходить могу безъ пристали и утомленія до 10 верстъ, а ранѣе 2—3 версты съ трудомъ. Воздухъ соленый дѣйствуетъ на легкія хорошо: будто бы дыханіе облегчается отъ одышки».

2. Багаева Евдокія, 22 лѣтъ, крестьянка—чернорабочая. Ломота въ сильной степени въ правой ногѣ, во всѣхъ костяхъ, груди, шеѣ, позвоночномъ столбѣ; руки и правая нога сведены; ходила на костыляхъ. Болѣзнь въ теченіи 5 лѣтъ усиливалась. Купалась и приняла 20 ваннъ по 30°Р. «Ломота уничтожилась,» руки и ноги свободно дѣйствуютъ, «хромоты нѣтъ»; «нервно чувствую хорошо»; «на первой ногѣ есть еще опухоль, но безболѣзно». Раньше больная «лежала 4 мѣсяца въ Красноярской больницѣ, пользы не было, хотя послѣ ваннъ опухоль спала, но возобновилась ломота, которая и продолжалась до сего времени».

3. Губанова Анна, 45 лѣтъ, крестьянка, живетъ на Владимирскомъ заводѣ Колобова. «Мышечный ревматизмъ отъ пятъ до бедеръ» и невралгія, болѣетъ 2 года «Лечилась на оз. Широ въ 1907 г. ваннами, массажемъ и электричествомъ. На Тагарскомъ озерѣ «черезъ 12 день почувствовала прекрасно», на 13-й день выѣхала въ городъ. Лечилась купаньемъ, грязью и массажемъ.

4. Васильева Федула, см. прошлый сезонъ подъ № 27. Нынче купалась, мазалась грязью, которую въ тепломъ видѣ прикладывала къ рукамъ и ногамъ и бинтовала ихъ; кромѣ того, пила воду. «Совершенно чувствую себя здоровой отъ ревматизма». Раньше была «нервно разстроена», теперь—окрѣпла.

5. Вильнеръ Настасья, 67 лѣтъ. крестьянка, жительство въ Минусинскѣ. Ревматизмъ, ожиреніе и ушибъ ноги въ колѣнѣ—«много лѣтъ». Раньше изрѣдка ѣздила на озеро купаться, нынѣ жила 2 мѣсяца—ванны принимала и грязью мазалась. «Чувствую себя очень легко; ревматизмъ и ожиреніе прошли, но ушибъ колѣнка по старому болитъ».

6. Павловъ Иванъ, см. сезонъ 1908 г., № 20. Лѣчился съ 20 мая по 17 іюня купаньемъ. «Въ прошломъ году осталась боль въ позвоночникѣ, нынче же боли не ощущается».

7. Вильнеръ Яковъ, 7 лѣтъ, изъ Минусинска. Три года лишаи на головѣ. По совѣту врача, лечился 2 мѣсяца: купался, мазалъ голову грязью и мылъ водой. «Лишаи сошли».

8. Вильнеръ Маркъ, 68 лѣтъ, изъ Минусинска. Застарѣлый ревматизмъ. 2 мѣсяца купался и грязью мазался. «Чувствую нѣсколько лучше, но не совсѣмъ» оправился.

9. Курышева Татьяна, 58 лѣтъ, изъ с. Бейскаго, Мин. у. Ломота рукъ и ногъ съ февраля 1909 года. Купалась и мазалась грязью. «Руками могу работать свободно и ноги, слышу, что отошли».

10. Гладиева Валентина Ивановна, учительница, 21 года, изъ Томска. Заболѣла въ маѣ первымъ разстройствомъ, сопровождавшимся сильными конвульсивными подергиваніями и общимъ упадкомъ силъ. По совѣту врача И. И. Цвѣткова, лечилась 25 дней—купаньями и грязями. «Замѣтно улучшеніе, подергиванія исчезли, чувствую себя значительно бодрѣе».

11. Файзуллинъ Хабибулла Гайнулловичъ, 12 лѣтъ, изъ с. Восточенскаго. Страдаетъ 6 лѣтъ золотухой, лечился 5 сезоновъ купаньями и совершенно оправился.

12. Горностаева Наталья, 55 лѣтъ, изъ Минусинска. Болѣетъ годъ ревматизмомъ. По совѣту врача, лечилась купаньями и грязью 1½ мѣсяца. «Лучше» стало, «организмъ окрѣпъ и пополнѣла».

13. Файзуллинъ Гайнулла, 42 лѣтъ, изъ с. Восточенскаго. Ревматизмъ 6 лѣтъ. Лечился 5 сезоновъ купаньями. «Нельзя сказать, чтобы было значительно лучше, но все таки чувствуется нѣкоторое облегченіе».

Сезонъ 1914 года.

Карточекъ не было. Записано со словъ больныхъ мной лично. Свѣдѣнія касаются и предыдущихъ сезоновъ.

1. Ромоноговъ Николай, 38 лѣтъ, Енисейскій мѣщанинъ. Долгое время жилъ въ Витимской тайгѣ по золотопромышленному дѣлу. Ревматизмъ въ сильнѣйшей степени, ходилъ съ помощью костылей. Лѣчился въ прошломъ году съ 17 мая по 17 іюня. Принялъ 20 ваннъ и почувствовалъ себя здоровымъ; на курортѣ жилъ еще 10 дней, но не лѣчился, а «такъ себѣ».

2. Мицкевичъ Кириллъ Андреевичъ, 40 лѣтъ, торговецъ изъ Красноярска. Это былъ очень больной человѣкъ. Страшная ломота въ конечностяхъ, на пальцахъ образовались наросты. «Я былъ совершенно мертвый,—не могъ двинуть своими членами». Лѣчился у докторовъ Коновалова, Пуло и Домбровскаго. Помощь была незначительная. Въ прошломъ году Мицкевичъ пріѣхалъ на Тагарское озеро, гдѣ пробылъ всего 3 недѣли съ небольшимъ. Лѣчился ваннами; черезъ 5 ваннъ

могъ «вскочить на табуретку; еще черезъ 2 ванны появилась гибкость на пальцахъ». Черезъ 11 ваннъ болѣзнь прошла. Нынче Мицкевичъ пріѣхалъ на озеро «покупаться на всякій случай», но болѣзни не чувствуетъ.

3. Смирновъ Василій, лѣтъ приблизительно 35, служащій въ Ачинскѣ по торговому дѣлу. Долгое время болѣлъ ревматизмомъ, «пятки отнимались». Лѣчился въ Томскѣ въ клиникѣ, ѣздилъ на Кавказъ, но поправиться не могъ. На Тагарское озеро пріѣхалъ въ 1912 году на костыляхъ. Принималъ ванны въ 1912 и 1913 годахъ. Оправился.

4. Спасскій Веніаминъ, лѣтъ 38, желѣзнодорожный служащій изъ Красноярска.

Интересное лѣченіе продѣлано было надъ этимъ Спасскимъ, страдавшимъ ревматизмомъ. Безъ посторонней помощи онъ не могъ вставать и двигаться. Въ это время на озерѣ проживала какая то знахарка, предложившая свой способъ исцѣлить больного. Конечно, если бы на озерѣ жилъ врачъ, подобнаго лѣченія не случилось бы. Въ томъ то и горе, что больные лѣчатся или «по своему разумѣнію», или по указкѣ другихъ лицъ, или какъ придется.

Знахарка научила: 1) взять каравай хлѣба, срѣзать его верхнюю корку, вырѣзать мякоть; 2) заварить на денатурированномъ спиртѣ тѣсто, которое вложить на мѣсто мякоти въ каравай, прикрыть и все это запечь въ жарко натопленной печи; 3) каравай вынуть изъ печи въ то время, когда тѣсто не «испечется», а будетъ липкимъ; этимъ тѣстомъ вымазать больныя мѣста Спасскаго, т. е. нижнюю половину тѣла до поясницы; 4) обмазанную тѣстомъ часть тѣла вставить въ печь, въ которой пеклось тѣсто, при чемъ рекомендовалось «поплотнѣе» вставить; это необходимо для «потѣнія».

Такъ и сдѣлали.

Въ печкѣ Спасскому сдѣлалось «нехорошо»; для облегченія полили водой. Но когда стало не втерпежь, больной «вылетѣлъ» изъ печки, и, понятное дѣло, поблагодарилъ «благодѣтелей»...

Лѣчился Спасскій ваннами въ 35^0 и купаньемъ. Въ ваннѣ былъ минутъ 15, при чемъ за это время два раза выходилъ для купанья въ озеро (такъ примѣрно, по 2 минуты). Въ день принималось 2 ванны, въ которыя немного прибавляли овса или овсяной соломы. Поправился въ 1 мѣсяцъ.

5. Дарья Рендюкъ, 17 лѣтъ, изъ дер. Нововознесенской, Шушенской волости. Ревматизмъ съ ломотой въ рукахъ и

ногахъ. Въ прошломъ сезонѣ приняла 3 ванны и съ мѣсяцъ купалась. Было значительное облегченіе. Дома на осенннихъ работахъ снова заболѣла. Въ виду этого пріѣхала лѣчиться и въ настоящемъ году.

6. Гонартъ Александръ, сынъ польскаго повстанца, 30 лѣтъ, живетъ въ с. Каратузѣ. Сильнѣйшій ревматизмъ: ломота, страшныя судороги, ноги «стянуло», обѣ руки не дѣйствовали, пальцы «скрючило». Передвигался съ помощью костылей Въ 1913 году пріѣхалъ на Тагарскій курортъ, болѣзнь въ это время прямо «мучила. 12 ночей кряду не спалъ». Принималъ ванны. Въ концѣ четвертой недѣли стало легче, потомъ все лучше и лучше, а когда вернулся домой—всѣ болѣзненныя явленія исчезли. Нынче пріѣхалъ на озеро «просто покупаться», болей нѣтъ.

7. Дурневъ Степанъ, 18 лѣтъ, изъ с. Ермаковскаго, Минусинскаго уѣзда. Весь больной былъ, ломило руки и ноги, правую ногу совсѣмъ стянуло, на ногахъ ходить было нельзя. Въ прошлый сезонъ 2 недѣли купался. Отъ купанья на правой ногѣ образовался нарывъ, который скоро вскрылся а вмѣстѣ съ этимъ и «ногу опустило». Рана потомъ закрылась, но отъ ходьбы нѣсколько разъ открывалась. Рану лѣчили врачи «пластыремъ и питьемъ внутрь.» Отъ «купанья на ноги всталъ». Боли, хотя остались, но не такія сильныя. Нынче 3 недѣли живетъ на курортѣ, но «легче нѣтъ».

8. Брюхановъ Андрей, 19 лѣтъ, изъ с. Каратуза. Болѣетъ ревматизмомъ около 15 лѣтъ, въ костяхъ ломота; ходитъ съ помощью костылей. Въ прошломъ году въ теченіи мѣсяца купался (ваннъ не принималъ) и ломота прошла, но ходить безъ костылей не можетъ. Нынче пріѣхалъ «опять полечиться».

9. Мальцевъ Маркеллъ, 50 лѣтъ, изъ с. Каратуза. Застарѣлый ревматизмъ, ломота въ суставахъ, сильнѣйшія судороги, ходьба съ трудомъ. 4 сезона лечился купаньями и грязью. «Оказываетъ большую помощь: всю зиму живешь спокойно, только къ веснѣ чувствуешь начало болей» Послѣ грязи на тѣлѣ сыпь.

10. Межовъ Адріанъ, 40 лѣтъ, изъ д. Кочергинской. Летучій ревматизмъ въ тяжелой формѣ, затрудненіе въ ходьбѣ. Въ прошломъ году принялъ 20 ваннъ и совсѣмъ оправился.

11. Сивковы Иннокентій Ѳеодосьевичъ и жена Анна Философовна, 40 и 38 лѣтъ, занимаются торговлей въ Минусинскѣ; раньше Сивковъ работалъ въ канцеляріяхъ. Послѣ брюшного тифа онъ заболѣлъ сильнѣйшей кордіалгіей и ревматизмомъ съ ломотой въ ногахъ, такъ что съ трудомъ ходилъ. Лечился у врачей, напр. Корна. Помогала только вода

Вишн, но и то не особенно. Лечился въ прошломъ сезонѣ ваннами, грязью, купаньемъ и пилъ воду. За лѣтній сезонъ Сивковъ потерялъ 33 фунта вѣсу и совершенно опразился отъ болѣзней. Теперь выглядитъ крѣпкимъ и здоровымъ. На лѣто открылъ мелочную торговлю на курортѣ. Г-жа Сивкова съ 14-лѣтняго возраста страдала ревматизмомъ, сильно ослабѣла, потеряла аппетитъ, на ногахъ были язвы. Лѣченіе ваннами, купаньемъ и грязью «возвратило жизнь».

12. Бовыкинъ Михаилъ Степановичъ, лѣтъ 57, Красноярскій мѣщанинъ. Страшный катарръ желудка, изъ пищи могъ принимать только молоко пополамъ съ водой и въ день 3 раза ставилъ клизму. Къ довершенію бѣдствія у него была сломанная нога, такъ что ходилъ на костыляхъ. Въ прошломъ сезонѣ 5 недѣль лечился – купался и пилъ воду. Катарръ желудка совсѣмъ исчезъ; сломанная нога настолько поправилась, что явилась возможность оставить костыли. Излеченіе Бовыкина на окружающихъ произвело впечатлѣніе «чуда.»

13. Захаровъ Маркъ, 66 лѣтъ, изъ с. Шуша. 9 лѣтъ тому назадъ Захаровъ, подъ осень, поѣхалъ въ лѣсъ за бревномъ. Когда дерево было «взвалено» на телѣгу, но еще не было привязано, лошадь тронула и дерево покачнулась. Захаровъ поддержалъ его головой... Послѣ этого онъ потерялъ зрѣніе и 1 годъ 9 мѣсяцевъ былъ темнымъ. Случайно онъ пріѣхалъ на Тагарское озеро; въ первый день два раза посидѣлъ въ грязи, выкупался и промылъ глаза водой. Послѣ второй промывки «въ глазахъ что то лопнуло, какъ бы вродѣ резинки, и я увидѣлъ деревья, постройки и людей. Съ тѣхъ поръ зрѣніе не терялось.»

Нынче Захаровъ пріѣхалъ полечить „мокрецъ“ у лошади, и говоритъ, что „помогаетъ“

Чтобы сохранить Тагарскій курортъ на будущее время и дать возможность ему развиться, необходимо принять рядъ мѣръ слѣдующаго характера.

1) Количество земли подъ курортъ увеличить до 2-хъ верстъ отъ береговой зоны. Это легко сдѣлать, такъ какъ большая часть земли принадлежитъ казнѣ. Обмѣнять затѣмъ участокъ земли Кривинскихъ крестьянъ, примыкающій къ самому озеру. Вообще, владѣнія крестьянъ отодвинуть подальше отъ озера во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній. Въ нынѣшній сезонъ уже были эти недоразумѣнія, когда крестьяне требовали по десяткѣ за то, что лошадь, сорвавшись съ привязи, забѣгала ненадолго на крестьянскій хлѣбъ.

Кромѣ того, крупная площадь земли дастъ возможность разбить хорошій паркъ, недостатокъ котораго живо чувствуется въ жаркіе дни.

Удаленіе подальше крестьянскихъ владѣній необходимо особенно потому, что они распашками обнажаютъ землю и пески, которые затѣмъ вѣтромъ относятся къ озеру и загружаютъ его.

2) Объявить Тагарское озеро имѣющимъ общественное значеніе съ вытекающими отсюда послѣдствіями, на подобіе озера Широ.

3) Устроить казенный ванный корпусъ съ необходимымъ благоустройствомъ, такъ какъ существующія ванныя помѣщенія ниже всякой критики.

4) Выкопать хорошій колодезь или даже два для обезпеченія курорта питьевой водой.

5) Разбить паркъ.

6) Ходатайствовать передъ г. Начальникомъ края объ изданіи обязательнаго постановленія, которое бы могло обезпечить сохранность Тагарскаго озера отъ загрязненія нечистотами.

7) Укрѣпить пески на окружающихъ озеро холмахъ путемъ посадки деревьевъ и охраны существующей растительности.

8) Улучшить пути сообщенія съ г. Минусинскомъ.

9) Озаботиться объ охранѣ тумулусовъ и менгировъ.

Леонидъ Орловъ.

По Сибирскимъ архивамъ.

I.

«Черный купоросъ».

Среди разныхъ архивныхъ бумагъ мнѣ пришлось натолкнуться на нѣкоторые мелкіе, но интересные факты прошлой дѣйствительности, свидѣтельствующія о той или другой культурности сибирскаго населенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Вотъ, напримѣръ, любопытная мелочь о Черемховскомъ каменномъ углѣ, который назывался почему то «чернымъ купоросомъ».

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Иркутскаго губернскаго правленія, Нижеудинскому земскому суду.

«По указу Его Императорскаго Величества, въ губернскомъ правленіи слушали донесеніе Черемховскаго волостного правленія, отъ 20 сентября сего года за № 8205, о томъ, что правленіе это неоднократно дѣлало со стороны своей, черезъ публику и сношенія съ мѣстами, подвѣдомыми Балаганскому округу, вызовъ желающихъ на взятіе съ торговъ въ оброчное содержаніе съ 1865 года мѣста земли, изъ котораго добывается *черный купоросъ*; но никто на взятіе такового желанія не изъявилъ и къ срокамъ торговъ, назначенныхъ въ присутствіи сего правленія, не явился. Донося о семъ Иркутскому губернскому правленію, волостное правленіе просить о вызовѣ желающихъ на взятіе вышепоясненной статьи сдѣлать съ своей стороны зависящее распоряженіе.

Приказали: вслѣдствіе настоящаго донесенія Черемховскаго волостного правленія, Балаганскому земскому суду поручить, чтобы онъ распорядился сдѣлать слѣдующее: 1) предписать Черемховскому волостному правленію составить объявленіе о вызовѣ желающихъ на взятіе въ оброчное содержаніе находящагося въ дачахъ Черемховской земли мѣста, содержащаго въ себѣ черный купоросъ; по объявленіи это представить въ губернское правленіе черезъ земскій судъ; 2) за припечатаніе означеннаго объявленія въ губернскихъ вѣдомостяхъ прислать, вмѣстѣ съ объявленіемъ, въ губернское правленіе деньги 1 руб. 50 коп., слѣдующія въ доходъ ти-

графіи; и 3) какъ Черемховскому волостному правленію, такъ и прочимъ подвѣдомымъ Балаганскому земскому суду мѣстамъ подтвердить, чтобы они, при подобныхъ случаяхъ, о вызовѣ къ торгамъ желающихъ составляли всегда особыя объявленія, съ подробнымъ обозначеніемъ въ нихъ какъ предмета торговъ, такъ и мѣста и сроковъ для торга и перторжки—такъ, чтобы къ торгамъ вызовъ могъ распубликовываться до того троекратно въ «Губернскихъ Вѣдомстяхъ», въ теченіи 3-хъ недѣль; и представили черезъ земскій судъ въ то же время, вмѣстѣ съ объявленіемъ, подлежащія за отпечатаніе объявленія деньги 1 руб. 50 копѣекъ. Для соблюденія же означеннаго порядка въ точности по прочимъ мѣстамъ, подвѣдомымъ земскимъ судамъ, послать имъ указы къ надлежащему распоряженію. Октября 12 дня 1865 года».

II.

На памятникъ поэту А.С. Пушкину.

Въ 1871 г. Иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, за № 175 отъ 1-го іюля, было предписано Нижнеудинскому уѣздному полицейскому управленію «произвести въ уѣздѣ сборъ денегъ на памятникъ поэту Пушкину». Нижнеудинское уѣздное полицейское управленіе, несмотря на еще двухкратное напоминаніе Иркутскаго генералъ-губернатора, все время молчало и только черезъ пять лѣтъ, въ 1876 году, наконецъ, откликнулось, и представивъ, генералъ-губернатору собранныя на памятникъ поэту Пушкину деньги въ суммѣ четырехъ рублей семидесяти копѣекъ, донесло, что «эти деньги удалось собрать только въ одной Братской волости да и то благодаря лишь полицейскимъ мѣрамъ воздѣйствія»...

III.

Донесеніе о смерти политическаго ссыльнаго.

Тельминское волостное правленіе, отъ 22-го января 1883 года за № 536, доноситъ Нижнеудинскому уѣздному полицейскому управленію:

«Проживающій въ селеніи Тельминскомъ политическій ссыльный Братской волости Іосифъ Ивановскій въ ночь съ 18-го на 19-ое января волею Божію умеръ и погребенъ по обряду римско-католическому, закопанъ поляками».

IV.

Награжденіе нарядным кафтаномъ.

Въ 1872 году, за № 495 отъ 7-го марта, было издано въ Иркутской губерніи циркулярное распоряженіе

генералъ-губернатора Восточной Сибири о награжденіи земледѣльцевъ за личное трудолюбіе и стараніе по усовершенствованію земледѣлія. Въ этомъ циркулярѣ сказано: «въ награду лицамъ, заслуживающимъ вниманіе за личное трудолюбіе и стараніе ко усовершенствованію земледѣлія, г. министромъ Императорскаго Двора препровождены къ его высокопревосходительству два нарядныхъ, шесть почетныхъ съ украшеніями, 15 простыхъ кафтановъ безъ украшеній и 38 золотыхъ съ каменьями женскихъ вещей.»

На основаніи этого распоряженія Нижнеудинскій окружной исправникъ въ 1873 году, отъ 6 ноября за № 2724, сдѣлалъ военному губернатору города Иркутска и Иркутскому гражданскому губернатору такого рода донесеніе.

«Государственные крестьяне Алзамайской волости, Уковскаго селенія, приговоромъ своимъ, постановленнымъ 14 сентября сего года, ходатайствуютъ о представленіи въ награду односельца ихъ крестьянина Матвѣя Степанова Михалева за особый трудъ по усовершенствованію имъ земледѣлія, которое, при тщательной обработкѣ его, дошло въ теченіи 10 лѣтъ тому назадъ отъ 5 до 60 десятинъ.

Удостовѣрившись лично въ справедливости означеннаго ходатайства крестьянъ Уковскаго общества, я, съ представленіемъ общественнаго приговора, имѣю честь почтительнѣйше испрашивать распоряженія вашего превосходительства о награжденіи Михалева за трудъ его по земледѣлію однимъ изъ подарковъ, которые означены въ циркулярѣ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири. При этомъ почтительнѣйше докладываю вашему превосходительству, что семейство Матвѣя Михалева состоитъ изъ 3-хъ взрослыхъ душъ и одного малолѣтняго сына; образъ жизни его во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный и хозяйство онъ имѣетъ хорошее; изъ числа 60 десятинъ снято хлѣба въ настоящемъ году съ 30 десятинъ, а остальныя затѣмъ 30 десятинъ приготовлялъ къ будущему году. Урожай хлѣбовъ оказался хорошій».

На этомъ донесеніи 7-го февраля 1874 года генералъ-губернаторомъ К. Шелашниковымъ сдѣлана помѣтка: «выдать нарядный кафтанъ и чтобы это было извѣстно всѣмъ».

18-го февраля, при торжественной обстановкѣ, состоялось облаченіе крестьянина Михалева въ Алзамаяхъ въ царскій нарядный кафтанъ за № 2723 и выдано свидѣтельство на право ношенія его за № 137.

Сибирская библіографія.

«Сѣверныя зори», *литературно-публицистическій сборникъ. Москва, изд. И. Д. Сытина, 1916, цѣна 1 р. 50 к., 312 стр. Доходъ поступаетъ въ фондъ на постройку учительскаго дома въ Иркутскѣ.*

Сборникъ, изданный въ Москвѣ съ благотворительной цѣлью, составленъ группой литераторовъ-сибиряковъ, въ Сибири далеко не безъизвѣстныхъ. Несмотря на попытки редакторовъ придать изданію какую-нибудь цѣльность, содержаніе сборника остается въ значительной мѣрѣ случайнымъ.

Сибирскій мотивъ, т. е. главное въ подобныхъ книжкахъ, переданъ и слабо, и, пожалуй, больше географически.

Стихи г. Вяткина «Памяти павшихъ» столько же легки, сколько и поверхностны; несоотвѣтствіе отдѣльныхъ образовъ характерно для многопишущаго автора... «Изъ пѣсенъ изгнанія» г. П. Второва — о нихъ см. выше, спеціальную замѣтку «Къ изгн. поэз.» «Въ безмолвіи таежномъ» К. Журавскаго — очень гладкіе и звучные стихи, лишенные, однако, оригинальности, какъ и прелести «мѣстнаго» аромата; «безмолвія таежнаго» поэтъ, къ сожалѣнію, не почувствовалъ.

Беллетристика, представленная виднѣйшими сибирскими именами, въ общемъ не возвышается надъ уровнемъ посредственнаго.

Лучшее въ этомъ отдѣлѣ — большой разсказъ г. Ис. Гольдберга «Темное». При всемъ очевидномъ и, временами, довольно близкомъ перенѣвѣ андреевскаго «Василія Опвейскаго», при всей раздвоенности замысла автора и, вообще, несинтезированности этого разсказа, въ послѣднемъ чувствуется несомнѣнная вдумчивость, а отдѣльныя мѣста свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ же художественномъ дарованіи автора.

«Варинъ сонъ» г. Вяч. Шишкова — заурядный «военный разсказъ», обычнаго для автора легко-анекдотическаго характера. Разсказъ г. Вл. Бахметьева «Мать» не портитъ сборника, но съ равнымъ успѣхомъ могъ бы въ немъ и не быть. То же, приблизительно, можно сказать и о разсказѣ г. Г. Гребенщикова «По красному звѣрю»: въ немъ кажущееся пониманіе дѣйствительности, но недостаточно художества.

Въ отдѣлѣ публицистическомъ выдѣляются двѣ статьи. Одна — «Открытая книга природы» г. Н. Козьмина, очередной, но и фатально-бездѣйственный вопль сибиряка объ отсутствіи среди сибирской интеллигенціи жажды къ осознанію Сибири, вопль о засильѣ послѣдней метрополіей. «Поменьше бы жа-

ловаться, да побольше бы дѣлать!»—вотъ что хочется всегда сказать по поводу подобныхъ воплей.

Гораздо дѣйственнѣй статья г. Галсана Цэренова «Очередныя задачи бурятскаго просвѣщенія». Какъ по тону этой обстоятельной статьи, такъ и по обилію приведенныхъ въ ней фактовъ, можно смѣло заключить, что буряты не проводятъ время въ безплодныхъ ламентаціяхъ, но дѣятельно и упорно, а главное, съ внутреннимъ сознаніемъ права, движутся по пути прогресса.

Н. Ч.

«Иркутскіе вечера». *Стихи. Альманахъ первый. Изданіе группы поэтовъ въ Иркутскѣ. Іюнь, 1916. 84 стр. Цѣна 1 р.*

Пятеро иркутскихъ поэтовъ—К. Журавскій, И. Камова, Л. Новицкій, В. Пруссакъ, В. Статьева—выпустили первый сборникъ своихъ стиховъ. Сибирскій критикой сборникъ встрѣченъ неблагосклонно. Причинъ тому двѣ: во-первыхъ, большинство стиховъ довольно круто выдѣляются на преобладающе-реалистическомъ фонѣ Сибири новыми пріемами творчества, и во-вторыхъ, авторы сборника снабдили его боевымъ предисловіемъ о положеніи искусства въ Сибири, чѣмъ чуть ли не завѣдомо возстановили противъ себя сибирефильскую печать. Подробное разсмотрѣніе альманаха не входитъ въ задачи нашей замѣтки. Отмѣтимъ только коротко, что Сибири и сибирскому не удѣлено въ альманахѣ мѣста, за исключеніемъ одного сонета, принадлежащаго В. Пруссаку. Въ эстетическомъ отношеніи сборникъ весьма не равноцѣненъ, но по сибирскому масштабу долженъ быть признанъ довольно замѣтнымъ явленіемъ.

В. Григорьевъ.

М. Е. Стожъ. «Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ.» *Иркутскъ. Кн-ство «Присы». Цѣна 40 коп.*

Изданія Стожъ принято считать макулатурой, и это на три четверти правильно. Но - вотъ какое любопытное явленіе: въ то время, какъ такъ называемая «хорошая» книга въ Сибири лежитъ въ пыли, «макулатура» Стожа растетъ и растетъ, и это вовсе ужъ не такой «мпоъ»—всѣ эти «пятыя» и «десятыя» изданія, какъ любятъ утѣшать себя репензенты «хорошихъ» газетъ.

Здѣсь, въ сущности, повторяется престарая россійская исторія: пока хорошіе интеллигентные господа, сидя сидиемъ

въ кабинетѣ, мечтаютъ для мужика о «Бѣлинскомъ и Гоголѣ», мужикъ исправно тянется къ глупому «Милорду», который поданъ ему во-время, подъ нужнымъ соусомъ и, въ данную минуту, разсуждая примѣнительно къ субъекту, мужику и ближе, и нужнѣе. Дѣйствуютъ, конечно, здѣсь и «независящія обстоятельства», но не ими, въ конечномъ счетѣ, разрѣшается споръ.

Та же картина, приблизительно, и въ Сибири. Пока хорошіе сибиряки мечтаютъ о томъ, о семъ, является предпріимчивый Стожъ и, уяснивъ назрѣвшую потребность сибирскаго читателя или же путника по сибирской желѣзкѣ въ томъ, или иномъ изданіи, незамедлительно приступаетъ къ таковому а то и анонсируетъ его за полгода, за годъ.

Такъ выпущены Стожемъ: «Спутникъ по Сибири и Востоку», «Какъ воспѣтъ Байкалъ въ стихахъ и прозѣ», «Сибирскіе поэты и ихъ творчество» и, наконецъ, вотъ этотъ «Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ». Анонсированы: «Словарь сибирскихъ художниковъ, музыкантовъ, общественныхъ дѣятелей» и пр., «Лекарственныя травы Сибири» и др.

Какъ все это выполнено или будетъ выполнено г-номъ Стожъ – дѣло другое (въ мѣру безтолково и на половину грамотно). Но согласитесь, что *принципіально* всѣ эти изданія совершенно нужны, и что макулатурный Стожъ дѣлаетъ тутъ только дѣло, которымъ бы давно нужно было заняться его многоученымъ критикамъ.

Сдѣлаемъ маленькое отступленіе.

Въ Потанинскомъ (юбилейномъ) номерѣ «Сибирскаго Студента», нѣкто г. Ф. Сибирякъ очень соболѣзнуетъ по поводу отсутствія въ сибирской школѣ спеціально приноровленнаго къ Сибири учебника, т. е. учебника съ «мѣстнымъ колоритомъ», охватывающаго въ главныхъ чертахъ «сибирское». Желаніе имѣть такой учебникъ такъ естественно: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, продолжать внушать сибирскимъ дѣтямъ по Ушинскому, что «кутья стоитъ на покути, а узваръ ушелъ на базаръ», и т. п.

Казалось бы – какой отсюда выводъ?

Господи! Въ Сибири столько учителей, столько обществъ, «изучающихъ» Сибирь, столько ревнителей «мѣстнаго патріотизма», столько, наконецъ, литераторовъ-сибирефиловъ, —что имъ прямо-таки ничего не стоитъ взять да и составить такой учебникъ!

Г-нъ же Ф. Сибирякъ заинтересовался дѣломъ съ другой стороны: вотъ вамъ, говоритъ онъ, яркая иллюстрація того, какъ... метрополія угнетаетъ окраину!

И къ этому излюбленному воплю сводится, въ концѣ концовъ, все признанное «изученіе» Сибири и все «улучшеніе ея быта».

Очень непріятно «каркать», а вѣдь такъ случится, что и это нужное для Сибири дѣло (составленіе учебника) сдѣлаетъ за «истинныхъ сибиряковъ» кто нибудь чуждый Сибири, или же... или же ухватится за явно назрѣвшую потребность тотъ же Стожъ и выпуститъ такой учебникъ... «со всѣми его послѣдствіями»!

Обращаясь къ «Словарю сибирскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ», замѣтимъ, что это изданіе слѣдуетъ отнести къ разряду наименѣе безграмотнаго изъ всего, что г-номъ Стожъ уже выпущено.

Отдѣльныя біографическія замѣтки составлены довольно сносно, но системы, къ сожалѣнію, никакой. Много біографическихъ упущеній, многое только намѣчено, біографіи подмѣнены кое-гдѣ характеристиками, и т. д.

Словомъ, это — не словарь, а скорѣе черновой къ нему набросокъ, требующій, вдобавокъ, серьезной переработки. И все же потребность въ словарѣ такъ велика, что и такому вотъ изданію приходится пожелать распространенія.

В. Г.

П. Н. Колядо. «Изъ ленскихъ впечатлѣній». *Бытовыя картины и очерки. Иркутскъ, 1916 г. 60 стран. Цѣна 50 к.*

Книжечка П. Н. Колядо представляетъ простое собраніе ряда распространенныхъ газетныхъ корреспонденцій изъ ленской жизни. Авторъ книжки,— «невольный туристъ», какъ онъ самъ выражается,— выступаетъ передъ нами то въ качествѣ чернорабочаго по сплаву, то просто пѣшехода-путника. Онъ чутко реагируетъ на окружающее, оставаясь въ то же время самимъ собой—всегда внимательнымъ и вдумчивымъ. Въ этомъ, кажется и есть тотъ маленькій плюсъ, которымъ хочется отмѣтить книжечку. Къ минусамъ нужно отнести несносный резонерскій тонъ и малую литературность автора.

С. Б.

Кооперативные журналы Сибири. (*„Алтайскій Крестьянинъ“, „Народная Газета“, „Сельско-Хозяйственная Жизнь“, „Сибирская Деревня“, „Амурскій Земледѣлецъ“.*)

Какой должна быть предназначенная для народа печать? На эту тему появилась статья въ „Журналѣ для всѣхъ“, № 2 за текущій годъ, перепечатанная въ „Алтайскомъ Крестьянинѣ“, №№ 16, 17, 18.

Рѣчь идетъ о періодической печати для деревни, и авторъ статьи находитъ изданіе такихъ газетъ дѣломъ весьма труднымъ. Главная трудность состоитъ, по мысли автора, въ неумѣніи подойти къ крестьянину, взять въ бесѣдѣ съ нимъ вѣрный тонъ. Крестьянинъ, говорится въ статьѣ, на этотъ счетъ особенно чутокъ, и малѣйшая пренебрежительная нотка по его адресу глубоко его оскорбляетъ.

„Потому духовный обликъ народной газеты долженъ быть такимъ: одни только знанія и деликатно предложенныя поясненія, и никакихъ поученій; народъ такъ усталъ отъ нихъ, отъ всякихъ помочей и указокъ, такъ напуганъ ими, что рѣшительно не выноситъ ихъ“.

Къ этому авторъ прибавляетъ еще практическое указаніе о необходимости давать крестьянину, главнымъ образомъ, серьезный общеобразовательный матеріалъ.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя спорныя или даже просто невѣрныя положенія приведенной статьи (извѣстно, напримѣръ, что какъ разъ корреспонденціи, присылаемыя самими деревенскими сотрудниками, составлены почти всегда въ поучительномъ тонѣ, и вообще крестьяне питаютъ пристрастіе къ дидактикѣ, если она исходитъ изъ источника, внушающаго имъ довѣріе), надо признать, однако, что статья правильно отмѣчаетъ основное свойство просвѣтительной газетной работы въ деревнѣ: газета не даетъ крестьянину ни идей, ни даже знаній, если она не завоевала его безусловнаго довѣрія, если она не стала народной по духу, а не только по имени.

Въ самомъ дѣлѣ, общеизвѣстно, что крестьянинъ недовѣрчивъ, — это исконная его черта, на что у него имѣются серьезныя историческія и экономическія основанія. По своему безпредѣльному невѣжеству и безграмотности, онъ относится всего недовѣрчивѣе къ печатному слову. О крестьянское недовѣріе, какъ о каменную стѣну, разбивается всякое просвѣ-

тительное начинаніе, идущее въ деревню *извнѣ*, крестьянинъ почти не имѣлъ еще случая убѣдиться на опытѣ, какъ ежедневно убѣждается городской рабочій, что знаніе—огромный козырь. Онъ не станетъ, подобно рабочему, въ потѣ лица своего, расшифровывать непонятныя слова въ газетѣ, не будетъ бороться съ утомленіемъ, охватывающимъ его при чтеніи сухой статьи. Онъ отложитъ газету и скажетъ: „господское дѣло".

Но поэтому то самое первое и главное—убѣдить его съ самаго начала, что газета—не господская затѣя, а исходитъ изъ близкаго ему духовнаго источника. Какъ это выполнить на практикѣ? Въ этомъ вопросѣ жизнь за послѣдніе 10 лѣтъ намѣтила правильный путь. Онъ состоитъ въ томъ, что газета приходитъ въ деревню, какъ органъ крестьянскаго общества или крестьянскаго союза союзовъ. Пусть эти организаціи—кооперативныя или сельскохозяйственныя, все равно. Въ какой мѣрѣ онѣ успѣли внѣдриться въ деревню, связаться съ нею, въ равной мѣрѣ обезпеченъ и успѣхъ ихъ газетъ.

Эти послѣднія находятъ въ деревнѣ и сотрудниковъ, и распространителей, а въ концѣ концовъ и организаторовъ. Шагъ за шагомъ онѣ преодолѣваютъ основную трудность—отчужденность крестьянской массы отъ источниковъ знанія, и разбиваютъ ледъ крестьянскаго равнодушія и недовѣрія. Въ будущемъ, онѣ подготовятъ, несомнѣнно, почву для внѣдренія въ деревнѣ и общей печати.

Въ Сибири связь народной газеты съ коопераціей и сельскохозяйственными обществами обозначилась всего опредѣленнѣе, и проникновеніе народной газеты въ деревню идетъ весьма интенсивно. Число кооперативныхъ органовъ весьма велико, и растетъ съ каждымъ днемъ, тѣмъ болѣе, что они не встрѣчаютъ конкурренціи въ лицѣ земскихъ журналовъ и листковъ. Сибирская народная печать, можно сказать—дѣтище кооперацiи, и на ней легче всего прослѣдить то хорошее и худое, что дала просвѣтительной газетной работѣ ея близость съ экономическими организаціями крестьянства.

Что несетъ въ деревню издающаяся кооперативами народная печать? Что она беретъ отъ деревни? Каковы ея преимущества и недостатки по сравненію съ общей печатью, съ точки зрѣнія деревенскихъ интересовъ? На примѣрѣ нѣсколькихъ органовъ сибирской кооперацiи, попытаемся выяснить, имѣемъ ли мы въ ихъ лицѣ дѣло съ дѣйствительно *народной* печатью.

Первое, чего деревня ждетъ отъ своей газеты, это — извѣстія о войнѣ. Явленія нынѣшней войны неизмѣримо сильнѣе задѣваютъ крестьянскіе интересы, чѣмъ всѣ прежнія войны, но гораздо менѣе ихъ понятны сознанію деревни. Отсюда горячій интересъ крестьянина къ извѣстіямъ и газетнымъ разсужденіямъ о войнѣ. Идетъ ли и въ какой мѣрѣ кооперативная газета на встрѣчу этому желанію?

Отдѣлъ подъ заголовкомъ „Военное обозрѣніе“ имѣется и въ „Алтайскомъ Крестьянинѣ“, и въ „Народной Газетѣ“, и въ „Сибирской Деревнѣ“, и въ „Амурскомъ Земледѣльцѣ“. Глубокій интересъ крестьянства къ военнымъ событіямъ сказался въ размѣрахъ мѣста, отводимаго нѣкоторыми изъ этихъ изданій войнѣ.

Больше всѣхъ посвящаетъ войнѣ мѣста „Алтайскій Крестьянинъ“. Обычно, если за отчетную недѣлю не было важныхъ союзныхъ совѣщаній, война занимаетъ 12 страницъ изъ 32-хъ. Извѣстія о войнѣ собраны въ одномъ отдѣлѣ и проникнуты однимъ духомъ. „Народная Газета“, органъ крупнѣйшаго сибирскаго союза маслодѣльныхъ артелей, издающаяся уже 11-ый годъ, имѣетъ постоянный отдѣлъ „Около войны“, большей частью въ 6 страницъ (изъ 32-хъ). Кромѣ того, военныя извѣстія, стихотворенія и т. п. разсыпаны въ общемъ отдѣлѣ и въ „разныхъ извѣстіяхъ“. Въ „Сибирской Деревнѣ“ и „Амурскомъ Земледѣльцѣ“ размѣры разсматриваемаго отдѣла колеблются отъ 6 до 7 въ первомъ и отъ 3 до 4 во второмъ (изъ 32). Омская „Сельскохозяйственная Жизнь“, очень большой по размѣрамъ и вообще сравнительно богатый по содержанію журналъ, почему-то пренебрегъ нуждой крестьянина въ свѣдѣніяхъ о войнѣ, хотя газета и стремится, судя по ея подзаголовку, стать ходкой въ широкихъ массахъ.

Обращаясь къ содержанію военнаго отдѣла, мы отказываемся видѣть на немъ печать народнаго духа и народнаго пониманія. Къ сожалѣнію, голодъ народа къ осознанію происходящаго удовлетворяется изъ рукъ вонъ небрежно. Ни въ одинъ изъ упомянутыхъ органовъ читатель не найдетъ ни одной оригинальной статейки о войнѣ, составленной самой редакціей или присланной кѣмъ-нибудь изъ деревенскихъ сотрудниковъ. Исключеніе, далеко не изъ желательныхъ — военныя стихотворенія „Народной Газеты“, отдѣлы „Великая Европейская война“ въ „Алтайскомъ Крестьянинѣ“ и „Около войны“ въ „Народной Газетѣ“, состоящія исключительно изъ перепечатокъ изъ столичныхъ, большей частью, бульварныхъ изданій. Въ „Алтайскомъ Крестьянинѣ“ особенно

любятъ раздирательныя корреспонденціи Г. Петрова, о военныхъ достоинствахъ которыхъ такъ ѣдко высказался „Русскій Инвалидъ“. Самые заголовки, принадлежащіе явно перу редакціи, пишутся по всѣмъ правиламъ бульварнаго газетнаго искусства и разсчитаны на опредѣленный эффектъ. „Мирные мародеры“ (о нейтральныхъ странахъ); „Будь я кайзеромъ“ и т. д. Для разнообразія редакція частенько угощаетъ читателя излюбленной теперь журнальчиками, вродѣ „Огонька“, опредѣленной смѣсью. И эту кашицу газета находитъ особенно полезной и удобопонятной для темнаго крестьянина!

Мы долго остановились на военномъ отдѣлѣ „Алтайскаго Крестьянина“, потому что въ томъ же духѣ и тонѣ, развѣ что болѣе скучно, пишется и военная литература „Народной Газеты“. Въ остальныхъ разсматриваемыхъ нами органахъ военный отдѣлъ сводится къ простому обозрѣнію событій на фронтѣ за отчетный періодъ.

Ст.

(Продолженіе будетъ.)

Редакторъ-Издатель А. И. Лихьковъ.